

Министерство просвещения РСФСР
ВЛАДИМИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

М. В. НИКИТИН

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СЛОВЕ И СЛОВСОЧЕТАНИИ

*СПЕЦКУРС ПО ОБЩЕЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ*

811504

ВЛАДИМИР — 1974

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значение является одной из центральных проблем современной науки. Проблематика значения разрабатывается в ряде наук и научных дисциплин: философии, логике, кибернетике, социологии, психологии, семиотике, лингвистике, психолингвистике, социолингвистике, этнолингвистике и других. Наиболее интенсивно эта проблематика исследуется с позиций философии (гносеология, или эпистемология), формальной логики (логическая семантика, модальная логика), семиотики (семантика, прагматика и синтактика), лингвистики (семасиология) и психолингвистики.

Возникающие при исследовании значения проблемы настолько сложны, так тесно связаны с решением кардинальных вопросов теории познания и методологическими вопросами ряда наук — лингвистики и семиотики прежде всего, — что теория значения еще не вышла из начальной стадии своей разработки. Однако пристальный интерес к значению и комплексное его исследование средствами различных наук уже принесли существенные результаты и заметно продвинули понимание этого сложного явления. Сказанное касается и семасиологии, лингвистической дисциплины, занимающейся исследованием значения в естественных языках. В связи с этим возникает потребность в теоретических спецкурсах, которые бы восполняли программные сведения по семасиологии, содержащиеся в курсах общего языкознания, лексикологии, отчасти также грамматике и стилистике, до современных исследований. Эта потребность и обусловила появление настоящего спецкурса.

Спецкурс основывается на исследованиях автора в области семасиологии и лекциях, которые им читались

в 1968—1974 гг. для преподавателей и студентов на межкафедральном лингвистическом семинаре ВГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского. Центральное место в нем занимают вопросы взаимодействия (комбинаторики) лексических значений слов в словосочетаниях. Вместе с тем достаточно подробно освещается проблематика лексического значения в отдельном слове, связанная обратной зависимостью с уяснением их синтагматического взаимодействия. Последнее целесообразно и по методическим соображениям, так как обеспечивает постепенный переход от проблем, более традиционных и известных, к более сложной проблематике синтаксиса значений.

Спецкурс строится на материале английского языка, однако в целях большей наглядности и доступности широко привлекается русский материал: во всех сложных случаях английский иллюстративный материал дублируется однотипными русскими примерами. Это позволяет адресовать спецкурс более широкому кругу читателей за рамками отделений английского языка. Вместе с тем подтверждается универсальный характер рассматриваемых явлений. Следует иметь в виду, что русский материал (он указывается через косую черту) является именно параллельными однотипными иллюстрациями и, как правило, не служит переводом соответствующих английских примеров.

Спецкурс рассчитан на 30 часов (15 лекций). Опыт автора подсказывает, что в зависимости от аудитории нецелесообразно связывать себя жестким распределением лекционного времени по отдельным темам спецкурса. Поэтому указываемое распределение тем и лекций надо принимать как примерное, имея в виду, что желательна пропорция 1 к 2 между проблемами лексического значения в отдельном слове и проблемами комбинаторики лексических значений в словосочетаниях.

ЧАСТЬ I

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СЛОВЕ

(лекция 1)

РАЗДЕЛ I.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Наиболее общими категориями, на которые подразделяются сущности отражаемого сознанием мира, являются вещи, свойства и отношения. Это не абсолютные, а относительные категории, взаимно определяемые одна через другую (см. А. И. Уемов [77—52])¹. Вещь — сущность, обладающая свойствами и/или отношениями. Свойства — то, что обнаруживается у вещи, взятой вне отношений к другим вещам. Отношения — связи, взаимодействия вещей. Свойства вещи обнаруживаются в ее отношениях, а отношения обуславливают присущие вещи свойства. Когда различие свойств и отношений не существенно, будем говорить о них как о признаках вещей.

В логике понятию вещи соответствует аргумент, а признаку — предикат. При этом о признаках-свойствах говорят как об одноместных предикатах, а об отношениях — как о многоместных предикатах (двухместных, трехместных и т. д., в зависимости от числа вещей, между которыми устанавливается данное отношение).

Концептом будем называть любую дискретную содержательную единицу (образ) сознания. Концепты

¹ Цифры в косых скобках относятся к списку литературы в конце работы. После тире указаны страницы в источнике.

могут быть отражением реальных сущностей, а могут в той или иной мере твориться самим сознанием, т. е. могут быть конструктами самого сознания. Концепты — это прежде всего представления и понятия. Представление есть мысль о единичной вещи, реальной или вымышленной. Понятие — мысль об общем и всегда предполагает отвлечение от единичного. Есть два рода понятий по характеру образующей их абстракции: понятие о классах вещей и понятие о признаках (свойствах или отношениях) вещей. Класс — множество вещей с общим признаком (признаками). Признак — общее или различное в вещах. Понятие о классе образуется абстракцией обобщения вещей с тождественными признаками, а понятие о признаке — отвлечением общего от вещей (см. Д. П. Горский [27—24 и след.]).

Понятие о классе выступает в двух аспектах: индуктивно-эмпирическом и дедуктивно-логическом. Понятие в индуктивно-эмпирическом аспекте представляет собой открытую вероятностную структуру признаков. Понятие в его дедуктивно-логическом аспекте предстает как жесткая закрытая структура обязательных признаков. В первом случае понятия отражают диалектичность мира и вещей, но содержание их несколько текуче, не вполне определенно и в логических цепях (рассуждениях) они должны принять вид дедуктивно-логических понятий. Последние обеспечивают определенность суждений, однако, при этом неизбежна какая-то конструктивация (схематизация, огрубление) действительности. Развитие познания совершается в постоянном соотношении двух аспектов понятия единой предметной отнесенности (подробнее об этом см. М. В. Никитин [60]).

Десигнат — это концепт (представление или понятие), связанный знаком (например, словом, морфемой, словосочетанием и т. п.). Иначе говоря, десигнаты — это значения разнообразных знаков, те концепты, которые с ними связываются и ими выражаются. Сам знак, каким бы он ни был, состоит, таким образом, из двух частей: помимо десигната (значения) — выражаемой, означаемой части, он содержит еще часть выражающую, означающую. Последнюю называют десигнатором. Сущность любого знака, в том числе и словесного, заклю-

чается именно в соединении какого-то десигната с определенным десигнатором.

В соответствии с отечественной лингвистической традицией (несколько, впрочем, расширяя ее) будем называть именами все полнозначные, или знаменательные слова. Именами, таким образом, считаем все слова, кроме служебных. Нередко то, что считают одним именем, реально представляет собой совокупность форм, которые, при всех их различиях, понимаются как варианты единого — как грамматические формы одного имени. Тождество имени обеспечивается тем, что десигнаторы его форм имеют общую (инвариантную) часть, которой соответствует общее же (инвариантное) значение или же — в случае полисемии — несколько общих содержательно связанных значений. Будем называть такой инвариант имени лексемой, а свойственное ей значение — лексическим. Таким образом, имя — это класс грамматических модификаций одной лексемы.

Разграничение имен далеко не всегда очевидно. Трудности возникают, с одной стороны, при различении полисемии (одно имя) и омонимии (разные имена), а с другой стороны, при различении форм грамматических (одно имя) и форм словообразовательных (разные имена). Не углубляясь в эти проблемы, мы будем руководствоваться традиционными представлениями о различиях между полисемией и омонимией, между грамматическим и лексическим словоизменением.

Обнаруживаются две семиотические функции имен в высказываниях: репрезентации (обозначения) и дефиниции (описания). Имя в репрезентативной функции выступает семиотическим аналогом вещи или класса вещей в высказывании, т. е. представляет их в речи. Имя в дефинитивной функции описывает, квалифицирует эту вещь или класс вещей, т. е. является семиотическим аналогом их признаков. Денотатом называется то, что именем репрезентируется и/или описывается.

Всякий раз, когда имя в высказывании выражает представление, т. е. мысль о единичном, будем говорить, что оно имеет денотативное значение. Таким образом, имена несут в высказываниях денотативное значение, когда они репрезентируют единичную вещь (вещи). Напротив, всякий раз, когда имя в высказывании

выражает понятие, т. е. мысль об общем, будем говорить, что оно имеет сигнификативное значение. Таким образом, имена несут в высказываниях сигнификативное значение, когда они репрезентируют классы вещей или же описывают признаки единичных вещей или классов вещей.

Например, в выражении *Peter is a teenager* /*Петр — подросток*, имя *Peter/Петр* репрезентирует единичное, выражает представление и имеет денотативное значение; имя (a) *teenager/подросток* ничего не репрезентирует, имеет дефинитивную функцию, выражает понятие о признаке и несет сигнификативное значение. В выражении *The tigers are hungry/Тигры голодны* имя (the) *tigers/тигры* репрезентирует единичное, выражает представление и имеет денотативное значение, однако репрезентативная функция у этого имени совмещена с дефинитивной, так как обозначаемые описываются как тигры, т. е. определенным образом квалифицируются. Имя *hungry/голодны* ничего не репрезентирует, а только описывает, оно выражает понятие — мысль о признаке и, тем самым, имеет сигнификативное значение. Наконец, в выражении *(The tiger is a canivore (canivorous)/Тигр — хищник (хищен)* имя (the) *tiger/тигр* репрезентирует класс, выражает понятие о классе и, следовательно, имеет сигнификативное значение. Репрезентативная функция у этого имени совмещена с дефинитивной, поскольку нельзя обозначить класс, не описав его. Что же касается имен (a) *canivore (canivorous)/хищник (хищен)*, то они здесь не репрезентируют никакой вещи, а только описывают то, что уже репрезентировано именем (the) *tiger/тигр*, они выражают понятие о признаке и, следовательно, имеют сигнификативное значение.

Таковы необходимые нам исходные понятия и термины. Здесь они определены в самом сжатом виде¹ с тем расчетом, что, сталкиваясь с ними в последующем изложении, читатель будет при необходимости сверяться с этими определениями и сможет самостоятельно наполнить их конкретным содержанием.

¹ Подробнее по этим вопросам см. М. В. Никитин [60].

РАЗДЕЛ 2.

ПОЛИСЕМΙΑ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ

(лекции 2 и 3)

§ 1. Полисемия как характерная особенность естественных языков. § 2. Гомоморфизм соотношений содержания и выражения в языке. § 3. Основания разграничения (демаркации) полисемии: 4.1. Формально-языковые рефлексы содержательных различий. 4.2. Дистрибутивный метод. 4.3. Валентностный и трансформационный методы. 4.4. Метод субституции. 4.5. Метод перевода. 4.6. Общая оценка формальных методов разграничения полисемии.

§ 1. Имена, по меньшей мере, многие, многозначны, т. е. связываются с несколькими лексическими значениями. Отрицание полисемии в пользу омонимии (например, А. А. Потебня [69—15 и след.]) ничего не меняет в проблемах семантических тождеств — различий слов, содержательных связей слов, меры единого в семантических различиях, взаимодействия значений, имеющих единый десигнатор, и обратного влияния единого десигнатора на содержание связывающихся с ним десигнаторов. Приняв всякое семантическое различие на базе общего десигнатора за омонимию, мы ничего не изменим в существе дела, а лишь произведем терминологические замены (см. А. И. Смирницкий [71—39])¹.

Вместе с тем, признав в полисемии конститутивное свойство естественного языка, мы признаем, что 1) все ЛЗ многозначного имени содержательно связаны, 2) что возможно их содержательное взаимодействие, 3) что общность десигнатора сказывается способом обратной связи на содержании отдельных ЛЗ, их ономаσιологическом потенциале и осмыслении и 4) что есть какая-то мера содержательной близости — дистантности значений, позволяющая различать полисемию и омонимию. Кроме того, принятие полисемии равнозначно признанию того

¹ Проблема отграничения полисемии от омонимии нами не рассматривается. По этому вопросу см., например, М. И. Задорож-
ный [39].

факта, постепенно укореняющегося в семасиологии, что слово не имеет жестко очерченного круга связываемых с ним концептов. Его значение подобно гравитационному полю со сгущениями масс и тесным их взаимодействием в центре и ослабевающими к периферии силами тяготения, способными, однако, захватить и вовлечь в свою орбиту, хотя бы на время, те или иные концепты. Тем самым полисемия сталкивает исследователя с сложнейшими проблемами: 1) расчленения многозначности и отыскания реальных оснований различения отдельных ЛЗ; 2) соотносительных характеристик значений многозначного слова как элементов семантики слова и системы номинативных средств языка.

§ 2. Цель всякой речи состоит в передаче значений. Сделать это возможно лишь прибегнув к знакам. Универсальной первичной знаковой системой является естественный язык. Генетически язык выступает в качестве необходимого условия, обеспечивающего абстрактный обобщающий уровень создания. Однако отношение между десигнаторами (означающими) и десигнатами (означаемым, значением) далеко от одно — однозначного. Между ними существуют сложные перекрещивающиеся отношения (ср. явления полисемии, омонимии, синонимии). Знак обеспечивает понятийно-умозаключающий, человеческий уровень сознания; без языка невозможны высшие структуры связей в мозгу, соответствующие этому уровню сознания. Но, сложившись, эти структуры обладают достаточной самостоятельностью по отношению к механизму, который обеспечил их формирование и в котором они выявляются, — к языку. Концептуальные единицы разного рода, говорим ли мы о понятиях и представлениях, говорим ли мы о значениях, — опираются на знак, но содержательно ориентируются на действительность, опыт. В указанном смысле значения независимы от десигнаторов. Внутренние соотношения десигнаторов, построенные исключительно на их форме, не имеют самостоятельной ценности. Они имеют смысл постольку, поскольку отражают известные соотношения значений. Отвлекаясь от генезиса сознания и языка и имея в виду сложившееся сознание и язык, можно сказать, что десигнаторы необходимы постольку, поскольку они способны сигнализировать определенные значения. Любая система десигнаторов, какими бы ни были в ней

внутренние формальные соотношения, будет хороша, если она достаточно экономно (а предел колебаний, надо сказать, весьма широк!) обеспечивает эту функцию, в том числе и такая, в которой формальные соотношения десигнаторов не вполне упорядочены (т. е. неоднозначно повторяют соотношения значений). Строгая коммутация единиц планов выражения и содержания является никогда не достижимым идеалом в естественных языках и существует больше в развитом воображении некоторых лингвистов, чем в действительности. Попытки установить последовательный изоморфизм между единицами планов выражения и содержания, между структурами первого и второго приводят к тому, что, отталкиваясь от выражения, приписывают сознанию несуществующие единицы содержания и несуществующие структуры единиц содержания (датская глоссематика). Идеи этого рода коренятся в отождествлении языка с сознанием, свое крайнее выражение они находят в гумбольдтианских представлениях о том, что структура языка предопределяет структуру мышления (В. Гумбольдт, Э. Кассирер, И. Трир, неогумбольдтианство, Э. Сепир, Б. Уорф). Исходя из этих позиций, приходится всякие случайности в составе и строении языка возводить в ранг закономерных особенностей его структуры и считать их показателями «национального мышления».

На деле же значения имеют структуру, системную организацию, навязываемую в конечном счете структурой отражаемого мира и глубиной его разработанности в опыте. Между структурой значений и структурой форм, их выражающих, нет последовательного изоморфизма. Отсутствие упорядоченной коммутации единиц плана выражения (десигнаторов) и плана содержания (значений, десигнатов) особенно наглядно у номинативных единиц языка (слов и словосочетаний).

Но иначе и не может обстоять дело в естественном языке. В общественной практике людей происходят непрерывные изменения, осмысляемые сознанием. Язык наследует свой материал и структуру от предшествующих эпох, он должен выражать нечто постоянно изменчивое по составу и объему. Для этого он использует старый свой материал, подчиняя его новым задачам выражения, или вводит новые единицы. Его система не может быть ни изоморфной сознанию, ни завершенной. Она вынужде-

на постоянно перестраиваться. Завершенная система плоха тем, что недостаточно динамична в условиях непредсказуемых изменений.

Структурализм безусловно ценен тем, что акцентировал в языке аспект системности его единиц, но он плох тем, что гиперболизировал этот аспект сверх меры. Характеристика единиц через их соотношения в системе может быть достаточной, только если имеем дело с завершенной системой. Следует ясно представить себе, что системность в языке есть результат корреляций его единиц с значениями¹. В естественных языках нет до конца упорядоченной корреляции между его единицами и значениями, нет последовательной коммутации единиц плана выражения с единицами плана содержания, а значит, нет и последовательно системных соотношений внутри единиц плана выражения. Гипертрофированное представление о системности языка вынуждало структуралистов ставить значимость на место значения.

Но если нет до конца упорядоченной корреляции между десигнаторами и десигнатами и, как результат, нет последовательно системных соотношений между десигнаторами, то изучение последних тем более невозможно без обращения к значению. Этот вывод никак не парадоксален, если учесть, что в условиях неполной системности внутренняя — через систему — характеристика единицы не может быть достаточной.

Лингвистика в том виде, в каком она сложилась к настоящему времени, является преимущественно наукой о десигнаторах словесных знаков. Формальной стороне отдается предпочтение перед содержательной. Классификационные схемы строятся преимущественно исходя из формы, а не значения. К примеру, если одно слово имеет несколько значений, то за исключением особых случаев (омонимия) считается, что они составляют одну единицу. Напротив, если несколько разных слов выражают одинаковые или близкие значения (синонимия), они признаются разными единицами. Однако в классификациях грамматических морфем предпочтение отдается значению пе-

¹ Л. Ельмслев ясно представлял себе это обстоятельство и поэтому ввел в свою систему, кроме субстанции содержания, форму содержания и поставил ее в соответствие с формой выражения. Но при этом сознанию приходится приписывать такие единицы и такую организацию, которых в нем нет.

ред формой (например, в английском языке — (e) s,— en, а также некоторые чередования звуков объединяют в одну морфему множественного числа по общности значения несмотря на различие десигнаторов: box — boxes, ox — oxen, goose — geese). Равным образом и супплетивные грамматические формы объединяют в одном слове. Русское «крестить» имеет значения: 1) «обращать в христианство» и 2) «осенять крестом», которые по общности десигнатора лексикограф склонен рассматривать как два значения одного слова. Те же значения в английском языке передаются двумя десигнаторами 1) baptize, 2) cross и считаются разными словами. Денотаты русск. «кишка» в английском могут быть названы словами 1) анатом. intestine, gut и 2) hose (рукав для полива, шланг). Лексикограф определяет число слов соответственно числу десигнаторов, причем слову «кишка» будут приписаны два, а то и одно значение.

Можно предположить, что в перспективе развития лингвистики два подхода: от десигнаторов к значениям и от значений к десигнаторам — будут уравнены в правах. В самом деле, изучение структуры языка безусловно не имеет самостоятельной ценности. Не следует упускать из виду прагматическую, полезностную перспективу лингвистических штудий. Непосредственным назначением лингвистики является изучение корреляций между формой и содержанием, десигнаторами и значениями в словесных знаках (т. е. в естественных языках). Знание этих корреляций необходимо человеку для совершенствования знаковой коммуникации. С этой целью и занимаются углубленным изучением всех уровней структуры языка. До сих пор эти корреляции изучались преимущественно под углом зрения десигнаторов. Существуют словари слов-десигнаторов, но нет словарей значений. Хотя не только слово может иметь несколько значений, но и значение может быть выражено многими десигнаторами. Создан синтаксис слов-десигнаторов, но нет еще синтаксиса значений. Между тем противоположный подход имеет право на существование, и это подтверждается современным развитием лингвистики. Словари синонимов и антонимов, тематические словари отталкиваются от значения, компонентный анализ в известном смысле создает морфологию значений, ведутся исследования по семантике сложных знаков. Если значения, в том числе и лексические,

достаточно четко отграничены, то принципиально возможно создать словари значений, хотя сделать это сложнее, чем словари морфем или слов или словосочетаний — десигнаторов. Одна трудность состоит в том, как раскрыть и выявить значение, т. е. как подать его в словаре. Другая состояла бы в определении последовательности подачи значений, так чтобы можно было найти определенное значение в определенном месте словаря. Проект такого словаря справедливо покажется пока вещь весьма гипотетической, но обратим внимание на то обстоятельство, что толковые или двуязычные словари стремятся дать справа от десигнаторов слов не просто синонимы, толкования или переводы слов, а сигнализировать, «*подать*» именно значения (а также указать особенности употребления слова в этих значениях).

§ 3. Таким образом, значения в достаточной мере автономны от десигнаторов. Содержательная дискретизация значений обусловлена действительностью и опытом (хотя в генетическом плане десигнаторы и собственно знаки составляют непереносимое условие значений понятийного уровня). Между значениями и десигнаторами существуют сложные, перекрещивающиеся соотношения. Актуализация и манифестация этих соотношений соответственно коммуникативной задаче и составляет существо речевой деятельности. Эти два положения имеют методологический характер и должны учитываться при решении всех проблем лингвистической теории значения, в том числе и проблем полисемии.

Насколько отчетливо разграничиваются значения? — Насколько четко и глубоко разработана в человеческой деятельности и опыте соответствующая предметная область, насколько важны и резко проводятся различия в самой человеческой практике. Степень упорядоченности, разграниченности и систематизированности значений зависит от структуры человеческого опыта и деятельности в соответствующей предметной области. Значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенны для человеческой практики. И значения эти настолько дискретны, насколько существенна и отработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы. Известно, что мысль испытывает возрастающие трудности на пути от конкретного к абстрактному, от частного к общему все

более высокого порядка, от понятия о вещах к понятиям о признаках (свойствах и отношениях). Ее четкость на этом пути в общем затемняется, а границы понятия (объем, экстенционал, мощность) как бы размазываются. Соответственно этому имена вещей обнаруживают, как правило, более четкий семантический состав, чем имена признаков.

Именно известной аморфностью, текучестью логико-предметного содержания имен признаков объясняется то обстоятельство, что при изучении семантики глаголов и прилагательных исследование их референционно-содержательной стороны иногда подменяется анализом их валентностно-дистрибутивных и дифференциальных характеристик. Последнее тоже важно, но при этом еще не выходят за пределы изучения языковой формы. А переход в область содержания не так прост, ибо, вопреки представлениям гумбольдтианцев и глоссематиков, содержание не организовано в структуры изоморфно языковой форме.

Равным образом разницу в значении некоторых идеографических синонимов бывает затруднительно сформулировать по той причине, что в них отражена незаконченная дифференциация понятия.

Таким образом, описание семантики слов, фиксирование свойственных им значений неизбежно связано с известным огрублением, конструктивацией, схематизацией действительного положения вещей. Следует быть готовым к тому, что некоторые из проведенных различий значений и некоторые определения содержания значений неизбежно окажутся более жесткими, чем реальность речевой деятельности.

Лингвисты нередко подчеркивают исключительную важность языка в осуществлении духовной жизни людей, и это справедливо как по существу, так и по соображениям престижа лингвистики, которого она заслуживает. Но вместе с тем надо признать, что, во-первых, некоторые формы в языке соответствуют прошлому духовной жизни, во-вторых, некоторые формы приспособлены для нового содержания и, наконец, содержание языковых форм выявляется настолько определенно, насколько разработан в деятельности и духовной жизни людей соответствующий участок действительности.

Значения, как и всякого рода другие идеальные (пси-

хические) сущности, производны, вторичны по отношению к действительности и человеческой практике. Это принципиальное положение не отменяется тем, что многие из концептов (т. е. разного рода дискретных единиц сознания) являются в той или иной мере конструктами сознания, а некоторые и просто фантастичны. В сознании человека все дано и дифференцировано так, как в деятельности человека. Значения важны как звено деятельности человека, обеспечивающей ему возрастающую независимость от природы. Людей в конечном счете интересуют денотаты значений, но для того, чтобы ориентироваться среди денотатов, общественный человек должен еще ориентироваться и среди значений. Таким образом, всякий пользующийся языком подготовлен к тому, чтобы практически различать и отождествлять значения единообразным образом. Он подготовлен к этому всем опытом его коммуникативной деятельности как части совокупной человеческой деятельности. Он практически различает и отождествляет десигнаты единообразно с другими людьми в той мере, в какой он сам включен как часть в коллективную деятельность людей; индивидуальная «система значений» в той мере однородна норме коллективного языка, в какой индивид включен, разумеется, в широком смысле, в деятельность коллектива. Вместе с тем первая составляет часть второй.

Итак, основания отождествления и дифференциации значений коренятся в структуре и дискретизации практики. Общность действительности, общность опыта у разных людей, общность коммуникативной деятельности обеспечивают достаточно единообразную картину дискретизации семантических континуумов у разных людей и обеспечивают достаточную общность содержательного наполнения значений. Напротив, различия в указанных факторах соответствуют определенным различиям в составе и строении индивидуальных семантических систем и в содержательной глубине значений.

Мы должны вспомнить, что настойчивые попытки полностью исключить значение из лингвистики и строить описание языка на чисто формальных соотношениях, предпринимавшиеся последовательными структуралистами в предшествующие десятилетия, оказались несостоятельными. В любом случае требуется, как минимум, информант с его «магической» способностью определить

тождество или различие значения языковых форм. С позиций ортодоксального структурализма, вырывающего язык из контекста человеческой деятельности, такая способность действительно выглядит загадочной. Вместе с тем несомненно, что эта способность выявляет какую-то сущностную черту естественного языка, речевой деятельности и без надлежащего объяснения этой способности не может быть адекватного представления о языке. Выше было показано, что способность отождествлять — разграничивать значения языковых форм коренится в структуре человеческой практики, фиксированной сознанием. В этом смысле словарь является некоторой моделью разрешающей способности человеческого сознания.

Положения о том, 1) что нет последовательного изоморфизма между структурами содержания (значения, десигнатов) и структурами выражения (десигнаторов, формы, собственно языковыми структурами) и 2) что основания сопоставления, различения и отождествления значений языковых знаков коренятся в структуре человеческой деятельности, в дискретизации действительности и опыта, отложившейся в сознании, имеют важные следствия для семасиологии. Во-первых, из них следует вывод о принципиальной невозможности решить семасиологические проблемы на основе одних только формально-языковых критериев без обращения к так называемым внеязыковым факторам. Ниже будет показано, что последовательное исключение «внеязыковых факторов» при демаркации полисемии заводит в логический круг.

Во-вторых, из них следует предостережение против чрезмерно ригористического подхода к фиксированию и определению значений. Жесткие однозначные формулировки значений, совершенно необходимые для определенных целей в одних случаях, в других могут чрезмерно схематизировать и искажать зыбкость границ и текучесть семантики знаков естественного языка. Кроме того, если значения выявлены с той степенью отчетливости, какая имеется в дискретизации соответствующего участка человеческого опыта, то в некоторых пунктах сама структура человеческой практики в силу ее недостаточной, незавершенной дискретизации на данном участке не дает семасиологу оснований однозначно ответить на вопрос, следует ли вычленить особое значение у многозначного слова

или объединить два словоупотребления одним значением. Фиксируя значения в словаре, мы не можем не столкнуться с проблемами дискретизации и структуризации, не решенными в самой человеческой практике.

§ 4.1. Дискретизация и структуризация человеческой практики — главный критерий отождествления — различения значений и окончательная инстанция, к которой семасиолог должен апеллировать в сложных случаях. Однако практическое использование этого критерия для определения семантического состава языковых форм *en masse* было бы затруднительно. Поэтому на практике пользуются более удобными рефлексам этого критерия в самом языке, а именно, соотношениями слов и синтаксических структур, сложившимися как отражение дискретизации человеческой практики. При этом эксплицитно или имплицитно — чаще имплицитно — исходят из представления, что если с одним дисигнатором связываются несколько десигнатов, достаточно различаемых сознанием, то эти различия так или иначе, на том или ином уровне выявлены в языке и может быть найдена единая процедура или несколько процедур определения по формально-языковым признакам, имеем ли мы дело с одним и тем же или двумя, тремя и т. д. разными значениями. Используют порознь или в комбинации следующие методы разграничения значений многозначного слова: дистрибутивный, валентностный, трансформационный, субституционный и переводный методы, сравнение содержательных определений значений и компонентный анализ. Между указанными методами существует принципиальное различие. Первые четыре: дистрибутивный, валентностный, трансформационный, субституционный и переводный методы — являются формальными, поскольку стремятся насколько возможно исключить обращение к содержанию значений. Последние два: сравнение содержательных определений значений и близкий к нему метод компонентного анализа значений — являются содержательными, так как намеренно ориентированы на содержание значений и строятся на сравнении содержательных интерпретаций, истолкований значений. Наша задача здесь — рассмотреть логические основания формально-лингвистических методов демаркации лексической полисемии, с тем чтобы оценить их возможности.

4.2. Дистрибутивный метод (речь идет о лексической дистрибуции). Различия в сочетаниях данного слова с другими словами и классами слов не могут служить средством демаркации разных значений этого слова. Не дистрибутивные различия диагностируют значения многозначного слова, а напротив — различия в окружении, лексические классы сочетающихся слов определяются на основе различий в семантике слова. Иначе говоря, исходными являются значения, а различия в дистрибуции проводятся соответственно им. К примеру рассмотрев сочетания «birds fly, aircraft fly, pilots fly, the children flew (to meet their mother), the door flew (open), time flies /птица летит, самолет летит, пилот летит, поезд летит, время летит, мы установим у глагола «fly/лететь» два значения: 1) «лететь» = передвигаться по воздуху и 2) «лететь» = быстро передвигаться, мчаться.

Эти два значения различаются нами не потому, что мы обнаружили два лексических класса слов в окружении глагола: класс с значением «предмет, летающий по воздуху» и «предмет, не летающий по воздуху». Напротив, мы различаем эти лексические классы, поскольку нам дано различать значения: перемещаться по воздуху и перемещаться быстро. Различие двух таких классов слов предполагает, что мы различаем ситуацию летящей птицы от ситуации «летающей» двери и это различие настолько практически существенно, что отложилось в нашем сознании как разные понятия. Таким образом, сказав, что различия в лексической дистрибуции демаркируют значения многозначного слова, мы попадем в порочный круг: чтобы определить первые, надо уже знать вторые, чтобы провести лексические разграничения в дистрибуции слова, надо уметь разграничивать его значения.

То же можно сказать и о попытках отграничить полисемию от омонимии на дистрибутивной основе (например, М. Г. Арсеньева и др. [15]). Совершается та же ошибка *idem per idem*. Положим, десигнатор N имеет значения m_1 и m_2 и сочетается в первом из них с словами (или некоторыми классами слов) N_1, N_2, N_3 , а во втором — с N_3, N_4, N_5 . Можно ли оценить семантическое расстояние между m_1 и m_2 , сравнив семантику N_1 и N_2 с N_4 и N_5 . Разумеется, нет, равно как нельзя судить о содержательном сходстве m_1 и m_2 по тому факту, что в обоих

значениях N сочетается с N_3 . Фактически, не оценка семантической близости — дистантности N_1 и N_3 , с одной стороны, N_4 и N_5 , с другой, влияет на вывод о близости — дистантности значений m_1 и m_2 , а наоборот: неявно опираются на оценку семантического сходства — различия m_1 и m_2 и на этой основе оценивают семантику сочетающихся с ними классов слов.

Таким образом, лексическая дистрибуция слова не может служить решающим объективным показателем демаркации значений. При решении вопросов дискретизации семантики многозначного слова и оценки семантических расстояний этот критерий нельзя взять в качестве отправного пункта. На него можно ссылаться в ряду других показателей для подтверждения гипотез о дискретизации и расстояниях в семантическом пространстве, но доказательной силы он не имеет.

4.3. Валентностный (речь идет о синтаксической валентности) и трансформационный (речь идет о синтаксических трансформациях) методы. Заслуга в теоретической и практической разработке этих методов для целей семасиологического анализа в значительной мере принадлежит советским лингвистам и прежде других Ю. Д. Апресяну [1, 2, 4, 5,]. Методы основаны на том практически подтверждаемом представлении, что семантические различия в многозначной форме выявляются посредством различий в ее синтаксическом «поведении», через собственные ей синтаксические различия. Если слово многозначно, то объективным и наглядным показателем демаркации его значений могут служить различия в его синтаксических валентностях и трансформациях.

Использование валентностного и трансформационного метода, безусловно, делает семасиологический анализ слов более строгим и объективным. Однако и в этом случае нет оснований полагать, что значение сводится к формальным особенностям употребления слова, что «каждое отдельное значение является функцией характерных для него дистрибуций и трансформаций» (В. И. Перебейнос [68—173]). Во-первых, синтаксический метод в семасиологии не универсален. Не все семантические различия выражены синтаксически (Ю. Д. Апресян [6—25]). Нет последовательной корреляции между синтаксическими структурами. Не всякие разряды слов удобно исследовать этим методом. Во-вторых, син-

таксический метод в семасиологии основан на индуктивном обобщении. Не вполне ясно, из каких постулатов может быть выведена указанная корреляция, ее основания в языковой структуре. В связи с этим, хотя и отмечается множество очевидных случаев корреляции между структурой синтаксиса и структурой полисемии, объем этой корреляции, ее пределы не очерчены. Индуктивное обобщение остается индуктивным обобщением, и в каждом конкретном случае приходится заново проверять, правомерна ли экстраполяция синтаксиса в семантику. А это значит, что определяющий критерий лежит вне языковой формы. В-третьих, результаты синтаксического метода не должны сколько-нибудь существенно расходиться с интуитивным членением значений. Принципиальное расхождение означало бы несостоятельность метода. В задачу метода ставится не полное описание формально-синтаксических характеристик слова, а выявление с помощью этих характеристик его содержательной структуры. Если бы обнаружилось значительное несоответствие между результатами интуитивно-практического и формально-синтаксического членения полисемии, это означало бы, что метод замыкается в себе, «работает на себя», что нет достаточной корреляции между двумя планами. Итак, формально-синтаксический метод в семасиологии хорош как средство объективации интуитивно-практического разграничения значений, он формализует интуитивно-практический анализ семантики слова, уточняет его и определяет дискретизацию значения в интуитивно неясных случаях.

Надо сказать, что и при формально-синтаксическом методе, по-видимому, нельзя полностью избежать логического круга. Когда определяют, какие из синтаксических различий (валентности, трансформации) диагностируют различные значения слова, а какие нет, то при этом, очевидно, неявно опираются на интуитивно-практическую дискретизацию содержания, базирующуюся на опыте, знании.

Нет ничего ошибочнее представления, что значение есть функция различий в лингвистической форме (например, синтаксических: дистрибутивно-валентностных характеристик, трансформационных соотношений и др.). Идя этим путем, мы не получим ничего сверх того, что будет задано в определениях формы, т. е. получим не бо-

лее чем совокупные формальные характеристики языковых единиц, например, значимости и т. п. Если же пытаться установить значения (а не значимости) исключительно по их рефлексам в лингвистических формах, то неизбежен логический круг: исходя из интуитивно-практического членения значений (т. е. отталкиваясь от концептуальных членений, сложившихся в сознании в результате человеческой деятельности, опыта действительности), затем рассматривают их отображения и соответствия в языковой форме и, наконец, это последнее объявляют основанием демаркации значений. Значение — не функция синтаксической характеристики и шире — языковой формы, а отражение в сознании существенных подразделений человеческой деятельности, т. е. в конечном счете — функция деятельности, опыта, практики. Таким оно является, несмотря на ламентации блумфильдианцев по поводу того, что при этом лингвист оказывается недостаточно компетентным и не может дать содержательного определения многих значений. На это следует возразить, что и язык существует не для того, чтобы лингвист мог компетентно и удобно описать его. Естественный язык есть первичная универсальная знаковая система, обеспечивающая обобщающе-абстрагирующий характер человеческого сознания, общественно согласованная в целях обмена продуктами этого сознания. Можно привести примеры, когда с формальной стороны выполнены все условия и в языке отмечаются четко систематизированные формальные различия, которые, однако, лишены всякого значения в сколько-нибудь строгом смысле этого термина, содержательно пусты, так как у них нет никакого референционного и концептуально-мыслительного обеспечения. Наглядный пример — грамматический род.

4.4. Метод субституции. Процедура семантической демаркации многозначного слова посредством равнозначных (синонимических) субститутов строится следующим образом. Для слова во всех свойственных ему окружениях (дистрибуциях) и контекстах определяются возможные синонимические замены. Далее эти субституты группируются по общности состава и делается вывод, что в семантике выделяется не меньше разных значений, чем найдено субституционных групп. Для примера рассмотрим прилагательное *solid*.

Возможные окружения	Равнозначные субституты	Зна- чения	Возможные окружения	Равнозначные субституты	Зна- чения
s. argument	dependable	1	s. hour	whole	2.1
» ball	whole	2.1	» measure	three— dimensional	3
» business firm	dependable	1	» pier	dependable	1
» character	dependable	1	» sense	dependable	1
» colour	whole, unbroken	2.2	» silver	whole, pure	2.3
» figure	three— dimensional	3	» South	whole, unanimous	2.4
» flesh	substantial	4	» sphere	whole	2.1
» furniture	dependable	1	» tire	whole	2.1
» geometry	three— dimensional	3	» vote	whole, unanimous	2.4
» gold	whole, pure	2.3	» fuel	stable-shaped	5

Выявляются 5 значений по общности — различию субститутов, причем значение 2 на этой основе распадается на 4 под-значения (оттенка).

Посредством аналогичной процедуры можно для демаркации полисемии воспользоваться антонимическими связями слова. Для примера возьмем прилагательное lean:

Окружения	Антонимы	Значения	Окружения	Антонимы	Значения
1. day	rich	1	1. meat	fat	2
» crops	rich	1	» mixture	rich	1
» diet	rich	1	» ore	rich	1
» dog	fat	2	» pay	high	3
» earnings	high	3	» stock	fat	2
» harvest	rich	1	» years	rich	1
» man	fat	2	» wages	high	3

Можно совместно использовать синонимию и антонимию для взаимной проверки результатов демаркации. Например, для прилагательного fast:

Окружения	Синонимы	Зна- чения	Антонимы	Зна- чения	Окружения	Синонимы	Зна- чения	Антонимы	Зна- чения
f. colour	steady	1	unsteady	1	f. train	quick	2	slow	2
» film	quick	2	slow	2	» trip	quick	2	slow	2
» friend	steady	1	unsteady	1	» watch	quick	2	slow	2
» horse	quick	2	slow	2	» woman	dissipated	3	moral	3
» milker	quick	2	slow	2	» worker	quick	2	slow	2
» motion	quick	2	slow	2	» life	dissipated	3	moral	3
» reader	quick	2	slow	2	» surface	quick	2	slow	2
» society	dissipated	3	moral	3					

Метод имеет дополнительные эвристические возможности: в известной мере он позволяет судить о структуре полисемии, о соотношениях значений многозначного слова. Словозначение может обнаруживать несколько синонимических замен и несколько антонимов. Оценив степень совпадения — различия их составов, можно получить количественное выражение семантических расстояний между значениями полисемантического слова. При этом обнаружится, что не вполне правомерно ставить все значения в один ряд. Некоторые из них окажутся полностью дискретными.¹ Это те, у которых нет совпадения в наборах синонимов и антонимов (непересекающиеся множества). Другие обнаружат большую или меньшую степень близости. Это те, у которых в наборах субститутов имеются общие члены (пересекающиеся множества). В этом случае дискретизация полисемии идет уже на ином, более тонком уровне (дискретизация второго и т. д. порядка). Если S_1 — множество субститутов к словозначению m_1 , а S_2 — к словозначению m_2 , то семантическое расстояние D между m_1 и m_2 можно определить как отношение пересечения (произведения) S_1 и S_2 к сумме (объединению) S_1 и S_2 : $D = \frac{S_1 \cap S_2}{S_1 \cup S_2}$, т. е. как отношение числа общих для обоих словозначений субститутов к числу всех субститутов обоих словозначений (считаемых один раз).

Например, развернутая (но не исчерпывающая) таблица субститутов прилагательного calm может иметь такой вид:

Окружения	Синонимы	Значения	Окружения	Синонимы	Значения
c. breathing	quiet, regular	1.1	c. person	quiet, tranquil	1.2
» face	quiet, tranquil	1.2	» pulse	quiet, regular	1.1
» life	quiet, tranquil	1.2	» sea	quiet, still	1.3.1
» look	quiet, tranquil, peaceful	1.2	» temper	quiet, tranquil, peaceful	1.2
» mind	quiet, tranquil	1.2	» tone	quiet, tranquil	1.2
» of you	impudent	2	» weather	quiet, still, windless	1.3.2

¹ Дискретность значений не означает, понятно, омонимии, так как при компонентном разложении значений одного многозначного слова на составляющие понятия у них обнаружатся общие семантические части (семы).

Выявляются два дискретных значения. В значении 1 обнаруживаются 3 варианта, причем в варианте 1.3 различаются два оттенка: семантическое расстояние между 1.3.1 (calm sea) и 1.3.2 (calm weather) ближе ($D = \frac{2}{3}$), чем между 1.3.1 и 1.2 (quiet temper) или 1.1 (quiet pulse), где $D = \frac{1}{3}$.

Что следует сказать в оценку субституционного метода? Во-первых, метод этот не универсален, так как далеко не ко всем многозначным словам обнаруживаются синонимы, тем более, антонимы. Во-вторых, там, где они обнаруживаются, не может быть уверенности, что они распространяются на все значения многозначного слова: у некоторых словозначений нет синонимических замен и, таким образом, не все значения могут быть выявлены этим методом, а семантическая структура слова может получить неадекватное отражение. В-третьих, отмечаются случаи, когда результаты демаркации посредством синонимии и антонимии не совпадают. Ср. прилагательное light:

Окружения	Интуитивно-практическое членение	Hornby	Синонимы	Значения	Антонимы	Значения
1. -blue	1	1	fair	1	dark	1
» colour	1	1	fair	1	dark	1
» complexion	1	1	fair	1	dark	1
» day	2	2	illuminated	2	dark	1
getting 1.	2	2	illuminated	2	dark	1
1. hair	1	1	fair	1	dark	1
» room	2	2	illuminated	2	dark	1

Возможно также заметное расхождение интуитивно-практической демаркации и членения методом равнозначных субститутов. К примеру, словари справедливо отмечают семантическую близость gain в сочетаниях gain on the pursuers и gain on the pursued: в обоих случаях реализуются инвариантное значение «наращивать успех (в состязании, борьбе с кем-то, чем-то)». Напротив,

субституты resp. *get farther from* и *get nearer to* наводят на ложную мысль о двух энантиосемичных (полярных) значениях.

Наконец, для того, чтобы широко использовать этот метод и получать однозначные результаты, надо иметь полные перечни синонимов и антонимов. Между тем из лексикографической практики и теоретических исследований синонимии известно, что составы синонимических рядов и содержательные соотношения в таких рядах часто не могут быть установлены с должной определенностью. Синонимы, равно как и антонимы, даже если их устанавливать применительно к конкретному словоупотреблению, не равноценны содержательно и нормативно. Не говоря уже о различиях в стилевой принадлежности и эмотивно-прагматической экспрессии, они различаются по степени нормативности в данном окружении: одни синонимы имеют широкую дистрибуцию и соответственно высокий индекс субститутивности, у других этот индекс низок, хотя это и нельзя отнести за счет более узкой семантики. К примеру, *harsh* в сочетаниях с *judge*, *judgement*, *punishment*, *law*, *measure* и т. п. имеет в качестве субститута *severe* и, очевидно, выражает одно значение. Другой субститут *Draconic* (*Draconian*) невозможен при *judge*. Однако нет оснований приписывать *harsh* (или *severe*) особый оттенок, реализующийся в *harsh* (*severe*) *judge* и т. п., так как *Draconic* просто фразеологически связано. Возможности субституции определяются не одним семантическим фактором, но и принятой в языковой традиции нормой лексической сочетаемости.

Содержательно синонимы, как правило, не вполне равнозначны. В число синонимов к слову, обозначающему некий признак P_1 , обычно зачисляют слова со значением признаков P_2 , P_3 и т. д., если эти признаки встречаются в вещах совместно и связаны жесткой или сильно-вероятностной импликацией. Интенсионалы этих слов отличны, но отличие не столь очевидно, а значительная совмещенность экстенсионалов заставляет сближать их семантику. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на синонимические ряды слов в любом словаре синонимов.

Все эти соображения приводят к выводу, что разграничение полисемии посредством синонимической субсти-

туции нельзя сделать строгой процедурой с однозначным результатом, а количественная оценка семантического расстояния между словозначениями этим методом может быть только приблизительной. Парадигматические отношения в семантике также не образуют завершенной и четко отработанной системы. Системность выявляется как тенденция упорядочить семантические соотношения единиц, состав и связи которых находятся в постоянном движении.

Нельзя полагать, что значение есть функция парадигматических отношений значимых единиц. Иначе, как и в рассмотренных ранее случаях, мы бы попали в логический круг. В самом деле, когда мы вычленяем значения на основе парадигматических связей слова, нам необходимы перечни синонимических субститутов и антонимов. Но установление равнозначности-разнозначности единиц предполагает, что мы опираемся на уже имеющиеся разграничения, что в нашем сознании уже проделана работа по дискретизации концептов. Более того, эта дискретизация уже выявлена в структурах человеческой деятельности. Задача, таким образом, может состоять только в том, чтобы выявить сложные, перекрещивающиеся, много-многозначные корреляции между концептами и десигнаторами и — где возможно — установить систему, закономерности, порядок в этих корреляциях.

4.5. Метод перевода. Этот метод предполагает в качестве условия, что несмотря на различие языков и их лексико-семантических систем, имеется достаточная общность сознания, его единиц и структур, т. е. в конечном счете предполагает достаточную общность действительности и деятельности разноязычных коллективов. Если какое-то слово имеет несколько переводных эквивалентов и эти эквиваленты в языке перевода не являются синонимами, то это служит основанием разграничивать в рассматриваемом слове по меньшей мере столько значений, сколько установлено таких переводных эквивалентов. (См. А. Б. Долгопольский [28]). К примеру, русск. «лицо» имеет английские эквиваленты *person, personage, character, face, the right side*. Из них *personage* и *character* — синонимы; *person*, с одной стороны, и *personage, character*, с другой, хотя и близки семантически, синонимами, вероятно, не являются. Тем самым у русск.

«лицо» выявляются по меньшей мере 4 значения (3, если person, personage и character — синонимы).

Поскольку, однако, некоторые значения одинаково совмещены в корреспондирующих словах двух языков, этот метод во множестве случаев не позволит выявить все значения интересующего нас слова. В приведенном примере не выявляется значение «лицо как грамматическая категория», так как англ. person означает не только «лицо как личность, человек», но и «лицо как грамматическая категория». Этот недостаток можно устранить отчасти, если значительно расширить число языков перевода. Но и в этом случае не может быть гарантии, что удастся выявить все значения рассматриваемого слова, так как возможно, что какие-то значения окажутся совмещенными в корреспондирующих словах всех сравниваемых языков.

4. 6. Подведем общий итог рассмотрения формально-лингвистических методов разграничения лексической полисемии. Так называемое «чутье языка» («лингвистическая компетентность»), позволяющее установить общность — различие смысла языковых выражений, имеет под собой более глубокие основания, чем владение формальными характеристиками языковых единиц и их соотношениями в системе языка (т. е. владение языком как формой). В конечном счете оно коренится в связях и соотношениях между структурой языка и структурой человеческой деятельности, отраженной в сознании.

Решая лингвистические проблемы, связанные со значением, в частности, семасиологические проблемы, нельзя замыкаться в формальных характеристиках и формальных соотношениях языковых единиц. Неизбежно обращение к тому фактору, который теперь принято называть внеязыковым. Конечным критерием при решении семасиологических проблем являются те структуры концептуальных единиц, которые складываются в сознании как непосредственное отражение структуры человеческой деятельности, общественной практики и которые связаны сложными перекрещивающимися отношениями со структурами десигнаторов (формой языка, формой выражения). Иными словами, нельзя исследовать значение в естественных языках, не обращаясь к тому, как люди понимают мир, что знают о нем, что делают в нем и как к нему относятся. В противном слу-

чае семасиолога подстерегает опасность логического круга. Замыкаясь в языковой форме, он, кроме того, склонен подменять объект исследования и вместо естественного языка как «действительного практического сознания» (К. Маркс) анализирует упрощенные статические модели его.

Общая оценка формально-лингвистических методов демаркации лексической полисемии сводится, таким образом, к следующему. Значения как когнитивные единицы сознания непосредственно обусловлены структурой действительности и человеческого опыта (человеческой деятельностью в широком смысле слова). Они выявлены и разграничены в сознании с той степенью четкости, с какой разработан в опыте соответствующий участок человеческой деятельности. Различия в значениях многозначного слова так или иначе выявлены в форме выражения, однако формальные средства их выявления разнородны и, по-видимому, не может быть единой чисто формальной процедуры демаркации полисемии, т. е. универсального алгоритма, построенного на строго формальных показателях и полностью исключающего обращение к содержательным интерпретациям значения.

Этот общий вывод, однако, не должен быть истолкован как отрицание формально-операционных приемов. Напротив, исследование рефлексов содержательных различий в формах выражения имеет безусловную ценность, и, в частности, должна быть продолжена разработка формальных приемов демаркации полисемии. В этом нет никакого парадокса. Исследование корреляций между структурами содержания и выражения, между сознанием и естественным языком — это основная задача лингвистики и, в частности, семасиологии. Когда удастся установить на каких-то участках и уровнях этих корреляций более четкие системные зависимости, более последовательный изоморфизм двух планов, то тем значительнее выводы лингвистики.

Однако правильная оценка возможностей формально-лингвистических методов требует ясного представления о их методологических основаниях. Они эффективны и лежат на магистральном направлении семасиологии, но при том неременном условии, что не переоценивают их возможности и не абсолютизируют формальные рефлекс-ы содержательных различий. Структуризация содержания

не мотивирована различиями в форме выражения и лишь непоследовательно отражена в ней. Первично знание содержательных структур, обусловленных действительностью и человеческой деятельностью. Им и руководствуются, разграничивая значения языковых единиц. Формальные различия при этом играют подсобную роль, непоследовательно выявляя то, что уже фиксировано сознанием. Противоположный взгляд — пустая декларация, так как на практике толкает семасиолога в логический круг.

РАЗДЕЛ 3. СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

(лекция 4)

§ 1. Интенционал и импликационал ЛЗ: 1.1. Слово-значение: определение. 1.2. Виртуальное (словарное) значение. 1.3. Когнитивные части ЛЗ: интенционал значения (1.3.1.), жесткий (обязательный) и сильный (сильно-вероятностный) импликационал (1.3.2.), негиппликационал (1.3.3.), слабый (свободный) импликационал значения (1.3.4.). 1.4. Пояснения (1.4.1.) и иллюстрация (1.4.2.) к определениям в (1.3.). 1.5. Высказывания с точки зрения экспликации в них частей ЛЗ.

§ 2. Структура интенционала ЛЗ: 2.1. Сема: определение. 2.2. Структура интенционала: пучок или структура? (2.2.1.); классификационный треугольник, гипероним, гипоним, эквоним (2.2.2); гиперсема и гипосема (2.2.3.); уровни обобщения в структуре интенционала (2.2.4.). 2.3. Семы совместимые и несовместимые. 2.4. Ограничения на компонентный анализ.

§ 1.1. Будем для краткости говорить о словозначении в смысле отдельного лексического значения, единственного или одного из многих у слова. Слово-значение — то же, что лексико-семантический вариант по А. И. Смирницкому [71] и О. С. Ахмановой [16]. В этом разделе речь пойдет о частях, выявляемых в предметно-логическом содержании словозначения, и о зависимостях между этими частями, т. е. о составе и строении (структуре) лексического значения.

1.2. Один из итогов семасиологических исследований

последнего времени сводится к тому, что представление о значении отдельного словесного знака (виртуальном, словарном значении) как о чем-то четко и определенно заданном, имеющем жесткие границы значительно схематизирует реальное положение вещей. Это касается как полисемии слова, так и отдельного словозначения. В первом случае нельзя указать с полной определенностью, сколько значений у слова и какие это значения, так, чтобы заранее задать все возможные речевые актуализации слова. Во втором случае нельзя предугадать все конкретные модификации актуального словозначения, то конкретное содержание, которое может с ним связаться в контекстах. Стабильность полисемии и содержательная определенность отдельного словозначения справедливы лишь в вероятностном смысле. Они оказываются лингвистическим (словарным) конструктом, допустимым для определенных целей и в определенных пределах.

Фактически же дело обстоит таким образом, что описывая семантику виртуального знака, мало дать перечень его значений, указать их содержательные связи и статутные признаки (т. е. определить семантическую структуру слова, см. раздел 4 этой части). Надо еще описать общие правила содержательного варьирования слов, которыми определяются окказиональные флактуации узусальных значений, их возможные ассоциативные переосмысления.

Причины такого положения вещей искать недалеко. Они коренятся в фундаментальных особенностях естественно-языковых знаков. Понятие в его индуктивно-эмпирическом аспекте (и соответственно сигнификативное значение) не имеет жестких и четких границ и иррадирует связи, охватывающие в конечном счете все знание. Кроме того, на значение какого-то словесного знака проецируются особенности его парадигматических и синтагматических связей с другими знаками, оно испытывает также воздействие паронимических и иных ассоциаций, идущих от формы и структуры десигнатора. Наконец, когнитивное содержание знака взаимодействует с прагматическими аспектами значения: эмотивным, эстетивным, деонтическим и т. п. В итоге связь между десигнатором и десигнатом оказывается не жесткой, одно-однозначной, а свободной. Десигнатор способен подключать

к своему содержанию концепты, ассоциируемые по определенным правилам с его первичным значением.

Это и определяет трудности, с которыми сталкиваются при установлении виртуального содержания слов, при демаркации полисемии, разграничении полисемии и омонимии. Виртуальное словозначение представляет собой нечто вроде массы с гравитационным полем, способным захватывать другие тела — концепты.

Здесь следует подчеркнуть один важный момент, нередко недопонимаемый. Известная неопределенность виртуального значения, о которой говорилось выше, никак не дает повода видеть в языковых значениях когнитивную форму особого рода, нечто отличающееся от понятий расплывчатостью содержания¹. Виртуальное значение неопределенно только в том смысле, что естественно-языковой знак допускает известную свободу корреляций с концептами и способен в определенных условиях обозначать нечто сверх того, что ему узуально положено. Это неопределенность выбора. Характер же концепта, строгий или расплывчатый, глубокий или поверхностный и т. п., отношения к делу не имеет. Он обусловлен знанием предметной области, деятельностью, опытом. Актуализация слова устраняет неопределенность виртуального значения, т. е. просто снимает неопределенность выбора между концептами.

1.3.1. Характерная черта словесных знаков — их способность соотноситься с индуктивно-эмпирическим понятием стохастической структуры. Вместе с тем однозначное, жесткое определение значения не является пустой абстракцией. Попытки достаточно четко разграничить значения, установить с достаточной строгостью их содержание имеют под собой реальное основание. За ними скрываются понятия в дедуктивно-логическом аспекте. Понятие в его дедуктивно-логическом аспекте составляет содержательное ядро значения. Будем называть эту часть значения в соответствии с имеющейся традицией **интенсионалом**.

1.3.2. Интенциональные признаки, т. е. понятия, входящие в содержание интенционала на правах сем, могут

¹ Ср. высказывание Ст. Ульмана: «... meanings have no clear-cut demarcation lines but rather a hazy fringe through which they imperceptibly merge into each other; they are, as Wittgenstein once put it, «concepts with blurred edges» (108, part I, ch. 1).

с необходимостью или вероятностью предполагать наличие других понятий — признаков. Последние по отношению к интенционалу составляют импликационные значения. Если импликация жесткая или сильно-вероятностная (вероятностная импликация типа «как правило, обычно, привычно, нормально, «по идее»»), то имплицуемые понятия — признаки опосредованно вовлекаются в содержание значения, составляя часть его информационного потенциала. Будем эту часть когнитивного содержания называть жестким и сильным импликационалом.

1.3.3. Но в равной мере импликация каких-то признаков по отношению к интенционалу представляется невозможной или маловероятной (вероятностная импликация типа «вряд ли; пожалуй, нет; сомнительно; well I never; подумать только»). Назовем понятия — признаки этого круга негимпликационалом (отрицательным импликационалом). Негимпликационал также вовлекается в содержание значения как его отрицательный информационный потенциал.

Заметим, что все утверждения об интенционале какого-то значения (например, «зима — время года с декабря по февраль») являются в отношении к дедуктивно-логическому аспекту понятия просто соглашением о терминах (изъяснением имен) и могут быть достаточными (полными) — недостаточными (неполными), корректными — некорректными, но не истинными — ложными. Те же утверждения относительно понятия в индуктивно-эмпирическом аспекте уже суть не просто соглашение о терминах, а утверждения о сущности понятия и могут быть истинными, ложными и гипотетическими (в разной степени правдоподобными). Истинными или ложными по отношению к дедуктивно-логическому понятию могут быть лишь утверждения об импликационале значения.

1.3.4. Но, помимо жесткой и сильной положительной и отрицательной импликации, остается обширная промежуточная область понятий — признаков, о совместной встречаемости которых с данным понятием можно судить лишь гадательно, гипотетически: их наличие или отсутствие одинаково вероятно и одинаково проблематично, они могут быть, а могут и не быть и могут принимать с одинаковой вероятностью как одно значение, так и другое. Назовем эту область по отношению к интенс-

оналу какого-то значения его слабым (свободным) импликационалом.

Наконец, особую часть словозначения составляет эмоционально-субъективное прагматическое содержание, которое по той же модели можно коротко именовать эмоционалом значения.

1.4.1. Важно заметить, что обязательные, возможные и невозможные отношения денотата некоторого имени также входят в состав соответствующих частей семантики этого имени, наряду с «собственными» свойствами денотата. Так, например, отношения к строителям, владельцу, жильцам и т. д. и т. п. входят в интенционал или импликационал значения имени «дом», наряду с такими признаками, как архитектура, этажность, материал строения и т. д. и т. п.

Разумеется, между интенционалом и импликационалом значения имеется существенное различие. Интенционал предопределяет область того, что может быть названо данным именем, т. е. предопределяет его экстенционал. Импликационал имени есть отражение разнообразных предметных связей сущностей, т. е. импликационал очерчивает ожидаемую область того, что может быть названо в связи с данным именем. Интенционал составляет непрменный и постоянный компонент значения имени, а импликационал — его обусловленный и варьирующийся компонент. Строго говоря, импликационал составляет не часть собственной семантики имени, а его «силовое поле». Если мы все же говорим об импликационале как части значения имени, то этим стремимся подчеркнуть следующее: 1) в естественном языке между интенционалом и импликационалом имен нет жесткой границы, индуктивно-эмпирическое понятие с его стохастической структурой незаметно переходит от интенционального ядра к импликациональному полю; 2) между интенционалом значения и его импликационалом находится область признаков жесткого и сильного импликационала, обязательно подключающихся в собственное сигнификативное значение (интенционал) имени; 3) денотативное значение нарицательных имен в речи включает импликациональные признаки в свое содержание на равных основаниях с интенциональными.

1.4.2. Поясним определения примером. Интенционал первичного значения слова *river* можно определить как

«естественный поток в берегах достаточно большой массы воды». Обратим внимание на то, что определение указывает не только компонентные понятия — семы интенционала, но и их взаимозависимости, т. е. структуру их связей. Такие понятия как некоторый перепад высоты (наклон русла), увлажненность поймы и т. п. не входят в интенционал, но с необходимостью вытекают из содержащихся в нем семантических признаков (сем). Они относятся к жесткому импликационалу значения. Семантические признаки, вроде наличия какой-то водной фауны и флоры, большая влажность воздуха в пойме, более обильная прибрежная растительность и т. п. входят в сильно-вероятностный импликационал значения и составляют часть информации, нормально связывающейся со словом. В эту часть значения подключены все стереотипные ассоциации, истинные или ложные, традиционносвязываемые с данным классом денотатов: *the ass is stupid, the fox is cunning, the tiger is cruel, the bear is rough and clumsy* и т. п. Признаки: непроточность всей массы воды, горючесть, газообразность и т. п. — поясняют негимпликационал значения, т. е. фон несовместимых с интенционалом признаков, который не менее информативен, чем обязательные и сильно-вероятностные признаки.

Остаются, наконец, признаки, вроде длинный/короткий, широкий/узкий, быстро/медленно текущий, полноводный/пересыхающий и т. д. и т. п., т. е. конкретные значения (здесь — в математическом смысле термина) обязательных для данного интенционала оснований (протяженность, ширина, скорость течения, величина массы воды и т. п.). Знания интенционала недостаточно, чтобы предсказать их, и они составляют слабый, или свободный импликационал значения. Импликация и тут имеет место: основания признаков «заложены» в интенционале. Однако импликация слабая (свободная), так как неизвестно, какие значения (в математическом смысле) эти основания могут конкретно принять.

1.5. Информационная функция высказываний различна в зависимости от того, какая часть ЛЗ в них эксплицируется. Если, высказываясь с чем-то единичным, приписывают ему признак из области слабого импликационала имени этого единичного, то высказывание содержательно, информативно, ср. *the summer was hot*. Напро-

тив, приписывание единичному признаков из области интенционала, жесткого или сильного импликационала имени этого единичного оказывается мало информативным, ср. *it snowed in the winter*. Однако такие высказывания вполне уместны как средство научения (узнаем об импликациональных зависимостях), освоения и сверки знаковых систем *SP* и *SR* и, наконец, как способ актуализировать в сознании *SR* те части референционной ситуации, которые релевантны для сообщения. Коротко говоря, такие высказывания бессодержательны или информативны в той мере, в какой тезаурусы *SP* и *SR* (их знания и их знаки) тождественны или различны.

В высказываниях о классах (высказываниях общего смысла) экспликация слабо-импликационных признаков должна сопровождаться их вероятностной оценкой, ср. *winter may be cold or mild*. Экспликация признаков из интенционала, жесткого, сильного и отрицательного импликационала служит целям определения и объяснения классов и их имен.

§ 2.1. Интенционалы всех понятий, кроме элементарных, имеют сложный состав и структуру, т. е. содержат более простые понятия, определенным образом связанные в целое, структуру. Применительно к значениям знаков принято понятия как части других понятий — значений называть сем а м и. Сем ы отличаются от значений тем, что не связываются в данном десигнаторе с какой-либо определенной его частью, т. е. не выражены в данном знаке какой-либо его значимой частью. Когда различие сем и значений не существенно, говорим о семантических признаках. Семантический признак — понятие как часть содержания знака независимо от того, имеет ли это понятие в структуре знака собственный десигнатор или нет (т. е. независимо от того, имеет ли оно статус значения или семы).

2.2.1. Выявление семного состава значений известно как компонентный анализ значения. Вплоть до последнего времени десигнат часто представляли как простую совокупность, пучок семантических признаков,

¹ Другие возможные термины — дифференциальные семантические признаки, семантические множители.

не связанных внутренними зависимостями (см., например, Катц и Фодор [97], Катц и Постал [98]). Этот взгляд представлен и среди советских лингвистов (ср. Л. С. Бурхударов [18]). В целом, однако, такой подход не характерен для советского языкознания. С первых шагов компонентного анализа он рассматривался как недостаточный. Уже с 1961 г. в работах А. К. Жолковского, И. А. Мельчука, Н. Н. Леонтьевой, Ю. С. Мартемьянова и других значения отдельных слов и сложных выражений рассматриваются как структуры с сложной внутренней организацией и выдвигалась задача описания означаемых именно в виде структурных формул, или конфигураций (см. А. К. Жолковский [32], А. К. Жолковский и другие [33—38], А. И. Мельчук [50—55]).

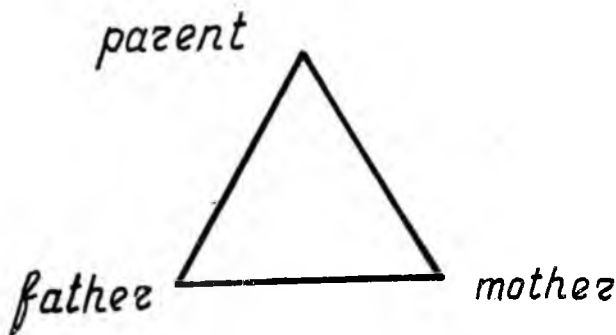
Несколько позднее в работах В. Г. Гака [23, 24] и С. Д. Кацнельсона [43] было четко сформулировано представление о значении слова как иерархической организации, которая «включает архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета» (В. Г. Гак [24—371]) и в которой «доминирующая роль принадлежит категориальному признаку» (С. Д. Кацнельсон [43—150]).

2.2.2. Наша задача здесь состоит в том, чтобы уточнить логические и гнесеологические основания компонентного анализа и, опираясь на это, уяснить основные компоненты структуры лексического значения и выявить ограничения на семное разложение значений. Структура интенционала и ее составные части выявляются в классификационных связях концептов.

Классификационные связи концептов — это когнитивный аналог распределения признаков в сущностях объективного мира. Устанавливаются они по общности — различию содержания концептов. Классификационные связи выявляют в концептах — понятиях две основные части, связанные в структуру родо-видовым (категориально-спецификационным) отношением.¹ Про-

¹ Основания такого взгляда на структуру понятия были сформулированы еще И. Кантом в виде известных его принципов гомогенности и гетерогенности понятий.

стейшая классификационная схема, выявляющая компоненты и их отношение в структуре интенционала — это треугольник отношений с тремя концептами в вершинах, например:

Классификация предполагает различие в уровнях обобщения входящих терминов. Понятие уровня представляется достаточно ясным. Если понятию C соответствует референционное множество M и в этом множестве выделяются подмножества $M_1, M_2...M_n$ такие, что в совокупности они исчерпывают множество M и ни один из элементов любого одного из этих подмножеств не принадлежит ни к какому другому из указанных подмножеств, то понятия $C_1, C_2...C_n$, соответствующие этим подмножествам, являются понятиями низшего уровня обобщения сравнительно с C . Понятия одного уровня обобщения и соответствующие им имена будем называть по отношению друг к другу эквонимами. Будем также в соответствии с имеющейся традицией называть понятия и имена низшего уровня по отношению к высшему гипонимами, (ср. J. Lyons [102]), а высшего уровня по отношению к низшему — гиперонимами (ср. L. Zgusta [111]). Будем также говорить о референционной области (экстенционале) гиперонима как о предметной области размещения гипонимов.

Так, в нашем примере *father* и *mother* — понятия низшего уровня обобщения, а *parent* — понятие ближайшего высшего уровня. *Father* и *mother* находятся в отношении эквонимов друг к другу (отношение эквонимии — это отношение понятий и имен одной предметной области и од-

ного уровня обобщения). Иначе говоря, они — эквонимы в предметной области *рагент*. Вместе с тем, каждое из них является гипонимом по отношению к общему гиперониму *рагент*. Таким образом, гипероним и гипоним — то же, что родовое и видовое понятия (термины, слова). Они лишь короче и удобнее для образования производных.

Классификация в элементарном случае предполагает, как минимум, два гипонима при одном гиперониме. Вместе с тем она предполагает двоякого рода отношения между входящими понятиями (терминами, именами, словами) по содержанию: эквонимические и гипо-гиперонимические (последние также называют видо-родовыми, категориально-спецификационными или инклюзивно-эксклюзивными). Первые обнаруживаются у понятий одного уровня обобщения, вторые — у понятий разных уровней обобщения. И в том и в другом случае необходимо, чтобы понятия относились к одной предметной области.

2.2.3. В эквонимических и гипо-гиперонимических отношениях, взаимно предполагающих друг друга, обнаруживается компонентная структура понятий. Более того, компонентный анализ обязательно предполагает соотнесение понятия с его гиперонимом и эквонимами. Сравнение эквонимов выявляет в них общую часть, содержательно равную гиперониму и получающую то же имя. Назовем этот общий семантический компонент категориальным признаком, или гиперсемой. Наряду с гиперсемой, в содержании эквонимов обнаруживаются также различительные признаки, специфические для каждого эквонима. Этот различительный компонент назовем для краткости гипосемой. Таким образом, содержание эквонима составляется, как минимум, из двух сем, связанных категориально-спецификационным (гипер — гипонимическим, родо-видовым) отношением. Первая указывает общее в понятии (общее для понятий данной предметной области), т. е. его категорию, вторая — частное, специфическое для данного понятия.

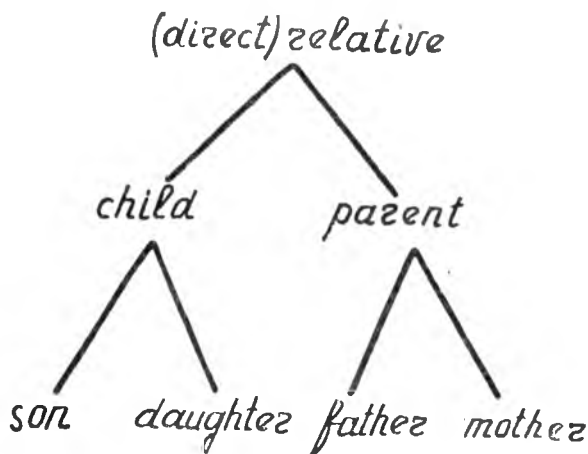
Компонентная природа понятий обнаруживается только в сравнении (оппозиции) их содержания. Равным образом категориальный или спецификационный статус семы не есть ее собственное, абсолютное свойст-

во, а свойство относительное. Статус семы обнаруживается и зависит от набора терминов сравнения. В оппозиции father — mother понятие father содержит гиперсему parent и гипосему male. В оппозиции father — son гиперсемой того же понятия оказывается male, а гипосемой parent.

Компоненты содержательной структуры понятия, т. е. семы, сами также являются понятиями, но, так сказать, понятиями второй очереди. Сема — понятие в качестве структурного элемента другого понятия. Соответственно сема — понятие более простое по структуре содержания, чем то понятие, в состав структуры которого она входит. Предельно простыми (атомарными, структурно не разложимыми) оказываются понятия, соответствующие или верхнему пределу обобщения (например, понятия вещи, свойства и т. п.) или нижнему пределу расчленения действительности, достигнутому в общественной человеческой деятельности и отраженному в сознании.

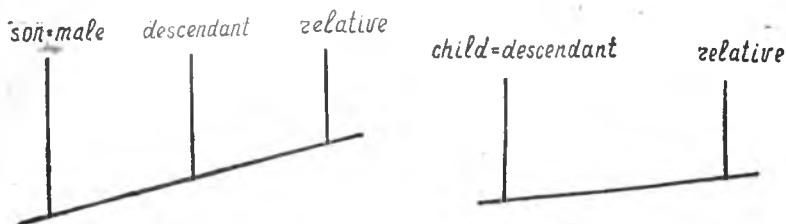
2.2.4. Для того, чтобы установить компоненты содержательной структуры понятия с максимальной детализацией, необходимо, очевидно, установить все возможные оппозиции данного понятия. При этом может обнаружиться, что эти оппозиции организованы в многоступенчатую иерархию обобщений, т. е. содержит более чем два уровня обобщения. Компонентная структура понятия отражает в себе иерархию обобщений, в которую входит понятие. Иерархия спроецирована на структуру понятия. Понятие содержит число компонентов, равное числу уровней обобщения. Оно включает в качестве сем все понятия высших уровней обобщения плюс собственный различительный признак (гипосема). При этом семы в структуре понятия подчинены так, что повторяют ступенчатое подчинение понятий в иерархии: понятие n -уровня (т. е. максимально общее понятие) входит в качестве категориального признака (гиперсемы), понятие $n-1$ уровня соответствует первой ступени спецификации гиперсемы, понятие $n-2$ уровня — второй ступени спецификации и т. д.

Поясним сказанное примером. Иерархически организованная система понятий (для удобства обозначены на английском языке):

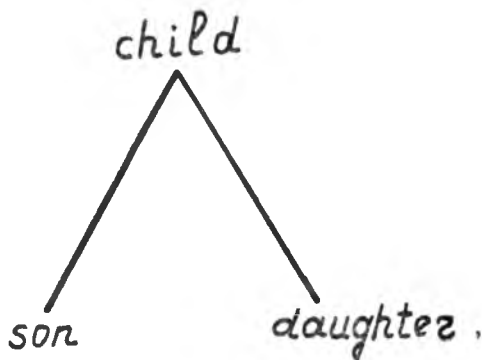
содержит три уровня обобщения. Анализ семантических противопоставлений выявляет следующие компоненты: male — female, (direct) descendant — (direct) ancestor. Компонент relative обнаруживается как минимальный общий компонент всех членов иерархии. Все члены системы являются понятиями со сложной структурой: son — male descendant relative, child — descendant relative и т. д. Исключение составляет понятие relative, соответствующее здесь верхнему пределу обобщения. Равным образом простыми оказываются и понятия — компоненты, выявляемые в семантических оппозициях членов системы. Они соответствуют нижнему пределу квантования данного участка действительности и представляют собой предельные разграничения, релевантные в опыте и сознании (здесь, понятно, дан только фрагмент системы понятий родства).

Понятия низшего уровня дают более детализированную картину предметной области. Напротив, понятия высших уровней содержательно беднее: компонентный анализ на уровне child — parent обходится без признака пола. Ср. также отношения сем в структуре понятий, воспроизводящие ступенчатое подчинение понятий в иерархии: son — male descendant relative, child — descendant relative.

В структуре понятия *son* категориальной семой является *relative*, сема *descendant* содержит спецификацию первой ступени, а *male* — второй ступени, т. е. специфицирует уже сложную категориальную сему *descendant relative*.

Круг понятий, подлежащих сравнению для выявления их компонентного состава, определяется границами предметной области, а эта граница очерчивается максимальным гиперонимом. Иерархия понятий описывает градации, ступени последовательного членения предметной области. Но если даже взять только фрагмент иерархии, например:

то компонентный анализ, хотя и будет свернутым, менее детальным, т. е. выявит меньшее число сем (*son* — *male child*, *daughter* — *female child*), но останется корректным, так как в развернутой иерархии обнаружится сложная структура семы *child* — *descendant relative*. Иначе говоря, возможен и корректен компонентный анализ понятия с разной степенью детализации (развертывания) входящих в него сем. Условием корректного компонент-

ного анализа является лишь следующее: для компонентного анализа понятие должно быть соотнесено с гиперонимом и со всеми эквонимами в предметной области, очерчиваемой этим гиперонимом.

2.3. Последовательно применяя компонентный анализ такого рода к понятиям, выраженным в знаках какого-либо языка, т. е. к значениям (см. ниже), мы получили бы в результате некоторый перечень предельных (простых, неразложимых, атомарных) сем. Рассмотрев семы относительно их совместной встречаемости в структуре значений, мы обнаружим семы совместимые и несовместимые. Первые могут сочетаться в одном значении, например, семы *male* и *parent* в значении имени *father*, *female* и *descendant* в *daughter* и т. д. Вторые логически не сочетаются. Например, *parent* и *descendant* нельзя сочетать в одном понятии. Если объем (экстенционал, предметная область) какого-либо гиперонима полностью исчерпывается двумя гипонимами, то соответствующие гипосемы не только несовместимы, но и антонимичны, ср. *male* и *female* в области *child* или *parent*, а также *child* и *parent* в области *relative*.

2.4. Не следует ожидать, что компонентный анализ семантики всегда удастся осуществить с одинаковой степенью четкости. В многих предметных областях противопоставления на нижних уровнях детализации не выявлены с достаточной последовательностью, так что денотатные поля имен отчасти накладываются одно на другое. В конечном счете все определяется тем, насколько разработана в опыте, в деятельности и сознании людей та или иная предметная область. В связи с этим нередко затруднительно установить исчерпывающий набор сем и еще труднее установить их системные соотношения и комбинаторику в структурах словозначений. Сами термины родства достаточно показательны на этот счет. Древняя их система, отражающая общинно-родовую организацию семьи и родственных связей, содержит категоризации и противопоставления, которые уже перестали быть социально значимыми в наше время. Многие ли из нас уверены теперь в значении таких терминов родства, как *«шурин, деверь, свояченица, золовка»* и т. п.? И это не удивительно, так как шурин и деверь, свояченица и золовка сравнивались по своему социально-родственному статусу и соответствующие различия перестали быть

сколько-нибудь общественно важными, практически существенными. Система находится в динамике и эволюционирует в сторону упрощения: имена еще известны, но смысл их теряется с утратой релевантных для общества различий. Понятно, что при компонентном анализе подобных систем возникает проблема, как очертить состав терминов сравнения, какие противопоставления признать релевантными. То или иное решение скажется на результатах компонентного анализа.

Можно привести иной пример — системы, развивавшейся в сторону большей детализации, увеличивавшей число семантических оппозиций и усложнявшей их структуру. Возьмем названия предметов посуды (см. таблицу). В кругу этих имен, объединяемых — в отличие от таких предметов столово-кухонного обихода, как нож, вилка (cutlery) и т. п. — родовым понятием «емкость — вместилище для пищи (включая воду и напитки)» можно установить предметно-семантические различия по разнообразным основаниям: 1) по материалу изделия: глина, фаянс, фарфор/металл/стекло/дерево vs материал изделия несущественен, ср. can, kettle, pan, urn/bottle, glass/cask, tun vs basin, bowl, dish, mug и др.; 2) назначению: а) для жидкости/нежидкости vs основание иррелевантно, ср. jug, mug, tankard/dish vs bowl, pan, plate, pot и др.; б) хранения/приготовления/подачи/потребления пищи (продуктов) vs иррелевантно, ср. bottle, can, cask, churn, jar, jug, tun/kettle, pan, urn/bowl, dish/cup, glass, mug, plate, tankard vs pot, vessel и т. п.; 3) по относительному размеру: большой/маленький vs иррелевантно, ср. tun/cask vs barrel, tankard vs mug; 4) по форме горизонтального сечения: круглый (овальный)/некруглый vs иррелевантно, ср. basin, bowl, jar, pot vs bottle, pan; 5) если круглый, то по форме в трех измерениях: цилиндр/конус/сфера (часть сферы) vs иррелевантно, ср. can, jar, jug, mug/goblet, tankard/basin, bowl, pot, vase vs bottle, cup; 6) по соотношению высоты H и диаметра D : $H > D/H = D/H < D$ vs иррелевантно, ср. bottle, can, churn, glass, goblet, jar, jug, mug, tankard, urn/basin, bowl, cup/dish, plate, saucer vs pan, vessel; 7) наличию/отсутствию ручки (-ек) vs иррелевантно, ср. can, churn, jug, kettle, mug, tankard/basin, bottle, dish, glass,

Семные составы лексическ

[illegible]

Примечание. Пробел по основанию означает, что имя по данному указывает на отрицательную маркированность по признаку, (+) указывает, что

значений простых имен посуды

[illegible]

основанию не маркировано, + указывает на маркированность по признаку, — маркированность по признаку непоследовательна.

goblet, plate vs bowl, cup, jar, pan, pot и другие; 8) наличию/отсутствию горлышка vs иррелевантно, ср. bottle/basin, bowl, cup, glass, mug vs jar, jug и др.; 9) наличию/отсутствию ножки vs иррелевантно, ср. goblet/mug vs bowl, cup, glass; 10) наличию/отсутствию крышки vs иррелевантно, ср. can, churn, kettle, tankard/basin, glass, mug/bowl, pot и т. д.

Можно, очевидно, выделить и другие основания и признаки, как-то: расположение, характер и число ручек; наличие/отсутствие носика, крана, слива; единичность/парность (как в cups and saucers) и т. д. Однако в этом нет смысла. Различия в этом кругу имен не отстоялись в систему четких семантических противопоставлений, иерархия (структура) оснований четко не выражена. Уже матричное представление составов значений на таблице значительно схематизирует и огрубляет их семные составы. Искажается реальная релевантность тех или иных признаков и оснований для семантики слова, скрыта стохастическая природа семантических признаков в составе значения, не показаны зависимости признаков и иерархия (структура) оснований. Таблица дает более жесткую и четкую картину семантических составов имен, чем на самом деле.

Фактически же денотативный потенциал имени лишь отчасти определяется системой семантических соотношений данного имени с другими именами той же предметной области, — эта система лишь слабо намечена, — определяется он не столько из системы, сколько из простого опыта предшествующих денотаций. Этого опыта, хотя бы и не вполне систематизированного, достаточно, поскольку и сами предметы этой области достаточно традиционны и мало варьируют в диапазонах своих признаков, а комбинаторика самих признаков невелика. Стоит, однако, увеличить комбинаторику и вариативность признаков и возникнут сомнения, как следует назвать какой-либо непривычный предмет: неотработанная лексико-семантическая система дает сбой в денотации и сигнификации. Это нетрудно показать в эксперименте. Например, следует ли назвать «plate, dish, pan/тарелкой, блюдом» или «чашкой» такой предмет посуды, который имеет все признаки обычной тарелки, но стенки у которого цилиндрической формы?

Если нет развернутой системы в самих денотатах, в

человеческой деятельности, практике на каких-то участках, то не следует ее ожидать и в результатах компонентного анализа слов — имен соответствующей предметной области. Точнее, может быть, сказать: компонентный анализ не может быть более системен, чем отложившиеся в структурах общественного сознания действительность и деятельность человека на соответствующих участках. Семы — те же понятия, но понятия без экстенсионалов, понятия как структурная часть других понятий, принимаемых за исходные в содержательном анализе. Увязывая компонентный анализ с структурой действительности и человеческой деятельности, мы должны допускать и известную текучесть, динамическую незавершенность, неполную системность результатов этого анализа.

РАЗДЕЛ 4 СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

(лекции 5 и 6)

§ 1. Содержание и статус значения. Семантическая структура слова: определение.

§ 2. Содержательные связи словозначений: 2.1. Вводные замечания. 2.2. Два основных типа содержательных связей словозначений: импликационные и классификационные. 2.3. Импликационные связи: определение (2.3.1), импликация и метонимия (2.3.2), виды и примеры импликационных связей (2.3.3.), конверсивные значения од-мслева) не исчерпывает содержательных связей словозначений: определение (2.4.1), гипо-гиперонимические связи (2.4.2), симилятивные связи (2.4.3). 2.5. Общие выводы к § 2: формулы содержательных связей словозначений (2.5.1), представление семантических структур в виде графов (2.5.2).

§ 3. Статус словозначений: 3.1. Языковой статус словозначения: определение. 3.2. Статутные признаки словозначений. Двухступенчатое строение номинативных систем и ономаσιологическая норма. Импликационально-логические и коллокационно-языковые нормы лексической сочетаемости. 3.3. Статутные признаки и ранжировка значений в семантической структуре слова (проб-

лема главного и второстепенного значений): постановка проблемы (3.3.1), конкретное и абстрактное, центральное и периферийное значения (3.3.2), сводный перечень статутных признаков (3.3.3.), признаки, релевантные для ранжировки значений (3.3.4), количественная методика выявления ранжировки словозначений (3.3.5).

§1. При полисемии словозначения не только имеют общий десигнатор, но и общие семантические признаки. Этим полисемия отличается от омонимии (см., например, М. И. Задорожный [39]). Поскольку общность десигнатора дополняется ассоциативными связями между значениями, можно считать, что словозначения образуют не просто семантический состав слова, а его семантическую структуру. Термин тем более оправдан, что значения эти способны взаимодействовать при порождении речи (выбор слова) и ее восприятии (осмысление — понимание слова).

Не следует содержательные связи между значениями одного слова сводить к семантической производности (деривации), ср. С. Д. Кацнельсон [42—57 и след.], И. В. Арнольд [14—120]. Депенденция (в смысле Л. Ельмслева) не исчерпывает содержательных связей словозначений, возможна и интердепенденция, когда в синхронии нельзя определить, какое значение исходное, а какое производное, ср. *suicide* 1. самоубийство, 2. самоубийца.

В семантической структуре слова связаны по содержанию определенные, но не любые пары словозначений. Совокупность этих связей образует схему семантической структуры слова. Каждое значение в такой схеме характеризуется с двух сторон: 1) по содержанию и 2) по статусу в системе номинативных средств языка. Содержательная характеристика словозначения — это структура свойственных ему семантических признаков плюс прагматическое (коннотативное) значение, присущее данному лексико-семантическому варианту. Языковой статус словозначения определяется соотносительными характеристиками лексико-семантического варианта как элемента системы номинативных средств языка (см. ниже). В целом семантическую структуру слова можно определить как схему содержательных связей между словозначениями совокупно с их статутными характеристиками.

В задачу этого раздела входит описание связей

словозначений по содержанию (содержательных связей) и определение статутных признаков лексико-семантических вариантов.

§ 2.1. Содержательные связи словозначений есть практическое выражение общих правил семантического варьирования слова, определяющих его семантический потенциал, его «силовое поле».

Исследуя содержательные связи в семантической структуре слова, мы как раз и регистрируем способы семантического варьирования. Типология содержательных связей словозначений поэтому прямо связана с установлением структуры того неясного ореола, который окружает прямое значение виртуального знака. Тем самым потенциальное в семантике слова выявляется через узуальное.

Традиционно содержательные связи словозначений описываются в терминах метонимических (включая синекдоху) и метафорических (включая синестезию и перенос по функциональному сходству) сдвигов значения, а также сужений (специализаций) и расширений (обобщений, генерализаций) значения. Указанные понятия, хотя и охватывают многие случаи, недостаточны, чтобы объяснить все. Обнаруживаются виды связей, не подводимые под традиционную классификацию. Но традиционная схема и не разрабатывалась для описания связей в синхронии; ее делом было объяснить, как изменяются значения, а не как они соотносятся в семантических структурах слов (см. И. В. Арнольд [13]). Более того, изначально эти понятия относились, как известно, к фигурам образной речи. Между тем связи словозначений — нечто большее, чем тропы, и чтобы адекватно объяснить их, надо опираться на более общую теорию, чем риторика.

Типы содержательных связей словозначений одинаковы во всех естественных языках, т. е. относятся к всеобщим языковым универсалиям. Этим, понятно, никак не исключается своеобразие распределения содержательных связей в семантических структурах корреспондирующих слов и классов слов в разных языках, равно как и различия в удельном весе тех или иных видов содержательных связей на определенных участках лексико-семантических систем разных языков. Универсальны типы связей, идиозетнично их распределение в семантических структурах.

В лингвистических целях достаточно выявить общие типы содержательных связей. Детальная классификация всех возможных подтипов ассоциативных связей в семантических структурах также интересна, но не столь для лингвистики, сколь для психологии и психолингвистики. Подробная классификация практически не имеет нижнего предела (ср. Л. Блумфильд [19, стр. 456—486]):¹

Установление типов содержательных связей предполагает в качестве условий, что уже произведено отграничение полисемии от омонимии, произведена демаркация полисемии и известны содержательные определения значений на семантическом подязыке. Полное осуществление этих условий в эксплицитном виде на основе строгих формализованных процедур остается задачей будущего и задачей довольно гипотетической (ср. А. Н. Иорданская [41—3]). По примеру многих других исследователей, мы опираемся на данные толковых словарей, при необходимости видоизменяя их в соответствии с общими правилами логической обработки эмпирического материала. В первую очередь используется *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*, в некоторых случаях дополняемый и уточняемый данными других словарей. Для целей нашего исследования это дает достаточно верное решение указанных предпосылок. Определение наличия и типа содержательной связи между словозначениями решается в основном как эвристическая задача. Исследование формальных рефлексов содержательных связей и установление формальных правил (критериев, процедур) для определения наличия и типа связи в нашу задачу не входит.

2.2. Содержательные связи словозначений — те же концептуальные связи. Связи концептов базируются в конечном счете на определенных коррелятах в объективном мире и являются их мыслительным отражением. Вместе с тем, будучи сущностями сознания, они обнаруживают известное своеобразие. Отражающая система имеет собственный субстрат и организацию, и некото-

¹ Существует обширнейшая литература по конкретным случаям изменения значений в отдельных языках. Перечни содержатся в работах [19 — подборка Е. С. Кубряковой, 20, 65].

рые особенности процесса отражения и его результатов обусловлены субстратом отражающей системы.

Объективным основанием концептуальных связей являются 1) связи сущностей объективного мира, 2) общности сущностей объективного мира по наличным признакам. Соответственно выделяются два основных типа концептуальных связей, равно как и содержательных связей между словозначениями: 1) импликационный и 2) классификационный.

2.3.1. Импликационные связи концептов (тип: если C_1 , то C_2 ; символ: $C_1 \rightarrow C_2$) — это когнитивный аналог реальных связей (взаимодействий, зависимостей) сущностей объективного мира: связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи. Концепты C_1 и C_2 имплицитуют друг друга, если предполагается какая-то зависимость, взаимодействие их денотатов. Наиболее явным примером импликационных связей являются сильные причинно-следственные зависимости. Но сюда же относятся и слабые пространственные, временные и др. зависимости.

Импликация может быть отражением самых разнообразных видов реальных связей: симультанных и суксесивных, статических и динамических, жестких (детерминированных) и вероятностных, слабых и сильных.

2.3.2. Импликация в таком понимании имеет место как на знаковом, так и незнаковом (в том числе, дознаковом) уровнях сознания. Понятно поэтому, что термин «метонимия, метонимический» недостаточен и неадекватен. Под метонимией понимают троп, основанный на «ассоциации по смежности». Суть дела состоит в том, чтобы уяснить природу этой «ассоциации по смежности». Обнаруживается, что за этим неудовлетворительным термином, который, заметим, сам содержит метафору, скрывается один из двух универсальных способов организации сознания и связи концептов — импликация, а «смежность» — это не менее как связи объективного мира.

Предпочтительно поэтому общее понятие об этом роде концептуальных связях обозначать термином «импликация, импликационный (имплицитивный)», а термин «метонимия, метонимический» в соответствии с его этимологией и принятыми определениями использовать только для частного случая импликационных связей, а именно, для случаев переименования на импликацион-

ной основе, когда метоним не является основным именем денотата и противопоставлен исходному словозначению и основному имени по признаку переносности значения и ослабленной номинативности. Иначе говоря, обозначать им не более, чем вид образной фигуры речи. Например, у следующих слов пары значений связаны импликацией: slide 1) скольжение, 2) детская горка (для катания); surprise 1) удивление, изумление, 2) неожиданность, сюрприз; tap 1) пробка, затычка; кран, 2) разг. пивная, бар; sweat 1) пот, 2) изнурительный труд. Но лишь в последних двух случаях имеется явная метонимия: вторые значения производны от первых, переносны, не являются нормативными первичными обозначениями десигнатов, их номинативность, способность актуализировать понятие и представить денотат обставлена особыми условиями, ср. с прямыми именованиями rub и hard work. Напротив, в первых двух примерах слова во вторых значениях являются принятыми именами своих денотатов и понятий.

2.3.3. Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах многозначных слов. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны: материал — изделие, причина — следствие, исходное — производное, действие — цель, процесс — результат, часть — целое, признак — вещь, смежность (соположенность) в пространстве, следование во времени и т. д. и т. п., т. е. все разновидности указанных выше симультанных и суксесивных, статических и динамических, слабых и сильных связей с жесткой и вероятностной зависимостью. В лингвистических целях достаточно указать общность типа связи. Заметим еще, что онтологические связи (связи предметных сущностей) могут быть однонаправленными (детерминация) или взаимными (интердепенденция), но для концептуальных связей это различие не существенно. К примеру, не только концепт причины имплицитно включает концепт следствия, но и наоборот. Это и объясняет символ импликации. Примеры импликационных связей словозначений достаточно известны и можно ограничиться немногими, указав, что этот тип содержательных связей широко представлен как у имен вещей, так и имен признаков: fire 1. 1) огонь, пламя; 2) топка, печь, камин; 2. пожар; 3. орудийный огонь, стрельба; shoot 1. стрелять; 2. уби-

вать; stand 1. стоять; 2. ставить (каузативная связь «следствие — причина»), то же float 1. плавать, быть на плаву; 2. спускать на воду; healthy 1) не больной; 2) полезный для здоровья, ср. healthy climate: свойство P_1 (не больной) у A (человек) способно каузироваться свойством P_2 (полезный для здоровья) у B (климат) при взаимодействии A и B — связь «следствие — причина».

Импликационная связь имеет место также в следующих примерах: write 1. изображать, передавать речь графически; 2. сочинять. cf. write poems, music, on gardening, for a living, from experience, etc.; sail 1. плавать; 2. служить на кораблях в плавании, cf. sailor; smear 1. мазать, намазывать = покрывать чем-то жидким; 2. пачкать = загрязнять, покрывая чем-то жидким; sit 1. сидеть; 2. заседать; 3. сосредоточенно заниматься чем-то, cf. sit over a problem, for a scholarship; 4. оставаться, пребывать без дела, to sit at home, the car sits at the garage unused; 5. осадить кого-либо; 6. укрыться в засаде.

Базой концептуальных связей служат не только дедуктивно-логические понятия с жестко фиксированным содержанием, но и индуктивно-эмпирическое понятие стохастической природы. Иными словами, импликация и классификация могут опираться на семантические признаки, входящие как в интенционал, так и в жесткий или вероятностный импликационал исходного словозначения. Ср. с этой точки зрения указанные выше значения глагола sit. Импликация там носит вероятностный характер. Признак «сидячей позы» не является обязательным для понятий 2—6, однако входит в индуктивно-эмпирическую характеристику этих классов ситуаций как вероятностно-примечательный. Импликационная связь устанавливается между конценатами с вероятностной структурой.

2.3.4. Особой разновидностью импликационных связей в семантической структуре слова является конверсивная связь словозначений. Если вещи D_1 и D_2 связаны отношением R и в этом и только в этом отношении им присущи свойства P_+ и P_- , то такие свойства называем конверсивными. О соответствующих концептах, именах и значениях также следует сказать, что они связаны конверсивным отношением (являются конверсивами). Известно, что конверсивные понятия передаются лексически (разными словами) или грамматически (разными словоформами одного

слова), ср. buy — sell, send — receive, bequeath — inherit — be read, saddening — saddened и т. п.

Однако вполне возможен и лексико-семантический способ выражения конверсивных признаков. Значения — конверсивы могут содержаться в семантической структуре одного слова, ср. 1. носить, wear a hat, clothes, etc.; 2. носиться, the cloth wears well; sell 1. продавать, sell the book; 2. продаваться, the book sells well; read 1. читать; 2. читаться, гласить, the notice reads; number 1. насчитать, I numbered seven of them; 2. насчитываться, they number seven; tire, weary 1. утомлять; 2. утомляться; smell 1. пахнуть; 2. нюхать; smart 1. испытывать боль; 2. причинять боль; curious 1. любопытствующий, curious idlers; 2. возбуждающий любопытство, curious happening; glad 1) обрадованный, радующийся; 2) радующий, ср. the glad news; сходным образом у многих других прилагательных: sad 1. опечаленный; 2. печальный; blind 1. слепой, не видящий; 2. слепой, не дающий видеть: the pane is blind with showers (Е. Е. Housman «The chestnut cast his flambeaux»); dubious 1. усомнившийся; 2. заставляющий сомневаться; (un) lucky 1. having (no) luck, 2. bringing (no) luck; the trade 1. торговцы, предприниматели; 2. клиентура, покупатели; то же у прилагательных drowsy, joyful (-ous, -less) и др. Явление это обычно и в других языках.

2.4.1. Обратимся теперь ко второму общему типу концептуальных связей словозначений — классификационным связям. Объективным основанием классификационных связей концептов является общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам. В отличие от импликационных связей в этом случае сущности объективного мира не объединены какими-либо реальными отношениями, взаимодействиями, но обнаруживают известную общность признаков. Связь между двумя концептами устанавливается в сознании, но отражает не какую-то реальную связь (зависимость, взаимодействие) между соответствующими сущностями, а общность присущих им признаков. Классификационные связи концептов — это мыслительный аналог распределения признаков у сущностей объективного мира.

Классификационные связи концептов устанавливают исключительно на основе известной общности содер-

жания концептов. Наличие — отсутствие импликационной зависимости концептов при этом несущественно. Классификационные связи могут быть двоякого рода: 1) ги-по-гиперонимические (видо-родовые, инклюзивно-эксклюзивные) и 2) симилятивные.

2.4.2. Гипо-гиперонимическое связи устанавливаются между концептами разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи, т. е. в зависимости от того, какой концепт и, в частности, какое значение многозначного слова, берется за отправное, различаются связь специализации (инклюзивная, родовидовая) и связь генерализации, обобщения (эксклюзивная, видо-родовая). Инклюзивная связь соответствует отношению менее содержательного понятия — гиперонима к более содержательному понятию — гипониму, а эксклюзивная связь, напротив, — отношению более содержательного понятия к менее содержательному, т. е. гипонима к гиперониму. В плане объемов (экстенсионалов) понятий гипо-гиперонимической связи соответствует отношению более широкого и более узкого понятий. Наконец, в диахроническом (а, точнее сказать, генетическом, динамическом) плане те же соотношения описываются известными терминами «сужение» и «расширение значения».

Гипо-гиперонимические связи широко представлены в семантических структурах как имен вещей, так и имен признаков (свойств и отношений).¹ Возможность этого рода связей в семантике имен признаков объясняется тем, что противопоставление вещь — признак не абсолютно, а относительно. Две сущности осмысляются как признаки по отношению к какой-то вещи или вещам, но по отношению друг к другу они могут быть осмыслены как две вещи или как вещь и признак. Вырождаясь в вещи, признаки также образуют классы, и в этом смысле класс свойств или отношений может входить в более общий класс свойств или отношений.

¹ Из трех терминов «гипо-гиперонимические, инклюзивно-эксклюзивные, видо-родовые (связи)» предпочтительнее первый, так как третий обычно связывают с соотношением классов вещей, а не признаков, второй же нехорош тем, что способен описывать отношение понятий как по их интенционалам (содержанию), так и экстенционалам (объему), но, увы, при этом меняется значение термина и вектор отношения понятий.

Примеры гипо-гиперонимических связей в семантической структуре имен вещей достаточно известны и можно ограничиться немногими: woman 1) женщина; 2) служанка (также 3) содержанка; 4) диал. жена); slope 1) уклон, покатность, наклон; 2) склон; train 1) ж.-д. состав; 2) любой состав транспортных средств, ср. a train of camels, baggage train; cat 1) кошка; 2) животное семейства кошачьих; coat 1) пальто, верхнее платье; 2) что-либо покрывающее, ср. a coat of paint, snow.

К этому типу относятся все неоднократно рассматривавшиеся в разных языках случаи сужения и расширения значений слов, когда оба значения — исходное и производное — сохраняются у слова (см., например, подборку примеров у Г. Пауля [65—106 и след.]). Очень часто в общенародном языке слово выступает как гипероним общего значения, а в подъязыках развивает более специальное терминологическое значение, ср. slope 1) уклон; 2) горн. наклонная выработка; resistance 1) сопротивление; 2) полит. движение сопротивления; 3) технич. сохранность, устойчивость, ср. resistance to wear; 4) электр. сопротивление и т. п.

Особо надо отметить гипо-гиперонимическое варьирование по линии «класс — подкласс с высокой (положительной)/низкой (отрицательной) степенью классовобразующего признака». Ср. chance 1) случай, возможность; 2) счастливый случай, возможность; luck 1) удача, везенье; 2) обстоятельства, ср. bad luck, также: 1973 was a lousy year. The only hope is that luck will change (из англ. газет); manners 1) манеры; 2) хорошие манеры, ср. People with manners do not read at table (D. Thomas, Under Milk Wood); consequence 1) (по) следствие; 2) нежелательное (по) следствие, ср. you'll have to abide by the consequences (=undesirable consequences); significance 1) значение, важность; 2) большое значение, важность; quality 1) качество 2) высокое качество. Ср. русск. погода 1) weather 2) good weather; здоровье 1) health; 2) good health и т. п.

Русскому языку весьма свойственно семантическое варьирование имен животных, когда одно и то же слово обозначает 1) животное какого-то вида, 2) животное определенного пола этого вида, ср. «кошка, коза, свинья, лань, антилопа, щука, стрекоза» и т. п.: 1) вид животного, 2) самка этого вида; «медведь, тигр, лев, слон, крот,

орел, ястреб, крокодил, муравей» и т. п.: 1) вид животного, 2) самец этого вида. Напротив, терминам английской зоосемии привативная оппозиция мало свойственна. Вместо двух терминов тут обычно встречаем три: общий термин вида и два термина для каждого пола с эквивалентной оппозицией, ср. goat «коза», he-goat «козел» she-goat (nanny-goat) «коза»; sheep «овца», ram «баран», ewe «овца».

Примеры гипо-гиперонимических связей в семантической структуре признаков слов: feel 1) чувствовать, ощущать вообще; 2) ощущать на ощупь, осязать; bury 1) хоронить; 2) прятать, зарывать; dead 1) не обнаруживающий биологической формы движения; 2) недвижимый, недействующий, ср. dead volcano, language; dumb 1) лишенный речи; 2) беззвучный, ср. dumb notes, piano; 3) лишенный основного качества, ср. dumb nettle «глухая крапива»; defunct 1) переставший существовать биологически; 2) переставший существовать, ср. defunct stars (suns). В семантике глаголов движения come, go наблюдаются последовательные ступени обобщения первичного значения «приближаться/удаляться пешком»: вначале становится иррелевантным способ передвижения, ср. the train is coming, далее — различие между динамическим (физическое движение) и статическим положением вещей в пространстве, ср. the forest comes to the very bank, на следующей ступени иррелевантно различие пространственных и временных координат, cf. spring came и т. д. Ср. также русские примеры: бороться 1) добиваться чего-нибудь, преодолевая препятствия; 2) схватившись друг с другом, стараться осилить; судить 1) высказывать, составить мнение, суждение; 2) рассматривать чье-либо дело в судебном порядке; 3) в спортивных играх следить за соблюдением правил игры и разрешать возникающие споры; бежать 1) быстро передвигаться при помощи ног; 2) быстро передвигаться, ср. «ток бежит по проводам» и т. п.

Представляет интерес особый случай варьирования значения по линии «частное — общее», отмечаемый в семантической структуре многих глаголов. Для характеристики действия, помимо его качественной специфики, могут быть релевантны признаки, внешние по отноше-

нию к качеству¹ действия: время действия, распределение действия во времени, или способ протекания действия во времени (аспект, или вид действия в терминологическом смысле), ориентация называемого действия (т. е. концепта действия) по отношению к агенту, объекту, инструменту (залоговые характеристики действия), пространственная ориентация действия, его интенсивность, способ и условия его осуществления, связи между действием, целью и результатом, отношения называемого действия к реальности и высказывающему и др. Указанные признаки: время, вид, агентивность, инструментальность, обстоятельственность, результативность, целенамеренность, модальности и др.² — выражаются в языках, как известно, различными способами: синтаксически, т. е. содержатся в семантике словосочетаний, грамматически, т. е. содержатся в грамматических значениях словоформ, лексически, т. е. содержатся в лексических значениях разных слов, и, наконец, лексико-семантическим способом, т. е. содержатся в лексико-семантических вариантах одного слова, подключаясь к качественной характеристике действия. В двух последних случаях содержание отдельных слов и словозначений отличается включением — исключением тех или иных указанных признаков (ср. И. А. Мельчук [53]), и между ними, таким образом, обнаруживаются инклюзивно-эксклюзивные содержательные связи.

Рассмотрим некоторые примеры такого варьирования в семантике глаголов: cut 1) I cut the cheese with the knife, 2) the knife cuts the cheese (исключена сема агентивности), the knife won't cut (исключены семы агентивности и объектности ≈ the knife is blunt); shave 1) брить, 2) бриться (плюс возвратность); to house 1) поселять, ср. they housed five families in the building; 2) вмещать (о жилье), ср. the building houses five families (минус агентивность и предельность); ср. также русск. «гнать» 1) заставлять двигаться, «ветер гонит облака», 2) заставлять двигаться прочь, вон, «дворник гонит ни-

¹ Под качеством понимается структура существенных свойств, обеспечивающая специфику вещей. Ср., например, А. И. Уемов [77, стр. 34—46].

² Ср. с семантическими параметрами в модели «смысл ⇔ текст» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука [35—38, 50—55]. Там же можно найти более полный перечень глагольных «лексических функций».

щего» (включена сема пространственной ориентации действия), 3) заставлять двигаться быстро, «ящик, не гони лошадей» (сравнительно с m_1 включена сема интенсивности действия).

В сопоставлении с сдвигами в качественном содержании действия (ср. write 1) изображать речь графически, на письме, 2) сочинять и изображать сочиненное на письме) варьирование такого рода не изменяет существенно содержание слова и не образует отдельных словозначений, а скорее — оттенки значения. Оно находится в промежуточной зоне между словозначением и словоупотреблением (ср. write 1) he writes with a pen; 2) the pen writes well). Здесь мы сталкиваемся с межуровневым взаимодействием в структуре языка: совокупность значений, релевантных для общения, распределены по разным уровням значимых единиц; если те или иные из этих значений не находят отдельного выражения в системах лексических, морфологических или синтаксических средств, т. е. посредством лексем, словоформ или синтаксических конструкций, они могут быть выявлены комбинаторно за счет межуровневого взаимодействия десигнационных признаков. С другой стороны, тем же способом «приглушаются», нейтрализуются семантические признаки, привычно связываемые с первичными значениями лексем, словоформ и синтаксических структур, ср. he cuts the cheese — the knife cuts the cheese, he cuts well — the cheese cuts well.

Те же семантические признаки, дополняющие качественную характеристику отношения — действия, могут выявляться лексически, разными словами, ср. carry и bring (плюс предельность, целенамеренность и пространственная ориентация действия), float и swim (добавляется признак агентивности). Ср. также глаголы (но не с гипо-гиперонимическим, а эквиолентным отношением): see и look (плюс целенамеренность минус результативность), то же в парах hear — listen, русск. видеть — смотреть, слышать — слушать.

2.4.3. Обратимся с симилиативной классификационной связью. Она имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих семантических признаков, концепты содержат еще различающие их признаки, каждый свои. Это отличает симилиацию от гипо-гипероними-

ческих связей. Кроме того, общая семантическая часть не равна гиперониму сопоставляемых концептов. Это отличает симиляцию от эквонимических связей: при симилятивной связи концепты не соотносятся как эквонимы.

В отличие от гипо-гиперонимических связей, устанавливающихся только на знаковом уровне сознания, симилятивные связи концептов, также как импликационные, свойственны сознанию по знаковому и дознаковому уровням. Понятно поэтому, что традиционный термин «метафора, метафорический» неадекватен. Предпочтительнее общее понятие об этом рода концептуальных связях обозначать термином «симилятивный, симиляция», а термин «метафорический, метафора» в соответствии с обычными его определениями¹ использовать только для частного случая симилятивных связей, а именно, для случаев переименования на симилятивной основе, если при этом какое-то имя не является основным принятым обозначением денотата и отличается от первичного словозначения и основного имени переносностью значения и неполной (ослабленной) номинативностью.

Например, у следующих слов пары значений объединены симилятивной связью: cloud/облако 1) скопление сгустившихся водяных паров в воздухе; 2) сплошная масса летучих частиц, ср. a cloud of dust, smoke; wall/стена 1) вертикальная часть здания, сооружения; 2) сплошная ограда; spindle 1) веретено, 2) шпиндель; shock 1) удар (механический); 2) шок; subside 1) спадать (об уровне воды); 2) оседать, давать осадку (о грунте, здании); soft 1) мягкий (на ощупь); 2) нежный (на ощупь, вкус, слух, зрительно и т. д.). Однако метафоры нет. И первые, и вторые словозначения являются привычными именованиями соответствующих денотатов. Ср. с случаями явной метафоры: baby (babe)/детка (крошка) 1) дитя, младенец; 2) субст. милая, любимая (о девушке, женщине); desert/пустыня 1) бесплодная песчаная суша; 2) ненаселенное, безлюдное место; dirt/грязь 1) то, что пачкает; 2) мерзость, пакость, гадость; drink 1) пить; 2) жадно воспринимать, ср. drink in every word;

¹ Заметим, что определения метафоры обычно страдают двумя недостатками: 1) сравнивают денотаты (вещи, предметы, сущности), а не концепты; 2) просто указывают на общность признаков, по этого еще недостаточно: не всякая общность признаков лежит в основе метафоры и — шире — симиляции, см. определение в тексте.

steep 1) крутой (о склоне); 2) чрезмерный, преувеличенный, ср. the story's rather steep. Симилятивная связь резко выражена; вторые значения явно переносны; значения взаимодействуют, так что в производном (втором) значении отчетливо проявляется исходное (первое). Вторые словозначения не являются основными принятыми именами соответствующих денотатов. Их номинативность, т. е. способность самостоятельно, без помощи контекста и речевой ситуации (вне речевой установки, мотивации) назвать, «представить» соответствующий денотат и актуализировать в сознании соответствующее понятие (см. раздел 4, § 3.2 этой части), ограничена специальными условиями.

Симилятивная связь концептов может быть отражением реальной общности свойств у соответствующих референтов. Сходство восприятия и общность содержания концептов основываются на наличии общих свойств в отражаемых сущностях. Это случай предметно-логической симиляции. Общность содержания концептов может не отражать реальную онтологическую природу референтов, но может быть результатом приписывания референтам некоторых общих свойств. С другой стороны, референты *A* и *B*, даже не обнаруживая какой-либо реальной или приписанной общности, могут в силу особенностей отражающей системы, присущего ей механизма отражения восприниматься сходным образом, могут производить сходное ощущение. Это случай синестезической симиляции. Связь соответствующих концептов основывается не на общности их содержания, а по сходству ощущения, восприятия, впечатления, или иначе, сходство концептов обусловлено не природой референтов, а способом их восприятия.

Известно, что оба случая симилятивной связи широко представлены в семантических структурах слов. Примеры предметно-логической симиляции: skeleton 1) костный каркас тела; 2) остов, каркас строения; 3) план схема, набросок, «костяк»; ape 1) человекообразная бесхвостая обезьяна; 2) субст. слепо, глупо подражающий; rubbish 1) мусор, хлам; 2) чепуха, вздор; fade 1) вянуть, терять свежесть; 2) стареть, утрачивать молодость; 3) выгорать, линять; fast 1) быстрый, скорый; 2) разгульный. Примеры синестезической симиляции: blind 1) не зрячий; 2) не замечающий, не воспринимающий, умственно

«слепой», ср. blind to smb's faults; fast 1) прочный, твердый; 2) верный, стойкий, ср. a fast friend; break 1) нарушать целостность физических тел изгибанием, давлением, ударом; 2) подавлять (волю, сопротивление и т. п.); 3) объезжать (лошадь); fade 1) вянуть, терять свежесть; 2) постепенно замирать (о звуках); 3) постепенно исчезать из памяти; embroider 1) вышивать; 2) приукрашивать, «расцветить» (рассказ и т. п.).

Синэстетические связи концептов устанавливаются посредством механизма вторичных ощущений, т. е. механизма «ощущения ощущений», позволяющего сличать и различать первичные ощущения объективных сущностей. Сходство восприятия онтологически не тождественных признаков, однородность ощущений, включая даже ощущения разными органами чувств, сходство нервных реакций приводят к синэстетическому сближению концептов онтологически разнородных сущностей. Ср. mild cheese, ale, cigar; light; voice; steel; attack, punishment, rebuke, criticism, measures; climate, weather, evening; answer; gaiety; man, nature, dove, lamb (примеры этого рода достаточно известны).

На той же синэстетической основе сближаются образы (концепты) простых, внешних, физических действий (явлений) и действий (явлений) сложных, внутренних, умственных и эмоциональных. При этом у имен признаков развиваются более абстрактные значения от более конкретных: seize 1) хватать (физические тела); 2) хватываться (за мысль, шанс и т. п.); 3) охватывать, обухать (о страхе, панике и т. п.); 4) понимать; collect 1) собирать; 2) собираться (с мыслями, силами); embrace 1) обнимать(ся); 2) принимать, воспринимать (учение, веру); raise 1) поднимать (физические тела); 2) поднимать (дух, настроение); 3) ставить (вопрос, задачу); loose 1) свободный, не стесненный; 2) распушенный (о поведении, нравах); 3) не точный, не адекватный; ср. loose translation, argument.

Частным случаем синэстетических связей является эмотивная симилиция, при которой концепты сближаются по сходству эмоциональной оценки. Содержательная общность двух концептов при этом может быть минимальной. В предметно-логическом (собственно семантическом, денотативном) плане два концепта могут не иметь ничего общего, для сближения их достаточно

сходства субъективно-эмоциональной оценки соответствующих референтов (общего прагматического компонента содержания). Ср. lousy 1) вшивый; 2) паршивый; мерзкий; rotten 1) гнилой; 2) поганный, дрянной, отвратительный; capital 1) главный, основной, самый важный; 2) превосходный, отличный; bloody 1) кровавый; 2) проклятый и т. п. Предметно-логическая и эмотивная симилиции нередко дополняют друг друга; colt 1) жеребенок, 2) новичок (в крикете); filly 1) кобылка; 2) шустрая девчонка; hound 1) гончая собака; 2) репортер; 3) последний гонщик в группе (в велоспорте); Hottentot 1) готтентот; 2) дикарь.

2.5.1. Таковы основные типы содержательных связей словозначений. Ими определяются соотношение и взаимодействие значений многозначного слова и увязывание этих значений в единую смысловую структуру, а также описываются с содержательной стороны пути возникновения у слов новых значений на базе старых. В любом случае содержательной зависимости, импликационной или классификационной, концепты обнаруживают известную общность содержания. Соответственно и пары значений многозначного слова, объединяемые этими связями, обладают общей семантической частью. Однако роль этого общего компонента в структуре значения различна и зависит от типа содержательной связи. Сравним их по этому признаку.

Начнем с конверсивной импликации. Общая семантическая часть конверсивных словозначений равна понятию о несимметричном отношении R , каузирующем в аргументах этого отношения конверсивные свойства P_+ и P_- . Различающие семантические части конверсивных значений — это понятия о разных статусах аргументов в несимметричном отношении R . Ср. с этой точки зрения примеры в § 2.3.4 этого раздела. Так, в конверсивных словозначениях глагола number 1) насчитывать и 2) насчитываться идея счета составляет их общую сему, а понятия считающего и считаемого — их дифференциальные признаки.

В остальных случаях импликационной связи общая сема равна содержанию первичного (прямого) значения. Вторичное (переносное) значение имеет более сложную структуру: общая сема здесь оказывается гипосемой, а остальная часть имплицуруемого понятия составляет ги-

персему вторичного значения.¹ В состав гипосемы вторичного значения входит также понятие об отношении, связывающем денотаты гипосемы и гиперсемы. Ср. *bottle* бутылка; 2) вино в бутылке, cf. *fond of the bottle*; *shoot* 1) стрелять; 2) убивать выстрелами. Импликации: бутылка→содержимое×вино в бутылке; стрелять→убивать выстрелами. Структура имплицуруемых значений: в первом примере гиперсема — вино, гипосема — бутылка плюс отношение между вином и бутылкой «*x* находится в *y*» = в бутылке; во втором примере гиперсема — убивать, гипосема — выстрел плюс отношение каузации между выстрелом и убийством «*x* имеет следствием *y*» = =выстрелами. Ср. также примеры в § 2.3.3 этого раздела.

Сказанное вполне справедливо и для того случая импликации словозначений, когда они соотносятся как имя признака (свойства или отношения) и вещи. Ср. *sleep* 1) известное состояние; 2) тот, кто спит (окказионально, ср. у Шекспира: *Macbeth doth murder sleep*); *love* 1) известное отношение; 2) тот, кого любят. Интенсификация первичного значения здесь также становится гипосемой вторичного.

Гипосема в имплицуруемом понятии представляет собой мостик, перебрасываемый от вторичного значения к первичному. Ее дифференцирующая роль в качестве спецификатора гиперсемы может быть несущественна, и в таком случае вторичное значение обобщается, приравниваясь к содержанию гиперсемы. Но вместе с тем утрачивается связь первичного и вторичного значений. Ср. *board* 1) доска; 2) стол; 3) управление; *interest* 1) заинтересованность; 2) процент на капитал; *green* 1) зеленый (о цвете); 2) свежий, полный сил; ср. *green old age*, а *green* тетюгу, *green years*; *green* 1) зеленый; 2) сочный (о кормах); свежий, не сушеный (об овощах, фруктах); сырой, с корня (о лесоматериалах); не очищенный, не обработанный, в состоянии полуфабриката, ср. *green sugar*; ср. также *green timber*, *film*, *brick*, *wound* и т. п.; *film* 1) пленка; 2) кино (фото) пленка; 3) кинофильм; 4) кино (как род искусства).

¹ Сходным образом трактует метонимию В. Г. Гак, 1971 г. [133—85]. См. также М. В. Никитин [61a].

При гипо-гиперонимической связи общая семантическая часть двух словозначений равна интенционалу одного из них: интенционал одного из понятий включен в другой на правах гиперсемы. Содержательный остаток в другом понятии образует его гипосему, т. е. различительный признак на нижнем уровне обобщения. Ср. man 1) мужчина; 2) человек; 3) муж; divorce 1) разрывать брачный союз законным образом; 2) разрывать какое-то единство двух, ср. to divorce soul from body. Так же могут быть интерпретированы все примеры в § 2.4.2. этого раздела.

При симилиации общая семантическая часть двух словозначений связана с интенционалом одного из них жесткой или сильно-вероятностной импликацией: одно понятие заставляет полагать другое. Та же общая часть во втором словозначении составляет его гипосему. Ср. fox 1) лиса (животное, с которым традиция связывает признак хитрости); 2) хитрец, хитрый человек. См. также в этом плане примеры § 2.4.3 этого раздела.

С учетом изложенного выше содержательные связи словозначений можно символизировать следующим образом:

1) импликация общего типа:

shoot 1) стрелять
2) убивать выстрелами

$$\left\{ \begin{array}{l} m_1 = A \\ m_2 = \frac{a}{b} \\ a \longleftrightarrow b \end{array} \right.$$

2) импликация конверсивная:

smell 1) пахнуть
2) нюхать

$$\left\{ \begin{array}{l} m_1 = \frac{p_+}{r} \\ m_2 = \frac{p_-}{r} \\ p_+ \longleftrightarrow p_- \end{array} \right.$$

3) гипо-гиперонимическая связь:

train 1) состав ж/дор. транспортных средств
2) состав транспортных средств

$$\left\{ \begin{array}{l} m_1 = \frac{a}{b} \\ m_2 = B \end{array} \right.$$

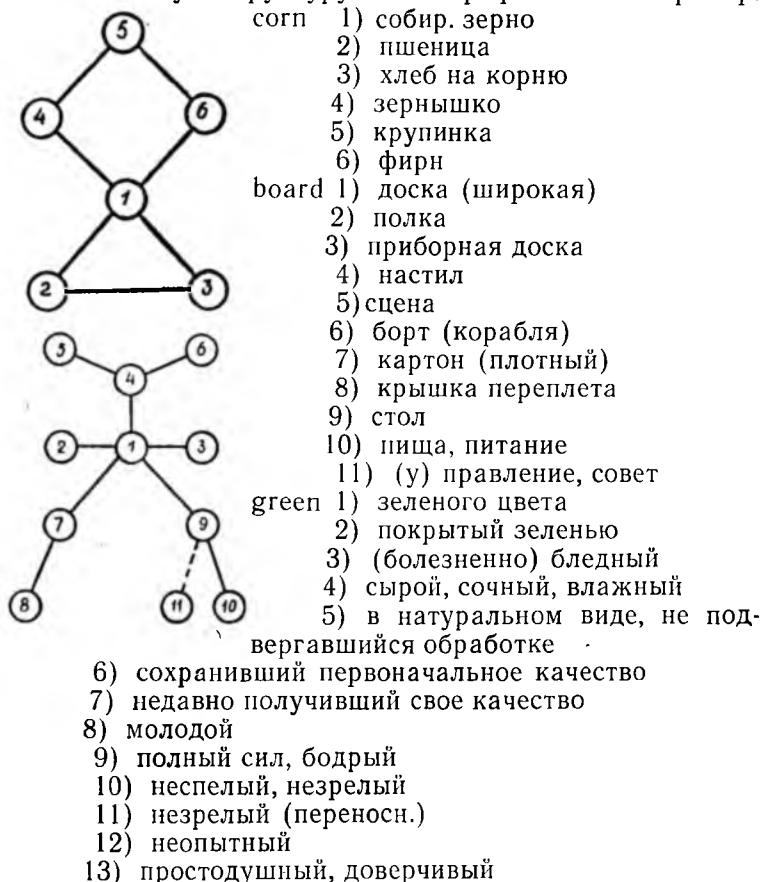
4) симилиативная связь:

filly 1) молодая кобылка
2) шустрая девчонка

$$\left\{ \begin{array}{l} m_1 = A \longleftrightarrow b \\ m_2 = \frac{b}{c} \end{array} \right.$$

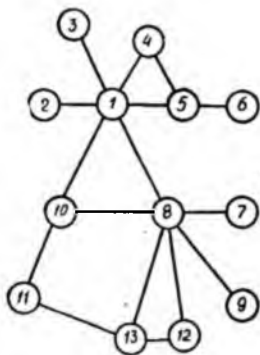
Примечание: строчными буквами указаны семы; r — сема-отношение; p_+ и p_- — семы — полярные конверсивные признаки; в числителе помещены гипосемы, в знаменателе — гиперсемы; заглавными буквами обозначены интенционалы; \leftrightarrow — общий символ импликации, \Leftrightarrow — сильная импликация.

2.5.2. Содержательные связи словозначений образуют схему, каркас семантической структуры слова. Установив эти связи, можно представить семантическую структуру слова графически. Например:

Понятно, что подобные графы, отражающие только связи значений по содержанию, представляют собой весь-

ма упрощенную модель семантической структуры слова. Не говоря уже о том, что для их построения необходимо установить какие-то критерии, посредством которых можно было бы с достаточной объективностью определять наличие — отсутствие содержательной связи между парами словозначений, в таких графах лишь грубо оценено семантическое расстояние между отдельными словозначениями (например, значения 2 и 3 на втором графе ближе друг к другу, чем 2 и 6, на одно расстояние). На самом же деле семантическое пространство многозначного слова и его семантическая структура организованы гораздо более сложным образом: для того, чтобы представить их более адекватно, требуется не плоскостная, а объемная модель, с тем, чтобы отразить «сгущения» семантических масс», их взаимное расположение и «силы гравитации» между «массами» — словозначениями.

Не менее важно и другое обстоятельство. Разные словозначения неравноценны по их языковому статусу. Для адекватного представления семантической структуры слова недостаточно очертить каркас содержательных связей, но необходимо также охарактеризовать словозначения по их языковой потенции, по совокупности функциональных, системных и количественных признаков: по свойственным им прагматическим коннотациям, функционально-стилевому распределению, парадигматическим связям в лексико-семантической системе, синтагматическим связям в системе языка и количественным показателям речи, т. е. по таким признакам, как эмоционально-экспрессивное содержание, принадлежность к функциональным подъязыкам, степень идиоматичности, номинативности, связанности словозначения и др. (см. ниже).

Изучение различных аспектов значения едва начато. В современной семасиологии больше нерешенных проблем, чем решенных, и еще больше непоставленных проблем. Поэтому даже упрощенные модели семантической структуры слова, вроде приведенных выше, дают, сравни-

тельно с словарной статьей, более наглядное и верное представление о том, как устроена семантика слова, как связаны словозначения, прямо или опосредовано, насколько далеко они отстоят друг от друга, как совершается переход от одних значений к другим, какие из значений центральны и замыкают на себя семантику слова, а какие периферийны и имеют мало связей. Они позволяют судить, насколько компактна семантическая структура слова и как сильны в ней центростремительные связи или, напротив, насколько семантика слова склонна к распаду, как сильны в ней центробежные силы. Графы зримо демонстрируют, насколько общность десигнатора дополняется внутренней содержательной общностью словозначений или же остается последним фактором объединения в одну структуру содержательно далеких значений, лишь опосредованно связанных друг с другом. Одним словом, они позволяют увидеть семантическую структуру слова. Модели такого рода полезны для построения типологии семантических структур и описания лексико-семантической системы в одном языке, для построения сопоставительной типологии семантических структур и сравнительного изучения лексико-семантических систем в разных языках, а также для решения прикладных задач (например, при обучении лексике иностранного языка). Кроме того, их анализ и интерпретация, вероятно, небезынтересны с точки зрения процессов порождения речи (выбор слова) и ее восприятия (семантизация слова).

§ 3.1. Значение — это концепт, связанный знаком. В силу этого, помимо содержательной своей стороны, ему свойственны соотносительные собственно языковые характеристики, которые мы объединяем общим понятием языкового статуса значения. В отличие от неясного и непродуктивного понятия значимости, толкавшего лингвистику на ложный путь постулирования особых мотивированных языковой формой концептуальных единиц и структур, статус значения — вещь вполне реальная. Это — совокупность соотносительных несодержательных признаков, определяющих место данного словозначения в системе языковых средств выражения. Статус значения описывает его реальный *modus vivendi* в языке, это характеристика десигната через его десигнатор. Статутные признаки не описывают того, что входит в содержание десигната, но описывают способ выражения кон-

цепта, функции данного способа выражения концепта сравнительно с другими, условия, мотивирующие этот способ, его распространенность (количественные признаки), формальные (не содержательные) правила и ограничения на употребление десигнатора в данном значении и т. п.

Значения многозначного слова различаются не только содержанием и местом в семантической структуре, но и статусом. Каждое из них не только взаимодействует с другими словозначениями внутри семантической структуры, но является также частью общей системы номинативных средств языка, т. е. взаимодействует с другими словозначениями за пределами семантической структуры слова. В этих соотношениях и выявляется языковой статус словозначения. Систематизация того, что здесь называется статутными признаками словозначения, впервые была предпринята акад. В. В. Виноградовым в его статье «Основные типы лексических значений слова» [21]. Ценность этой работы оспаривалась (см. В. А. Звегинцев [40—56], но критика была не конструктивной и, более того, не справедливой, если учесть пионерский характер работы В. В. Виноградова. Дело не в том, чтобы сбросить эту проблему со счета, а уяснить природу того, что было названо — не вполне удачно — «типами лексических значений» и детально исследовать соотносительные характеристики языкового статуса значений.

Статус словозначения в значительной мере определяется ограничениями номинативной потенции словозначения, дополнительными к тем ограничениям, которые обязательны для слов данного синтаксического класса. Определяя статус словозначения, следует установить, насколько полно реализуются возможности номинации, свойственные словам определенного лексико-грамматического разряда.

3.2. Рассмотрим основные факторы, влияющие на языковой статус словозначения как элемента общей системы номинативных средств. В целях систематизации наряду с описанием признаков менее известных укажем также признаки, уже отмечавшиеся ранее.

1) Способ номинации концепта: прямое vs переносное значение. Система номинативных средств языка (ономасиологическая система) имеет двухступенчатое

строение: уровень прямых обозначений, являющихся непосредственной, первичной семиотической функцией десигнаторов, и уровень переносных производных от прямых обозначений, выступающих как вторичная функция десигнаторов. В первом случае денотат называется нормативным, положенным ему именем, а сами имена имеют прямое значение. Во втором случае обозначение денотата является побочной функцией уже «занятого» десигнатора, имена при этом имеют переносные значения.

В основе первичных прямых значений лежит семиотическое, конвенциональное (хотя бы и спонтанно сложившееся) общественно признанное установление связывать такой-то десигнатор с таким-то концептом. Вторичные переносные значения мотивированы разнообразными ассоциативными связями первичных значений. Двуступенчатый характер ономастологической системы является частным проявлением общего принципа относительной свободы связи десигнатора и десигната: первичное значение определяет ядро номинационного потенциала слова, а совокупность признаков интенционала первичного значения и связанных с ними импликациональных признаков очерчивают общее поле этого потенциала, т. е. все множество хотя бы окказионально возможных номинаций посредством данного слова. Значение слова в конкретных актуализациях способно варьировать в широком диапазоне указанной совокупности признаков.

Для того, чтобы осмыслить слово в прямом значении, надо знать связи между десигнаторами и десигнатами (концептами). Чтобы осмыслить слово в переносном значении, это знание не обязательно (хотя и возможно). Достаточно общих закономерностей ассоциирования концептов и знания первичных прямых значений слов. Слово в переносном значении семантизируется посредством соотнесения первичного значения с описываемым фактом (точнее, денотатом). При этом обнаруживается референционное несоответствие имени в первичном значении: оно «не вписывается» в предмет сообщения. Поэтому его переосмысливают: руководствуясь общими универсальными закономерностями ассоциирования концептов, отбирают из первичного значения и организуют в структуру семантические признаки, конгруэнтные денотату. Имя в переносном значении актуализирует свой концепт не прямо,

а через соотнесение денотата с своим первичным прямым значением. Таков реальный смысл того, что в лингвистике обозначалось «транспозицией семантической стороны знака» (С. Карцевский [96], «вторичными семантическими функциями слова» (Е. Курилович [46])).

Ономасиологически нормативно обозначение и описание денотатов посредством имен в прямых значениях. Использование в тех же целях переносных словозначений, напротив, ненормативно. В общем случае следует считать ненормативными обозначениями все употребления слова не в первичном прямом, а вторичном переносном значении независимо от того, является ли это переносное значение только окказиональным или в той или иной мере узуальным. В ономасиологическом плане различие между окказиональным и узуальным переносным словоупотреблением состоит отнюдь не в степени нормативности — это лишь различие между единичной, частной, индивидуальной аномалией и аномалией массовой, распространенной, привычной.

Различие в ономасиологическом статусе прямых и переносных значений, двуступенчатое строение ономасиологической системы используется в естественном языке как способ выразить когнитивную и прагматическую информацию, не увеличивая число единиц выражения и их синтаксической сложности. Ономасиологическая ненормативность переносных значений сигнализирует SR, что SP вкладывает в них особый содержательный заряд, SR побуждается к осмыслению слова вне привычных рамок первичного кода. К переносным словозначениям прибегают, когда система первичных обозначений не адекватна замыслу (purport) SP. Это способ развязать импликационное и коннотативное домысливание имен.

2) Референционная самодостаточность: достаточные vs недостаточные словозначения. Некоторые словозначения референционно недостаточны и нуждаются в поддержке окружения, контекста или ситуации речи, чтобы актуализировать свой концепт. Другие же значения в такой поддержке не нуждаются. Ср. head 1) голова; 2) верхняя часть, ср. head of the page (staircase); 3) передняя, головная часть, ср. head of a procession; 4) глава, ср. head of the family (government); heart 1) сердце; 2) центральная часть, ср. heart of the forest (matter, mystery), a cabbage

with a good solid heart; hold 1) удерживание, захват; 2) спорт. захват в борьбе, ср. double body hold, standing holds. Значения, кроме первых, нуждаются в уточнении.

Вербальные уточнители недостаточного словозначения не обязательны после первого упоминания, но в этом случае имеем дело с эллипсисом словосочетания. Они вообще не требуются, если ту же роль выполняют ситуация речи и логика контекста, препятствующие актуализации номинативно более «выпяченных» словозначений. В определенных условиях *sausage* будет понято как *sausage balloon*, однако все дело именно в том, что актуализация этого словозначения требует подкрепления, в то время как другое значение «колбаса» актуализируется словом без дополнительных условий.

3) Частотность: более частотные *vs* менее частотные словозначения. Противопоставление словозначений по частотности не требует особых пояснений: частая актуализация, рекуррентность значения в речи усиливают связь десигнатора с данным десигнатом.

4) Мотивированность значения морфологической структурой десигнатора: структурно мотивированные *vs* немотивированные словозначения. Пояснение начнем с примеров. Следующие слова обнаруживают два значения: *arrival* 1) прибытие, 2) тот, кто прибыл; *acquaintance* 1) знакомство; 2) субст. знакомый. Первые и вторые значения статутно неравноценны. Предпочтение отдается первым, поскольку они мотивированы морфологической структурой: суффиксы *-al*, *-ance* образуют отглагольные существительные со значением действия, а не лица, совершающего действие (или связанного с ним). В общем виде: из двух значений слова, десигнатор которого имеет структуру, связанную с достаточно определенной концептуальной областью, предпочтителен статус того, содержание которого входит в эту область (иными словами, согласуется с морфологической структурой, с «внутренней формой» слова).

5) Полнота словообразовательных рядов (парадигм): словозначения с более полными *vs* менее полными словообразовательными рядами. Из двух словозначений одно может иметь более развернутый словообразователь-

ный ряд, в то время как ряд другого словозначения менее полон. Предпочтительнее статус первого словозначения. Ср. address n. 1) адрес; 2) обращение, речь; 3) ловкость, искусство, такт — address v. 1) адресовать, направлять; 2) обращаться (к кому-либо) — addressee 1) адресат; employ 1) занимать работой, использовать чей-либо труд; 2) употреблять, применять, использовать; 3) занимать (себя чем-либо): производные employ n., employability, employer, employee, (un) employment идут по первому значению; beauty 1) красота; 2) красавица. Словообразовательная парадигма: beauty n. — beauty v., beautify — beautician — beautiful, beauteous — относится только к первому словозначению.

Вообще говоря, в статутном плане важна не только полнота словообразовательной парадигмы словозначения, но объем всего словообразовательного гнезда данного словозначения. Важна также суммарная частотность слов такого гнезда. С точки зрения статуса они как бы связаны круговой порукой.

Если имеется слово N^1 с значениями m_1^1 и $'m_2^1$ такими, что $'m_2^1$ — значение переносно-производное от m_1^1 и слово N^2 с значением m_2^2 таким, что m_2^2 — его первичное прямое значение, то N^1 в значении $'m_2^1$ обычно реализует лишь часть словообразовательного ряда (парадигмы), свойственного $N_1 \pm m_1^1$. Кроме того, N^1 в значении $'m_2^1$ имеет обычно более бедную словообразовательную парадигму, чем N^2 . Ср. sun 1) солнце; 2) светило, звезда. Обширная семья производных и сложных слов связана с первым значением. С другой стороны, star (= N^2) в своем прямом значении «звезда, светило» (= m_2^2) образует многие производные и сложные слова. Ср. также fruit 1) плоды (ы), фрукты (ы) 2) плод (ы), результаты. Все производные и сложные слова связаны с первым значением fruit v., fruitage, frutarian, fruited, fruiter, fruiting, fruity; fruit-bud, fruit-cake, fruit-knife, fruit-piece, etc. Исключения составляют fruitful (ly/ness), fruitless (ly/ness) — оба значения и fruition — только второе значение.

Напротив, одинаковая мощность словообразовательных рядов обычно свидетельствует при равенстве прочих

факторов, что и статусы словозначений приблизительно равны. Ср. *adhere* 1) прилипать, приставать, приклеиваться (ряд: *adherent, adhesive — adhesion, adhesiveness*); 2) твердо держаться, придерживаться, быть верным (о принципах, решениях и т. п.) (ряд: *adherent — adherence, adhesion*).

6) Полнота формообразовательных парадигм: словозначения с полной vs неполной парадигмой. Некоторые словозначения используют всю парадигму формоизменения, у других парадигма недостаточна. Предпочтительней статус первых. Ср. *drive* 1) вести, править (о машине, экипаже и т. п.); 2) вести клонить (к чему-либо — *at smth.*) — только в длительных формах; *abuse* 1) плохо обращаться; 2) обманывать — только в страдательной форме; *get* 1) получать; 2) иметь — только в перфектной форме; 3) долженствовать — только в перфектной форме + инфинитив; *number* 1) число; 2) численное превосходство — только в форме мн. ч.; *flower* 1) цветок; 2) цвет, краса, лучшая часть чего-либо (только в ед. ч.).

7) Объем разрешенных синтаксических функций: словозначения без ограничений vs с ограничениями синтаксических функций. Некоторым словозначениям разрешены не все синтаксические функции из полного их перечня, свойственного данному синтаксическому классу. В этом смысле такие словозначения не вполне свободны синтаксически. Ср. *pure* 1) чистый, однородный; 2) явный (*pure mischief, nonsense, waste*); *right* 1) правый, справедливый, верный; 2) такой, какой требуется; *absolute* 1) абсолютный, без ограничений, оговорок, исключений; 2) подлинный, несомненный. Во вторых значениях прилагательные не употребляются предикативно.

8) Круг синтаксических валентностей: словозначения с более широким vs менее широким кругом синтаксических валентностей. Словозначения могут отличаться тем, что набор синтаксических формул сочетаемости, свойственных одному словозначению, составляет лишь часть синтаксических валентностей, разрешенных другому. Предпочтительней статус последнего. В английском языке этот случай наиболее наглядно иллюстрируется обширным классом примеров — сочетаниями *V prep. N*. Для статутно

ограниченных словозначений это — нередко единственная синтаксическая формула (структура, конструкция), в которой они реализуются, в то время как для словозначений с широким статусом она — лишь одна из многих, ср. lead 1) вести; 2) иметь результатом (lead to smth).

В более общем случае предпочтителен статус словозначения с более мощным набором валентностей, независимо от того, включены или не включены валентности одного словозначения в валентности другого, пересекаются они или нет.

9) Объем лексических дистрибуций: словозначения с широкой vs узкой лексической дистрибуцией. Круг лексической сочетаемости (а также обобщенных формул этой сочетаемости — лексической валентности) у одного словозначения может составлять лишь часть другого. Предпочтителен, естественно, статус последнего. В общем случае можно просто сравнивать мощности двух дистрибуций, независимо от того, включены ли они одна в другую или нет, пересекаются они или нет.

Есть два рода правил, определяющих круг нормативной лексической сочетаемости словозначения в синтаксических структурах с подчинительной связью: импликационно-логические и коллокационные языковые. Поясним различие между ними на примере атрибутивных сочетаний «имя вещи + имя признака». Примем, что M — множество классов вещей, с которыми совместим признак P_1 и несовместим признак P_2 ; $N_1, N_2 \dots N_n$ — имена классов в множестве M , A_1 — имя P_1 , A_2 — имя P_2 (т. е. A_1 имеет значение P_1 , а A_2 — значение P_2). Условимся также, что P_1 относится к области слабого (свободного) импликационала имен $N_1 \dots N_n$, а не к их интенционалам, жестким или сильно-вероятностным импликационалам. Что же касается несовместимого признака P_2 , то он принадлежит области неимпликационалов $N_1, N_2 \dots N_n$. Сочетая N_i и A_2 подчинительной связью, получаем в любом случае сочетание, логически не нормативное. Напротив, любое сочетание N_i и A_1 с подчинительной связью между ними логически нормативно.

Однако импликационно-логической нормативности недостаточно, чтобы разрешить сочетание двух лексем в естественном языке. Объединение их подчинительной

связью должно еще удовлетворять собственно языковым правилам лексической сочетаемости (лексемотактики), которые можно назвать вслед за О. С. Ахмановой¹ коллокационными, или — приняв широкое понимание термина (ср. М. М. Копыленко, З. Д. Попова [45]) — фразеологическими. В этом случае на сочетаемость лексем накладываются ограничения, дополнительные к импликационально-логическим. Ограничения эти не связаны с логикой сочетания концептов, они мотивированы устройством языка и его историей, сложившимися в нем системами корреляций между десигнаторами и десигнатами и отстоявшейся традицией употребления. Если таких дополнительных ограничений нет, то словозначение имеет полномощную сочетаемость и о нем говорят, что оно фразеологически свободно. Если, напротив, в норме выявляются коллокационные запреты, не мотивированные импликационалом словозначения, то его сочетаемость неполномощна и о нем говорят как о фразеологически связанном.

Очевидно, что при сравнении статусов словозначений важно оценивать их не только по мощности их лексических дистрибуций, но и по признаку полномощности vs неполномощности их лексической сочетаемости. В первом случае словозначение полностью реализует свой ономаσιологический потенциал: имя способно назвать любой денотат из числа тех, для которых характерен признак, составляющий содержание словозначения. Во втором случае этот потенциал не может быть реализован полностью: имя называет меньше, чем могло бы, судя по значению. Это и составляет реальный смысл противопоставления свободных значений фразеологически связанным, указанного В. В. Виноградовым [21].

Для иллюстрации обратимся к словам с конверсивной энантиосемией, т. е. совмещающим в своих семантических структурах полярные конверсивные значения (см. § 2.3.4 этого раздела). Полярные конверсивные значения прилагательных различаются коллокационными ограничениями.² Атрибутивное сочетание прилагатель-

¹ См. О. С. Ахманова и др., Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации, МГУ, М., 1969.

² Напротив, конверсивная энантиосемия глаголов снимается прежде всего коллигационными (морфо-синтаксическими) различиями, ср. the man smells of the beer — the man smells (at) the beer.

ных с существительными представляет собой одну синтаксическую структуру, и семантические различия внутри нее связаны с семантикой сочетающихся слов. При этом если денотат существительного может обнаруживать оба полярных конверсивных признака P_+ и P_- (разумеется, в отношении к разным вещам), то прилагательное, отражающее в своей семантической структуре и P_+ и P_- в сочетаниях с таким существительным нормативно используется только в одном из полярных значений, а именно, в том, которое является его главным (основным) статутно преобладающим значением. Это значение прилагательного полномерно (свободно) в указанном выше смысле: прилагательное в этом значении может сочетаться с любым существительным, денотат которого способен обнаружить данный признак.

То же прилагательное в полярном конверсивном значении употребляется лишь с существительным, денотаты которых способны обнаруживать лишь этот конверсивный признак, но не противоположный. Более того, в этом втором значении прилагательное, как правило, несвободно в сочетаемости и не исчерпывает всего круга классов денотатов, с которыми такой признак совместим; это его значение вторично, фразеологически связано, объем сочетаемостей узок и ограничен установившейся традицией, семантическая модель не реализуется на полную мощность, это значение с неполномощной коллокацией.

Ср. «sad/«печальный» 1) опечаленный, 2) печальный, наводящий печаль. «Sad/«печальный» — 1 сочетается с именами классов людей и полностью исчерпывает множество способных обнаружить этот признак (основное значение с полномощной коллокацией). С теми же именами это прилагательное не употребляется во втором значении «наводящий печаль», хотя этот признак совместим с денотатами этих классов. «Sad/ «печальный» — 2 сочетается с именами классов неодушевленных вещей, неспособных принимать признак «опечаленный» («news, result, event, lesson» и т. п.), но не охватывает полностью соответствующее множество: коллокация неполномощна, ее границы нечетки и определяются традицией, значение связано фразеологически. Сочетание «sad/«печальный» — 2 с конкретными неодушевленными существительными ощущаются как ненормативные, но это же справед-

ливо относительно многих существительных других лексико-грамматических разрядов. Ср.

So she wistfully, sensitively sniffs the air
And then turns, goes off in slow sad leaps.

D. H. Lawrence, Kangaroo.

Нарушение импликационально-логической нормы порождает бессмысленные сочетания. В осмысленных сообщениях оно — лишь видимость и сигнализирует необходимость переосмыслить значения каких-то имен. Реально в осмысленных сообщениях нарушается не импликационально-логическая норма сочетания смыслов, а ономазиологическая норма, норма обозначения (именования, названия): какие-то имена следует понимать не в их первичных прямых, а вторичных переносных значениях. Возникающие при этом выразительные эффекты, основанные на ненормативной сочетаемости лексем, широко используются в поэтической (художественной, образной) речи и будут рассмотрены в II части.

Здесь же достаточно указать, что для тропического осмысления слова не обязательно нарушать ономазиологическую норму, но бывает достаточно отклониться от коллокационной нормы. Так, прилагательное в значении одного из полярных конверсивных признаков осознается как фигура речи в двух случаях: 1) это значение вовсе не представлено в семантической структуре слова, т. е. в его узусе, 2) значение это представлено в узусе слова, но с коллокационными ограничениями, которые в сочетании нарушены. В обоих случаях возникает фигура речи, которую следует отнести к метонимическим эпитетам, так как в основе именования лежит своеобразная «ассоциация по смежности» — импликация взаимодополнительных полярных признаков. Ср. эпитет *sad* в приведенном выше примере: троп основывается только на расширении коллокационной нормы прилагательного, так как значение «наводящий печаль» представлено в его семантической структуре.

Продолжим рассмотрение факторов, определяющих языковой статус словозначений.

10) Логические ограничения сочетаемости в результате взаимодействия словозначений: словозначения ограничивающие

ус ограничиваемые. Если слово имеет значения с гипогиперонимической связью, то возможен такой случай, когда словозначение-гипоним накладывает логические ограничения на лексическую сочетаемость словозначения-гиперонима, запрещая те сочетания, которые ложны или логически не корректны для словозначения-гипонима. В таком случае явно предпочтителен статус гипонимического словозначения. Например, тап обнаруживает значения 1) «мужчина», 2) «человек». В силу воздействия первого значения словозначению тап «человек» запрещены сочетания, вроде *A woman is a тап или *Here is Mrs. Smith, the тап we spoke about. Употребление тап —2 ограничено общей соотнесенностью (высказываниями общего смысла о классах типа Man is mortal).

Ограничения этого рода возможны и при импликационной связи словозначений «часть — целое». Значение части может быть настолько более ярким в семантике слова, что запрещает сочетания того же слова, в значении целого, если эти сочетания ложны или не корректны относительно первого словозначения. Ср. в русском языке: *день* 1) светлая часть суток; 2) сутки. Не вполне корректно выражение «*день* (m_2) — это *сутки*», поскольку оно алогично относительно «*день*» (m_1). Однако выражения с «*день*» (m_1): «*день — это часть суток*», «*день, ночь — сутки прочь*» и т. п. — представляются вполне корректными. Разрешены те выражения с «*день*»—2, которые справедливы и для «*день*»—1: «*прошли еще три дня*». Такое неравенство в статусе «*день*»₁ и «*день*»₂ связано с тем, что русский язык располагает еще словом «*сутки*». Последнему нет vis-a-vis в английском и day₁ «светлая часть суток» — day₂ «сутки» имеют приблизительно равный статус.

Это простейший случай ограничения лексической сочетаемости в результате взаимодействия значений одного слова. Предстоит еще исследовать весь круг зависимостей между разрешенной сочетаемостью словозначения, его содержательными связями с другими словозначениями и его статусом в семантической структуре слова и системе номинативных средств языка. Круг этих зависимостей, по-видимому, шире, чем здесь намечено. Проблема имеет также генетический аспект: несомненно, что возможная двусмысленность и алогичность сочетаний сдерживают семантическое развитие слова, ограничива-

ют полноту использования словоизменительных, словообразовательных и словосочетательных парадигм, и, как минимум, ограничивают круг разрешенной лексической сочетаемости словозначения.

11) Набор десигнаторных вариантов словозначения: словозначения с десигнаторными вариантами *vs* без вариантов *q.v.* В одних значениях слово не имеет десигнаторных вариантов (обычный случай), в других — располагает ими (редкий, но возможный случай). Ср. *Scotch* 1) шотландский (варианты: *Scots*, *Scottish*); 2) пуританский, суровый; 3) скупой, прижимистый. Варианты — аббревиатуры имеются обычно у статутно «видных» словозначений и отсутствуют у второстепенных: *professor* насчитывает 7 значений, но только в двух сокращается до *prof* 1) профессор; 2) учитель.

Этот признак мало существенен, но при равенстве прочих факторов предпочтительней статус словозначения, имеющего десигнаторные варианты. Ср. также русск. «елка» 1) вид дерева (вариант: *ель*); 2) новогодний праздник с ёлкой — 1.

Последние два фактора касаются только существительных.

12) Употребление в функциях репрезентации и дефиниции: словозначения, для которых характерны обе функции, *vs* словозначения, которым более свойственна одна дефинитивная функция. Переносным метафорическим словозначениям не столь свойственна репрезентация денотата, сколь его описание. Это было замечено В. В. Виноградовым [21], который, впрочем, несколько узко квалифицировал это явление, сводя его к синтаксической функции предикатива. Фактически же следует говорить о преобладании семиотической дефинитивной функции. Имя в этой функции может выступать не только как предикатив, но как приложение, определение и сравнение. Более того, в определенных условиях имя несет только дефинитивную функцию независимо от того, какова его синтаксическая функция. Таковы, например, первые имена в выражениях, вроде «*the snake of a tail/флейты водосточных труб*».

Более предпочтителен статус словозначения, не ограничиваемого в семиотических функциях. Это одна из

причин, почему переносные метафорические значения вторичны сравнительно с прямыми. Как количественно выражено ограничение семиотических функций? Было бы ошибкой сводить дело к абсолютному численному преобладанию одной функции над другой. Очевидно, тут действуют относительные показатели: надо вычислить распределение словозначений в текстах по двум функциям и затем сравнить показатели переносного значения с соответствующими показателями того же слова в прямом значении и показателями другой единицы, для которой переносное значение первого слова является ее прямым значением, ср. ass 1) осел, вид животного; 2) осел, дурак — fool, toad 2) жаба, вид земноводного; 2) жаба, мерзкий человек — scoundrel, rascal, vile man.

«Репрезентативная недостаточность» переносных словозначений, их «дефинитивная специализация» наглядно проявляются при первичном именовании денотатов в сообщениях, особенно при введении в речь денотатов, не мотивированных контекстом и ситуацией речи.

13) Употребление в частной и общей соотнесенности: словозначения, которым одинаково свойственна и частная, и общая соотнесенность, vs словозначения, которым менее свойственна общая соотнесенность. Наричательное существительное в высказывании может репрезентировать или класс (общая соотнесенность существительного) или индивидуальных представителей класса (частная соотнесенность). Переносным словозначениям нарицательных имен не свойственно употребление в общей соотнесенности. Репрезентация класса в высказываниях общего смысла для них не нормативна. Ср. sheep 1) овца, баран (sheep, feed on grass); 2) робкий, застенчивый человек (ненормативно: sheep₂ are easily embarrassed). В силу ненормативности использование переносных словозначений в общей соотнесенности создает дополнительный выразительный эффект (например, комический, как в приведенном примере).

Таковы соотносительные собственно языковые (vs содержательные) признаки, определяющие в совокупности статус словозначения в семантической структуре слова и системе номинативных средств языка. Нами, по-видимому, отмечены лишь главные из них. Представ-

ляется перспективным дальнейшее исследование с целью расширить и уточнить перечень признаков языкового статуса словозначений, установить их взаимозависимости (эквивалентности), а также установить, что в них универсально, а что носит частный характер и зависит от особенностей строя конкретных языков и, более того, от особенностей отдельных разрядов слов. Исследования такого рода проливают свет на то, как устроена семантическая структура слов, и как организована система номинативных средств языка. Наконец, они имеют тесное отношение к уяснению психолингвистических механизмов порождения речи (выбор слова) и ее понимания (осмысление слова).

3.3.1. Нетрудно видеть, что статутные признаки словозначения прямо связаны с проблемой выявления главных (основных) и второстепенных значений в семантике слова, а точнее — с проблемой соотносительной ранжировки значений одного слова. Десигнатор многозначного слова связан с несколькими десигнатами (концептами). Эти связи могут быть равноценными или неравноценными относительно их предпочтительности. Вопрос еще не исследован должным образом, но имеющиеся исследования заставляют предполагать, что преобладает второй случай, т. е. одному словозначению обычно отдается предпочтение перед другими в равных условиях актуализации, в отсутствие речевой установки. Для обеспечения равенства этих условий, для снятия эффекта речевой установки необходимо в эксперименте предъявлять слова вне всякой контекстуальной и ситуационной обусловленности. При этом, как правило, обнаруживается достаточное единообразие и стабильность результатов эксперимента у разных информантов. Хотя и возможны отклонения в зависимости от пола, возраста, профессии информантов и других факторов (см. В. В. Левицкий [47]), с очевидностью обнаруживается, что при достаточной лингвистической однородности информантов (т. е. при достаточной тождественности языковой системы их идиолектов) все они отдают предпочтение одним и тем же словозначениям. Такие словозначения принято называть главными, или основными.

Различие главного и второстепенных значений состоит в степени актуализации связи десигнатора и десигна-

та в условиях равной речевой мотивированности (точнее, в отсутствие речевой мотивации, при снятой речевой установке). Что определяет уровень этой актуализации, степень предпочтения одного десигната другому? Очевидно, они определяются по сумме статутных признаков словозначения. Для нас должно быть ясно, что градуирование значений многозначного слова по главенству — это суммарное, итоговое выражение статуса словозначений. Основанием разграничения главного и второстепенных значений является различие в их языковом статусе, в наборах определяющих этот статус признаков.

3.3.2. Выше были рассмотрены собственно языковые (не содержательные) основания статутных признаков. К ним следует добавить еще два противопоставления: словозначения конкретные *vs* абстрактные и словозначения с большим *vs* меньшим числом содержательных связей в семантической структуре слова. Это уже оппозиции содержательного плана. Первая опирается на фундаментальную особенность сознания: абстрактные концепты возникают на базе конкретных в результате отвлечения признаков или обобщения по признакам (см. Горский Д. П. [27]). Будучи исходной, идея конкретного отработана в сознании с большей четкостью и яркостью. При равных условиях конкретное значение с большей силой «навязывается» слову, с большей легкостью всплывает в памяти. Поскольку проблема главного и второстепенных значений — это проблема преимущественного «права на десигнатор», то признак конкретности — абстрактности оказывается существенным для соотносительной характеристики словозначений.

Второе противопоставление основывается на числе содержательных связей словозначений в семантической структуре слова. Иные значения имеют семантические части, общие с большим числом других значений того же слова, а иные — с меньшим. Первые занимают центральную позицию в семантике слова, вторые — периферийны. Это хорошо видно на графах семантической структуры слов, см. § 2.5.2. этого раздела, например, у слова *гтееп* центральны значения 1, 8 (6 связей) и периферийны 2, 3 (1 связь), 4 (2 связи) и др. Можно полагать, что этот признак также сказывается на соотноси-

тельной оценке словозначений. Чем больше семантических связей, тем актуальнее связь десигнатора с таким десигнатом: актуализация многих периферийных значений слова всегда сопряжена с актуализацией понятий — частей одного и того же десигната.

3.3.3. Имеются, таким образом, следующие основания соотносительной характеристики словозначений: 1) способ номинации; 2) референционная достаточность; 3) частотность; 4) мотивированность морфологической структурой десигнатора (соответствие «внутренней форме» десигнатора); 5) полнота словообразовательных рядов (парадигм), объем словообразовательных гнезд, суммарная частотность слов словообразовательного гнезда; 6) полнота формообразовательных парадигм; 7) объем разрешенных синтаксических функций; 8) круг синтаксических валентностей; 9) объем и полнота лексической сочетаемости; 10) логические ограничения сочетаемости в результате взаимодействия словозначений; 12) употребление в семиотических функциях репрезентации и дефиниции денотата; 13) употребление в частной и общей соотнесенности; 14) степень конкретности — абстрактности словозначений; 15) число содержательных связей в семантической структуре слова.

По каждому основанию словозначение может получить положительную или отрицательную оценку, а именно: 1) прямое *vs* переносное; 2) референционно достаточное *vs* недостаточное; 3) более частотное *vs* менее частотное; 4) мотивированное структурой десигнатора *vs* немотивированное; 5) имеющее более полный *vs* менее полный словообразовательный ряд (парадигму), большее *vs* меньшее словообразовательное гнездо, большую *vs* меньшую суммарную частотность слов такого гнезда; 6) имеющее полную *vs* недостаточную парадигму формообразования; 7) не ограниченное *vs* ограниченное в репертуаре синтаксических функций; 8) имеющее более широкий *vs* менее широкий круг синтаксических валентностей; 9) имеющее более широкую *vs* менее широкую лексическую дистрибуцию, полномощную *vs* неполномощную лексическую сочетаемость; 10) ограничивающее лексическую сочетаемость другого словозначения *vs* ограничиваемое в сочетаемости; 11) имеющее десигнаторные варианты *vs* не имеющее их; 12) не ограничиваемое *vs* ограничиваемое в функции репрезентации единичного

и 13) класса; 14) конкретное vs абстрактное; 15) центральные vs периферийные в содержательной структуре слова.

Соотносительный статус словозначения определяется всей совокупностью признаков. Если два словозначения при равенстве прочих признаков отличаются по одному основанию, то главным является то словозначение, у которого соответствующий признак положителен, а второстепенным — то, у которого этот признак отрицателен. Практически, однако, приходится иметь дело с гораздо более сложной картиной: статутные признаки сравниваемых словозначений не равны по нескольким основаниям, и совокупность содержит как положительные (левые), так и отрицательные (правые) признаки. В подобных случаях словозначения оцениваются, очевидно, по суммарным соотношениям положительных и отрицательных признаков. Одному словозначению отдают предпочтение перед другими, и оно ощущается в языковой интуиции («чувстве, чутье языка») как главное, как значение десигнатора *par excellence*, если, сравнительно с другими словозначениями, совокупность его статутных признаков обнаруживает заметный суммарный перевес положительных признаков.

3.3.4. Статутные признаки неравноценны для ранжировки словозначений. Можно полагать, что определяющими являются а) способ номинаций, б) референционная самодостаточность, в) частотность, г) словообразовательные связи (основание 5 в перечне), д) синтагматические лексические связи (основание 9) и е) конкретность — абстрактность значения. Остальные признаки «срабатывают» во вторую очередь, когда определяющие признаки вступают в конфликт и не отдают явного предпочтения какому-то одному словозначению в общей «очереди на десигнатор».¹

3.3.5. Поясним примерами предлагаемую методику выявления ранжировки словозначений. На схеме (стр. 89) буквы в левом вертикальном ряду обозначают основания в перечисленном выше порядке, в горизонтальном ряду указаны следующие слова и значения: deer 1) глубокий,

¹ В строгом смысле это утверждение — не более чем достаточно вероятная гипотеза. Реальная иерархия оснований, их действительная ценность и зависимости должны быть уточнены в эксперименте.

не мелкий; 2) глубокий, серьезный, основательный; *extinguish* 1) гасить (огонь, свечу и т. п.); 2) гасить, подавлять (чувства, надежду); *fire* 1) огонь, пламя; 2) огонь, стрельба; *grunt* 1) хрюкать; 2) ворчать; *heat* 1) жара, зной; 2) жар, пыл, горячность; *heaven* 1) небо, небесный свод; 2) небеса, царство небесное; *hunger* 1) голод, голодание; 2) потребность; *install* 1) официально вводить в должность; 2) устанавливать, монтировать. Знак + указывает на положительный (левый) признак, — отмечает отрицательный (правый) признак, X означает приблизительное равенство словозначений по данному основанию, () указывают на несущественное преобладание по данному признаку.

Учтены словообразовательные связи: *deep*, *deep n.*, *deep adv.*, *depth*, *deepen*, *deeping*, *deeply*, *deepest*, *deepness*, а также сложные слова (в целом незначительное преобладание по линии *deep*₁); *extinguish*, *extinguishable*, *extinguished*, *extinguisher*, *extinguishment* (преобладание по линии *extinguish*₁); *fire*, *fire v.*, *fired*, *fireless*, *firer*, *firing* (оба значения равноценны) и сложные слова (определенное преобладание по линии *fire*₁); *grunt n.*, *grunter*, *grunting n.*, *adj.*, *gruntingly*, *gruntle*, *grunting* (оба значения равноценны); *heat*, *heat v.*, *heated*, *heatedly*, *heater*, *heating n.*, *adj.* и сложные слова (идут по *heat*₁); *heaven*, *heavenlike* *heavenly adj.*, *adv.*, *heavenward (s)* и сложные слова (преобладает линия *heaven*₂); *hunger*, *hunger v.*, *hungered*, *hungry*, *hungrily* и сложные слова (некоторое преобладание по линии *hunger*₁); *install*, *installation*, *instal(l)ment* (оба значения приблизительно равноценны).

Из таблицы видно, что по совокупности признаков выявляются как главные в словах *deep*, *extinguish*, *heat*, *hunger* — первые значения, в словах *heaven*, *install* — вторые. Напротив, в *fire* и *grunt* нет оснований полагать какое-либо из двух значений главным, статутно они приблизительно равноценны.

Указанная методика имеет смысл не столько в целях выявления главного и второстепенного значений — это может быть сделано в ассоциативном эксперименте, — сколько для интерпретации данных, получаемых в ассоциативных экспериментах, а именно, для выяснения причин, на основании которых одному значению отдается предпочтение перед другими. Выясняется, таким обра-

	deep	extinguish	fire	grunt	heat	heaven	hunger	install
	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2	1 2
а	+ -	+ -	× ×	+ -	+ -	+ -	+ -	× ×
б	× ×	× ×	× ×	× ×	× ×	× ×	+ -	- +
в	× ×	× ×	× ×	× ×	(+) (-)	- +	+ -	- +
г	(+) (-)	+ -	(+) (-)	× ×	+ -	- +	(+) (-)	× ×
д	× ×	× ×		- +	+ -	× ×	- +	- +
е	+ -	+ -	× ×	× ×	+ -	× ×	(+) (-)	- +

зом, то, что лежит в основе «чувства языка» применительно к семантическим структурам слов.

Если справедливо, что статус словозначения оценивается по сумме признаков, не по одному, а одновременно по нескольким основаниям, то вполне естественным оказывается то реально наблюдаемое положение, что в семантических структурах разных слов степень предпочтительности словозначений и яркость выявления главного значения варьирует в широком диапазоне: от явного преобладания одного значения над другим до полного равенства словозначений, когда ни тому, ни другому нельзя отдать заметного предпочтения. И при наличии главного значения, оно выявляется всякий раз с различной яркостью, равно как различна и «затененность» неглавных значений. Так, приняв следующие оценки: $+/- = +2/-2$, $(+)/(-) = +1/-1$, $x=0$, — получим следующую градацию яркости главных значений: $heat_1$ (9) — $install_2$ (8) — $extinguish_1$ (6) — $hunger_1$ (6) — $deep_1$ (5) — $heaven_2$ (2).

Методика в изложенном виде позволяет построить иерархию предпочтительностей словозначений лишь посредством попарного их сопоставления. Если бы мы захотели одновременно градуировать все словозначения многозначного слова по их «главенству» при данном десигнаторе, то для этого потребовались бы количественные оценки признаков по каждому основанию и знание пороговых величин, т. е. диапазонов количественного изменения, за пределами которого количественное изменение становится релевантным и «ощущается». Это чрезвычайно сложная и трудоемкая задача, и вряд ли она может быть выполнена в полном объеме, по крайней мере, в настоящее время. Дело в том, что уже в изложенном виде методика сопоставительных оценок статутных признаков словозначений наталкивается на ряд трудностей. Трудности эти состоят в том, что 1) не вполне уяснены понятия конкретного и абстрактного значений и не известны критерии степени конкретности — абстрактности значений и тем более неизвестна какая-либо методика количественной оценки словозначений по этому основанию; 2) не вполне уяснены понятия прямого и переносного значений и не известна убедительная методика установления такого соотношения между словозначениями и тем более количественного определения степени зависимости переносного значения от прямого; 3) отсутствуют достаточные данные о частотности словозначений, тем более что в идеальном случае следовало бы учитывать не просто частотность словозначения, а суммарную частотность всех словоформ, однокорневых производных и сложных слов, а также словосочетаний связанных с рассматриваемым словозначением; 4) не всегда ясны границы разрешенной и запрещенной сочетаемости, объемы лексической и синтаксической валентности и даже объемы словообразовательных рядов; более того, не всегда можно с уверенностью сказать, разрешены или запрещены те или иные словоформы в парадигме словозначения; к тому же все эти вопросы еще не обследованы и не изучены с достаточной полнотой; 5) зачастую сложно установить степень референционной самодостаточности словозначения, т. е. определить, насколько императивна потребность в вербальных уточнителях для десигнатора в данном значении.

И, наконец, следует указать на главную трудность — сложность демаркации полисемии, так что иногда приходится сопоставлять словозначения без должной убежденности в том, что сравниваешь то, что нужно.

Эти трудности, однако, не отменяют реальности всех отмеченных категорий и понятий. Они существуют объективно и определяют реальные различия в психолингвистическом и собственно языковом статусе словозначений. Приближенные оценки, согласующиеся с данными эксперимента, например, ассоциативного, могут быть достаточными и показательными для соотносительной оценки словозначений по их статусу в семантической структуре слова и в системе номинативных средств языка.

ЧАСТЬ II

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

(начало лекции 7)

РАЗДЕЛ I

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая часть курса посвящена области семасиологии, еще не получившей общепризнанного наименования. Речь идет о взаимодействии лексических значений слов в словосочетаниях, о закономерностях «сложения смыслов» отдельных полнозначных слов (имен), объединяющихся в сложные номинативные единицы, о соотношениях между значениями имен-компонентов и значением целого сочетания.

Отсутствие общепринятого обозначения показательное: в лингвистике до сих пор нет достаточно разработанной теории, соответствующей этой предметной области. Хотя задача разработки теории «сложения смыслов» и общее направление этой разработки были достаточно четко сформулированы Л. В. Щербой еще в 1931 г. [84], попытки этого рода были предприняты только в прошлом десятилетии. На это есть несколько причин и прежде всего недостаточность лингвистических представлений о значении, его типологии и структуре, с одной стороны, и недостаточная разработанность синтаксической теории, с другой.

Наша задача состоит в исследовании основных закономерностей взаимодействия лексических значений слов

в словосочетаниях на английском материале (для сравнения приводятся также аналогичные русские примеры). Соответствующий раздел семасиологии будем называть комбинаторной семасиологией, а предметную область обозначим, вслед за У. Вайнрайхом [109], как «комбинаторную семантику». Говоря о самом взаимодействии лексических значений, будем также пользоваться термином «семантическая комбинаторика» (иногда, для краткости, просто «комбинаторика»). Таким образом, термин «комбинаторная семантика» описывает результат действия комбинаторно-семантических правил, а «семантическая комбинаторика» — само их действие.

Взаимодействующие лексические значения не исчерпывают, а составляют лишь часть общей семантики словосочетания, в которую, помимо этого, входят также грамматические значения и, в частности, синтаксические значения. Совокупная семантика словосочетания является предметом синтаксической семасиологии. Соответственно комбинаторная семасиология есть раздел синтаксической семасиологии, рассматривающий один из аспектов совокупной семантики словосочетаний, а именно, взаимодействие лексических значений, входящих в сочетание слов.

Нами исследуется преимущественно семантическая комбинаторика в бинарных подчинительных свободных словосочетаниях, но при необходимости учитываются также и семантические связи слов в более широких окружениях (в синтаксических структурах большей сложности). Этого в принципе достаточно для выявления самых общих закономерностей комбинаторики. Под словосочетанием понимается сочетание знаменательных (полнозначных) слов. Оно, понятно, может включать и служебные слова, но не на правах компонента того же уровня, что знаменательные слова. Иногда — в основном по стилистическим соображениям — говорится не «словосочетание», а «сочетание», «сложное выражение», хотя два последних термина имеют, вообще говоря, более общий смысл: всякое синтагматическое соединение значимых единиц любого уровня есть сочетание, и всякое синтаксическое соединение слов есть сложное выражение.

Помимо комбинаторной и синтаксической семасиоло-

гии, есть еще одна дисциплина, также имеющая своим предметом словосочетание. Речь идет о фразеологии (в широком понимании термина), или лексемотактике.¹ Каждая из трех дисциплин занимается своим аспектом словосочетания. Первые две заняты значением, т.е. рассматривают словосочетание со стороны означаемого. Поскольку означаемое словосочетания обнаруживает структуру, в которой выявляются, с одной стороны, сочетающиеся лексические значения, а с другой — соединяющее их синтаксическое значение, то это побуждает разграничить предметы комбинаторной (комбинаторно-лексической) и синтаксической семасиологии. Фразеология, или лексемотактика рассматривает словосочетание со стороны означающего, т.е. обращена к сочетанию не лексических значений, а их десигнаторов — лексем. Предмет лексемотактики составляют не содержательно-языковые, а формально-языковые правила сочетаемости слов, проявляющиеся в виде собственно языковых норм и ограничений, не мотивированных импликационалом слова.

РАЗДЕЛ 2

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОМБИНАТОРНОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

(лекции 7—9)

§ 1. Субстантивные и атрибутивные (признаковые) слова.

§ 2. Синтаксические предпосылки комбинаторной семасиологии: 2.1. Синтаксические связи и синтаксические

¹ Фразеология в узком смысле термина ограничивает свой предмет специальными типами словосочетаний: идиоматическими, устойчивыми и т. п. Фразеология в широком понимании включает в свой предмет любого рода сочетания, исследуя их с точки зрения сочетаемости лексем (а не лексических или синтаксических значений). Ср. М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Очерки по общей фразеологии, Воронеж, 1972; М. М. Копыленко. Сочетаемость лексем в русском языке, М., 1973.

Чтобы избежать смешения узкого и широкого смыслов термина, можно во втором смысле говорить о лексемотактике. Этот термин используют, например, Т. В. Булыгина и Г. А. Климов в разделе «Уровни языковой структуры» коллективной монографии «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», М., 1972.

отношения. 2.2. Отношения и мета-отношения. 2.4. Логико-синтаксические отношения (мета-отношения). Отношение экспликации и его аргументы: экспликандум и экспликант. Экспликационные сочетания. 2.5. Синтаксические ранги: формально-синтаксические и семантико-синтаксические. 2.6. Атрибутивная, комплетивная и аппозитивная синтаксические связи. 2.7. Содержательная тождественность (трансформируемость) сложных выражений на семантическом уровне. 2. Коммуникативно-синтаксический уровень и коммуникативно-синтаксические отношения. 2.9. Неравнозначность трансформ на коммуникативно-синтаксическом уровне.

§ 3. Подчинительные сочетания с лексической элизией имени отношения (элизионные): 3.1. В каких случаях два сочетания семантически не тождественны. 3.2. Вектор синтаксической зависимости и семантика сочетаний. 3.3. Сочетания с элизией имени отношения (элизионные). 3.4. Виды элизионных сочетаний. 3.5. *Resumé* к § 4.

§ 4. *Resumé* к разделу 2.

§ 1. Слова в естественных языках распределены по частям речи. В основе этого распределения лежит синтаксическая специализация слов, т. е. стремление к формальному различению разрядов слов соответственно синтаксическим функциям.

В системе частей речи естественных языков синтаксический *principium divisionis* не реализуется последовательно, а дополнительно осложняется семантическим принципом, т. е. стремлением к формальному различению разрядов слов в соответствии с общими семантическими категориями. Более того, естественным языкам свойственно нарушать одно-однозначное соотношение между формой и синтаксической функцией, равно как и между формой десигнаторов и их семантикой, так что формальный критерий приобретает самостоятельное значение и обособляется в независимый показатель различения частей речи наряду с синтаксическими и семантическими признаками слов.

При всем своеобразии и непоследовательности частеречных систем естественных языков в них достаточно ясно проглядывает фундаментальное различие двух категорий полнозначных слов: имен вещей (имен аргументов) и имен их свойств и отношений

(имен предикатов, имен признаков). Это различие совершенно необходимо для строя любого языка. Его следует считать первичным синтаксическим и семантическим различием. К первой категории — имен вещей — относятся такие разряды полнозначных слов в естественных языках, как существительные, субстантивированные прилагательные и другие разряды субстантивированных слов, субстантивные местоимения, количественные числительные, инфинитивы, герундии и т. п. Их нередко объединяют общим названием субстантивных слов. К второй категории — имен признаков относятся адъективные слова (прилагательные, адъективные местоимения, порядковые числительные, причастия и т. п.), глагольные слова (личные глаголы, причастия в обстоятельственной функции, деепричастия и т. п.) и адverbиальные, или наречные слова как имена признаков, признаков (наречия, деепричастия и т. п.). Их можно объединить общим названием атрибутивных, или признаковых (призначных) слов¹.

Итак, естественные языки дают достаточный повод для различения в их строе двух категорий полнозначных слов — имен вещей и имен признаков. Вещность и признаковость оказываются фундаментальными категориями, лежащими в основании синтаксиса и семантики. Функциональное и семантическое различие в этом случае подкрепляется структурным и формальным разграничением двух категорий имен.

Однако было бы ошибкой ожидать, что денотатом субстантивных (вещных) слов всегда является некая вещь, а денотатом атрибутивных (призначных) слов — некий признак. Стоит только покинуть почву собственно синтаксического и семантического критериев и начать руководствоваться формальными показателями, как нас поджидает обычная для естественных языков картина: форма и содержание находятся в много-многозначном отношении. Верно, что денотатом субстантивных слов обычно выступает вещь, а денотатом атрибутивных слов —

¹ Сходным образом слова подразделялись уже Г. Паулем, А. А. Потебней и Б. Дельбрюком. Ср. также деление слов на имена и не-имена у Дж. Лайонза [103] и С. Д. Кацнельсона [43].

Следует, однако, заметить, что в каждом случае основания деления слов на подобные группировки несколько отличны, равно как и получающиеся в результате группировки.

признак. Но верно и то, что иногда денотатом субстантивного слова (или, по меньшей мере, некоторых грамматических форм субстантивного слова) может быть признак (свойство или отношение), а денотатом атрибутивного слова — вещь (аргумент). Таким образом, здесь лишний раз подтверждается справедливость известных идей: С. Карцевского — об асимметричном дуализме языкового знака и Е. Куриловича — о первичных и вторичных функциях языковых форм как принципиальных (сущностных) особенностях строения естественного языка. В самом деле, вещьность — первичная содержательная функция субстантивных слов и возможное вторичное содержание атрибутивных слов, а признаковость — первичное содержание категории атрибутивных слов и возможная вторичная содержательная функция субстантивных слов.

Поясним сказанное. Вещь была определена выше как нечто, чему могут быть приписаны признаки (свойства и/или отношения). Соответственно на содержательном основании имя вещи — это такое имя, денотату которого могут быть атрибутированы свойства и/или отношения. В свою очередь, признаки — это все то, что может быть приписано вещам¹. Соответственно на содержательном основании имя признака — это такое имя, денотат которого чему-то атрибутирован как свойство или отношение.

Однако то, что мы называем именем, на поверку оказывается конструктором, образованным абстракцией отождествления нескольких словоформ. Конкретные словоформы обобщаются по тождеству лексического значения и соответствующего ему десигнатора. Отождествляя их как одно и то же слово, мы отвлекаемся от свойственных им различий в грамматических значениях и соответствующих им формальных показателях. Когда одно слово квалифицируется как субстантивное, а другое — как признаковое, то это часто связано с оценкой присущих словоформам этих слов функций и значений: одни значения, функции словоформы оцениваются как первичные, существенные, показательные для данного слова,

¹ Нетрудно видеть, что понятия вещи и признака определяются взаимно одно через другое. См. об этом А. И. Уемов [77, стр. 51—53].

а другие — как вторичные, непоказательные в общем распределении значений и функций между частями речи. К примеру, слово *rat* «крыса» можно с полным правом квалифицировать как субстантивное, несмотря на то, что некоторые словоформы, входящие в его парадигму, вполне допускают «признаковое употребление», ср. *the paper-seeming boy with rat's eyes* (St. Spender). Ср. также следующие русские примеры: «*на нем было платье разбойника*» = «*он вырядился разбойником*». (Заметим, что те же формы род. и тв. падежей могут выражать и собственно субстанциональные значения, как в «*на нем было платье разбойника*» = «*на нем было платье, одолженное разбойником*»). Вещность для данного слова — первичное значение и первичная функция, а признаковость — его вторичные значение и функция.

Равным образом и признаковые слова могут употребляться во вторичных для них субстанциональных значениях. В подобных случаях признаковое слово отнюдь не называет признак (свойство или отношение) денотата главного слова, оно называет вещь, отношение к которой составляет признак денотата главного слова. Так, в выражениях *fatherless child*, *black-stockinged girl*, *provincial newspapers*, *urban life*, *British colonies*, *Atlantic liner*¹ и т. п. прилагательные называют не признаки, а вещи, отношение к которым характеризует вещи — денотаты главных слов. Сами же признаки — отношения при этом не обозначены, они содержатся имплицитно. Аналогичные русские примеры: «*материнское поле*» (но ср. «*материнская любовь*»), «*отцов пиджак*» (но ср. «*отцовское чувство*»), «*заводской клуб*, *мать солдатская*» и т. п.

Заметим, что подлежащность, т. е. способность словоформы представлять свой денотат в качестве аргумента грамматического предиката, является несомненным признаком субстантивного слова (это, разумеется, не распространяется на автономное употребление имен, как, например, в предложениях «*Dresses*» contains two syllables/«*Платье*» содержит два слога»²).

¹ Здесь и далее определители английских существительных (артикли, притяжательные или указательные местоимения) часто опускаются в типовых примерах, иллюстрирующих синтаксические отношения и связи в словосочетаниях.

² Как и ранее, косая черта указывает, что английские и русские примеры аналогичны (хотя не обязательно равнозначны).

Если применить приведенные выше определения имен вещей и признаков к цепочкам с последовательной атрибуцией признаков, таких, как «very rapidly retreating regiment/очень поспешно отступивший полк» или «extremely exquisitely dressed diplomat/весьма изысканно одетый дипломат», то надо считать именами вещей все слова в таких выражениях, кроме крайних левых, и считать именами признаков все слова, кроме крайних правых. Более того, все слова, кроме крайних, можно считать и именами вещей и именами признаков. Такая квалификация имен возможна, если пренебречь вектором синтаксической зависимости (направлением подчинения): имя субстантивно по отношению к зависимому от него слову и атрибутивно по отношению к слову, от которого оно зависит. Чтобы снять неопределенность в квалификации имен, следует, очевидно, определять их соответственно вектору зависимости, т. е. только по отношению к подчиняющему слову, а не подчиняемому. В таком случае в приведенных примерах только крайние правые слова — имена вещей, а все остальные слова — имена признаков разных ступеней.

§ 2. Основные синтаксические предпосылки семантического исследования словосочетаний сводятся к следующему.

2.1. Всякое сложное выражение (словосочетание, предложение) отличается от простого набора несвязанных словоформ прежде всего тем, что в нем компоненты объединены синтаксическими связями и отношениями. Ими обеспечивается качественная специфика сложного выражения, их и следует уяснить в первую очередь. За этими двумя терминами, которые, впрочем, нередко используются как синонимы, скрываются явления различных, хотя и связанных, планов¹. Наиболее очевидным представляется различие между синтаксическими отношениями плана выражения и синтаксическими отношениями плана содержания. С тем, чтобы как-то фиксировать это различие терминологически, первые иногда называют синтаксическими связями, а вторые — синтаксичес-

¹ Суммарное изложение синтаксической проблематики и критическую оценку современных синтаксических концепций см., например, в коллективной монографии «Общее языкознание. Внутренняя структура языка», выпущенной Институтом языкознания АН СССР (раздел «Синтаксис», написан Н. Д. А р у т ю н о в о й).

кими отношениями. Такое разграничение удобно практически и ему можно следовать. Можно также говорить о «формальных синтаксических связях (или отношениях)» в отличие от «содержательных синтаксических отношений (или связей)».

Формально — синтаксические связи — это отношения между десигнаторами (формой в широком смысле) слов в сложных выражениях, как-то коммутирующие (изоморфно или гомоморфно) с содержательными отношениями их десигнатов. Иначе говоря, это манифестирующий рефлекс содержательных синтаксических отношений в форме сложного выражения. Заметим, что всякое отношение по определению существует между вещами, и вещами в этом случае оказываются десигнаторы. Синтаксические связи (*vs.* отношения) описываются такими понятиями как подчинение *vs.* сочинение, согласование, управление, примыкание, замыкание — рамка (шире — порядок слов, формулы порядка слов: прямой порядок слов *vs.* инверсия, препозиция *vs.* постпозиция и т. п.). Сюда же относится понятия грамматического (*vs.* логического или психологического) подлежащего и сказуемого как категорий формальной организации структуры предложения, главного и зависимого слова.

Содержательные синтаксические отношения (*vs.* связи) — это отношения трех разных, хотя и связанных уровней, различие которых столь же необходимо, сколь неочевидно. Речь идет о следующих уровнях содержательных синтаксических отношений: онто-синтаксическом (его называют также семантико-синтаксическим, см. об этом ниже), логико-синтаксическом и коммуникативно-синтаксическом.

2.2. Прежде чем обратиться к характеристике указанных видов содержательных синтаксических отношений, необходимо сделать следующее — довольно пространное — пояснение. Весьма распространено заблуждение, что вещи, свойства и отношения — абсолютные онтологические категории, такие, что распределение сущностей по этим трем разрядам изначально задано, не относительно, а постоянно. Понятие вещи при этом сводится к понятию физического тела, т. е. сущности, имеющей более или менее отчетливую пространственную границу и выделяемой из остального мира за счет этой границы.¹ В

¹ Обсуждение и критику см.: А. И. Уемов [77].

лингвистике этот взгляд нередко трансформируется в следующую мысль: полагают, что семантическая структура естественного языка определяется той онтологической моделью мира, какую дает не мудрствующий лукаво «здравый смысл» с его очевидными, наглядными понятиями. Различие между сущностями, вроде «дерево», с одной стороны, «расти, зеленый», с другой, может, на первый взгляд, показаться не только фундаментальным, но и постоянным различием, не зависящим от противопоставления «дерево — зеленый, дерево — расти». Не коренится ли оно в самой природе этих сущностей, нет ли абсолютного, заранее заданного различия этих двух категорий сущностей, такого, что и без соотнесения, противопоставления ясно, что — вещь, а что — свойство, отношение вещей, и не следует ли ожидать, что различие таких двух категорий должно фиксироваться в строе естественного языка? Все дело, однако, в том, что, расширяя круг рассматриваемых сущностей, тот же «здравый смысл» затрудняется в различении сущностей — тел и сущностей — нетел. Ср. звук, эхо, гром, огонь, свет, тень, дыра, отверстие, проем, дождь, волна, ветер, взрыв, война, бой и т. д. и т. п. Даже не выходя за пределы обыденных понятий, не сталкиваясь с такими «ненаглядными» объектами современного знания, как элементарные частицы, поле, волны, даже оставаясь на почве привычного геоцентрического мира, «здравый смысл» убеждается в относительности категорий вещей и свойств — отношений. Он убеждается в этом всякий раз, когда приходится выделять какие-то объекты не по пространственному признаку, но по разнообразным другим качествам матеряального мира (ср. А. И. Уемов [77—19]).

Коль скоро дело обстоит таким образом, это принципиальное положение не может остаться без последствий для естественного языка: относительность категорий вещи и свойства — отношения непосредственно отражена в строе естественных языков. Сообразуясь не только и столько с современными философскими и физическими представлениями, сколько с фактами самих естественных языков, нельзя не видеть, что они держатся следующего принципа: любая сущность может предстать как вещь, никакие сущности не предстают исключительно как свойства — отношения и только некоторые сущности

(=явные физические тела) предстают исключительно как вещи.

Но если оценка какой-то сущности как вещи или как свойства или как отношения всегда относительна, то это означает, что всякий раз подобная квалификация сущностей сопряжена с принятием какой-то точки зрения, известного взгляда на них, некоторого направления, в котором они рассматриваются. Иными словами, при этом всегда выявляется позиция познающего субъекта, познавательное отношение к сущностям отражаемого мира, а сами категории вещь — свойство/отношение выступают как субъективно-познавательная трансформация объективных связей сущностей.

В самом деле, если мы сказали, что сущности отражаемого сознанием мира по взаимным отношениям квалифицируются как вещи или свойства или отношения (положение достаточно общепризнанное), то тут же мы должны заметить, что термин «отношение» мы употребили дважды и употребили неодинаково: в последнем случае он описывает некоторую относительную категорию онтологических, т. е. отражаемых сущностей (отношение *vs.* вещь, отношение *vs.* свойство), а в первом случае мы описываем им основание такой категоризации онтологических сущностей.

Итак, квалификация объективных (=отражаемых объективных, онтологических) сущностей как вещей, свойств или отношений предполагает познавательное отношение к ним. С тем, чтобы квалифицировать одну сущность как вещь, а другую — как ее свойство или отношение, надо выйти за пределы отражаемого мира и стать на позицию отражающего субъекта. Это положение имеет принципиальное значение. Вместе с тем, оно не столь очевидно и нуждается в пояснении, так как иначе возможна серьезная методологическая путаница. Когда что-то квалифицируется нами как вещь, а что-то другое как свойство или отношение этой вещи, то такая квалификация предполагает установление известного отношения между этими двумя сущностями, которое и позволяет нам соответственно их квалифицировать. Нам приходится, таким образом, говорить не только об онтологических отношениях между вещами, но об отношениях между вещью и свойством, отношением и вещами (например, между действием и его актантами); более того, нам приходится го-

ворить об отношениях между свойствами и даже об отношениях между отношениями. По определению отношения имеют место между вещами, а не вещью и свойством, вещью и отношением и т. п. Если мы все же и в последнем случае тоже усматриваем отношение, то речь, очевидно, идет о чем-то ином, чем онтологическое отношение между вещами. Объяснение состоит в том, что тут мы сталкиваемся с отношением не в онтологическом, а эпистемологическом (гносеологическом) смысле: с отношением между эпистемологическими вещами.

Концепты онтологических вещей, свойств и отношений сами являются вещами, но вещами эпистемологическими. Говоря об отношениях между онтологическими вещью и ее свойством, вещью и ее отношением (к другой вещи) мы непосредственно фиксируем отношение между двумя эпистемологическими вещами: концептом онтологических вещи и ее свойства или отношения — и опосредованно, через них описываем «положение дел» в отражаемом мире. Иначе говоря, онтологический, отражаемый мир, мир, как он есть, описывается в категориях сознания. Это вовсе не означает, что объективному миру навязывается что-то ему чуждое, что он искажается сознанием — не означает постольку, поскольку признается вторичность сознания по отношению к объективному миру. Речь идет лишь о способе представления, исходного членения и категоризации объективного мира в сознании: для того, чтобы что-то высказать об онтологическом свойстве или отношении, их нужно представить в виде эпистемологических вещей. Представив их таким образом, мы уже вправе рассуждать об эпистемологических отношениях онтологических вещи и свойства, вещи и отношения и т. д. При этом, однако, для избежания возможной путаницы, необходимо оговаривать, идет ли речь о вещах, свойствах и отношениях в онтологическом, объективном смысле или в смысле эпистемологическом. В синтаксических исследованиях особенно существенно различать отношение в онтологическом смысле (именно так этот термин использовался нами до сих пор) и отношение в эпистемологическом смысле. Последнее будем в дальнейшем, если различие существенно, называть для краткости мета-отношением.

Различие между онтологическим отношением и мета-отношением состоит в том, что в первом случае необхо-

димо постулируется наличие разных вещей и какая-то связь, взаимодействие между ними, а во втором случае есть одна вещь, в которой вскрывается, обнаруживается и от которой отвлекается некоторая ее черта, нечто ей самой присущее — онтологическое свойство или отношение. Согласно диалектическому материализму свойства и отношения столь же объективны, реальны, как и вещи, но свойства и отношения не существуют самостоятельно, отдельно от вещей и отделить их от вещей можно лишь мысленно, посредством эпистемологической (гносеологической) операции, необходимой для познания и осуществляемой в познавательном отношении познающего субъекта к познаваемому миру. Свойство всегда есть свойство вещи, а отношение всегда есть отношение вещей. Равным образом, и вещи не существуют вне свойств и отношений.

Впрочем было бы ошибкой думать, что различие между онтологическим отношением и мета-отношением состоит в том, что первое — объективно, а второе — пустой конструкт сознания. И то, и другое реальны, но им соответствуют реальности разных порядков.

После этого отступления вернемся к характеристике содержательных синтаксических отношений трех уровней: онто-синтаксических, логико-синтаксических и коммуникативно-синтаксических.

2. 3. Отношения на онто-синтаксическом уровне — это отношения между денотатами имен вещей, объединенных в сложные подчинительные выражения с подчинительной связью. В конечном счете — это синтаксическое отражение отношений вещей (в онтологическом смысле). Обобщенные категории вещей, квалифицированных по синтаксическим отношениям этого рода, описываются понятиями, вроде агенса (агент, иногда = субъект), объекта, инструмент, средство, адресат, актант (более общая, чем предшествующие, категория участника отношения — действия), место, причина, результат, принадлежность и т. д. и т. п., а сами отношения обобщаются в такие категории, как действие (воздействие), желание, волеизъявление, сравнение и т. д. и т. п. Классификации этого рода возможны и осуществляются с разной степенью обобщения и детализации, равно как и с разной степенью логической полноты, последовательности и непротиворечивости.

К примеру, объекты отношения — действия можно

подразделять на объекты, подвергающиеся действию («start the car/«сверлить стену»), возникающие в результате действия («dig a trench/«сверлить дыру»), возникающие в результате действия («break a wall/stop the flight/«ломать стену»), являющиеся целью действия («prospect for gold/«искать золото»), являющиеся целью и результатом действия (cook dinner/«мыть золото») и т. д.¹

Заметим, что именно в смысле отношений этого рода говорят о многоместных предикатах в математической логике.

2.4. Логико-синтаксический уровень, сравнительно с онто-синтаксическим, — это уровень мета-отношений между именами вещей и именами их свойств или отношений, объединенных в подчинительные сочетания. Общее содержание этих отношений будем называть отношением экспликации, а аргументы этого отношения назовем, воспользовавшись терминами С. Д. Кацнельсона, экспликандумом и экспликантом.² Таким образом, экспликация — это логико-синтаксическое отношение между именем вещи и именем ее свойства или отношения, соединенными в подчинительное сочетание, экспликандум — имя вещи в таком сочетании, а экспликант — имя свойства или отношения этой вещи, само сочетание называем экспликационным. Экспликация является синтаксическим отражением мета-отношения «вещь — ее свойство (отношение)». Ср. «the children are asleep, the sleeping children, the children's sleep/«дети спят, спящие дети, сон детей»; a quick run, to run quickly, the quickness of the run/«быстрый бег, бежать быстро, быстрота бега; «the passenger is annoyed (at the delay), the annoyed

¹Ср. В. Н. Ярцева, Предложение и словосочетание [86], Ю. Д. Апресян [11—456 и след.].

²С. Д. Кацнельсон называет экспликандумом — уточняемое, а экспликантом — уточняющее слово парных сочетаний. Отношение уточнения (=экспликации) не определяется и полагается интуитивно ясным. Экспликанты далее подразделяются на атрибуты (традиционные определения) и предикаты (сказуемое), а экспликандумы — соответственно на детерминандумы (традиционное определяемое) и предикандумы (традиционные подлежащее и дополнения, имена аргументов отношения, комплементы). См. С. Д. Кацнельсон [43—148 и след.].

Здесь отношение экспликации и его аргументы — экспликандум и экспликант — понимаются и определяются иначе.

passenger/the passenger is annoyed (at the delay), the passenger's annoyance (at the delay), the delay annoys (the passenger), the annoying delay/the delay annoying (the passenger)/пассажир раздосадован (задержкой), досадуящий (на задержку) пассажир, досада пассажира (на задержку); задержка досадна (пассажиру), досадная (для пассажира) задержка» и т. п. Экспликандум и экспликант не эквивалентны гесп. главному и зависимо-му слову подчинительного сочетания. В следующих примерах экспликандум — зависимое слово, а экспликант — главное: «the children's sleep, the quickness of the run, the passenger's annoyance (at the delay)/сон детей, быстрота бега, досада пассажира (на задержку)».

2.5. Поскольку категории вещи, свойства и отношения не абсолютны, денотат какого-то имени в многочисленном выражении может одновременно, но в разных связях (=относительно разных имен) квалифицироваться и как вещь и как свойство — отношение. В выражениях the children slept fast (soundly), the fast (soundly) sleeping children/«дети спали крепко», «крепко спавшие дети» денотат словоформ slept, sleeping/«спали, спавшие» осмысливается как свойство детей. Этому свойству в свою очередь приписано свойство «fast/крепко», и в этой связи оно выступает уже как вещь. Его «вещной аспект» более нагляден в выражениях «the children's sleep was fast (sound), the children's fast (sound) sleep/сон детей был крепок, крепкий сон детей», где тот же денотат представлен как явный аргумент свойства «fast (sound)/крепкий, крепко». В первых же двух примерах «вещность» затемняется тем обстоятельством, что синтаксическая форма атрибутивного слова ориентирована по вектору синтаксической зависимости: она показывает, чему подчинено атрибутивное слово, и не показывает, что подчинено ему.

Коль скоро атрибутивные слова сами «принимают признаки», то такие их сочетания — независимо от уровня (ранга) подчинения — должны обнаруживать действие таких же комбинаторно-семантических правил, что и любые выражения семантического типа: экспликандум — имя вещи ← экспликант — имя свойства (отношения) этой вещи¹ (стрелка указывает направление синтаксической зависимости).

¹ Ср. У. Вайнрайх. О семантической структуре языка, стр. 189—194.

Рассматривая непредикативные подчинительные выражения разной степени сложности, можно без труда выделить среди них выражения, способные служить сложными именами аргументов свойств и отношений, и выражения, которые такими именами служить не могут. Ср. «(a) very rapidly retreating regiment, (the) very rapid retreat of the regiment, the great rapidity of the retreat of the regiment/очень поспешно отходящий полк, очень поспешный отход полка, большая поспешность отхода полка, (большая) степень поспешности отхода полка», с одной стороны, и «very rapidly retreating, very rapidly, very/очень поспешно отходящий, очень поспешно, очень», с другой. Первые представляют собой завершённые, полные (хотя бы и сложные) имена аргументов, а вторые составляют лишь часть таких имён. Первым соответствуют завершённые предикативные выражения: «the regiment retreated very rapidly, the retreat of the regiment was very rapid, the rapidity of the regiment's retreat was great/полк отходил очень поспешно, отход полка был очень поспешный, поспешность отхода полка была большой», вторые же — составляют лишь части предикативных выражений, либо образуют эллиптические, т. е. структурно не завершённые в речи предложения.

Сложное выражение с последовательным подчинением организовано как иерархия синтаксических рангов, или позиций. Следует различать два рода таких рангов: формально — синтаксические и семантико — синтаксические. Первые описывают уровни зависимостей между именами в подчинительных выражениях и относятся к так называемому поверхностному синтаксису выражения. Вторые описывают уровни зависимостей денотатов имён, а именно, градации «вещь — её свойство (отношение) — свойство (отношение) этого свойства (отношения)» и т. д., и относятся к так называемому глубинному синтаксису.

Следующие выражения:

very rapidly retreating regiment
/очень поспешно отступивший полк (1.1)

very rapid retreat of the regiment
/очень поспешное отступление полка (1.2)

great rapidity of the retreat of the regiment
/большая поспешность отступления полка (1.3)

the regiment retreated very rapidly
/полк отступил очень поспешно (2.1)

the retreat of the regiment was very rapid
/отступление полка было очень поспешным (2.2)

the rapidity of the retreat of the regiment was great
/поспешность отступления полка была большой (2.3)

—описывают одну и ту же предметную ситуацию (или класс ситуаций) и описывают ее с одинаковой семантической глубиной (с одинаковой степенью семантической определенности, на одинаковом содержательно-информативном уровне: ситуация отступающего полка во всех выражениях «разработана» с одинаковой семантической глубиной.¹

Вместе с тем ясно, что ситуация каждый раз описывается по-разному: каждый раз избирается иная исходная точка, относительно которой и организуется описание ситуации и каждый раз эта исходная точка совпадает с главным словом словосочетания. Кроме того, предикативные выражения 1.1—3 и предикативные 2.1—3 отличаются еще в одном существенном аспекте: в последних атрибуция признака денотату главного слова составляет коммуникативную цель выражения, а в первых — атрибуция признака как бы уже отработана, уже задана и на первый план выдвигается не задача описания денотата главного слова, а именованное этого денотата как аргумента других более сложных выражений. Функция описания при этом также сохраняется, но на заднем плане коммуникативного намерения (см. также ниже).

Ф о р м а л ь н о - с и н т а к с и ч е с к и й р а н г — это

¹ Ср. следующие выражения: (a) regiment — retreating regiment — rapidly retreating regiment — very rapidly retreating regiment/полк — отступивший полк — поспешно отступивший полк — очень поспешно отступивший полк», которые 1) отличаются глубиной семантической разработки референта, степенью семантической (=содержательно-информативной) определенности, 2) на сигнификативном уровне соответствуют понятиям разных объемов и разного содержания, находящимся в отношении последовательного подчинения.

Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что выражения 1.2 и 1.3 несколько менее определены (менее содержательны) семантически, чем остальные, — за счет значения времени события.

место в иерархии последовательного подчинения.¹ При этом отсчет начинается с позиции главного слова в выражениях, способных служить сложными именами аргументов (т. е. главное слово должно быть субстантивным — именем вещи, а не атрибутивным — именем свойства — отношения). Главное слово «представляет» словосочетание в синтаксических единицах высшего порядка (признак эндоцентричности подчинительного сочетания), его синтаксическая форма ориентирована на внешние связи словосочетания. Поэтому сравнительно с другими словами в сочетании оно имеет более высокий синтаксический ранг. Высший, первый ранг имеет позиция главного слова в выражениях — сложных именах аргументов. В предикативном выражении ей соответствует позиция подлежащего. Дальнейшие ранги представляют собой последовательные ступени зависимости от главного слова. Второй ранг соответствует именам свойств (отношений) денотата главного слова: «*отходящий полк, поспешный отход, большая поспешность*». В предикативном выражении ему соответствует (но не всегда) позиция сказуемого: «*the regiment is retreating, the retreat is rapid, the rapidity is great/полк отходит, отход поспешен, поспешность большая*». Слово в третьем ранге называет свойство (отношение) свойства (отношения) денотата главного слова, т. е. называет свойство (отношение) денотата слова второго ранга, которое само в этой подчинительной цепочке есть имя свойства (отношения): «*(a) rapidly retreating regiment, (a) very rapid retreat/поспешно отходящий полк, очень поспешный отход*». В предложении третьему рангу соответствует позиция обстоятельств-наречий: «*(the) regiment is retreating rapidly, the retreat is very rapid/полк отходит поспешно, отход очень поспешен*».

Аналогичным образом можно охарактеризовать и последующие низшие ранги. В этом, впрочем, нет большой необходимости, так как ранги ниже третьего относительно редки в речи. Кроме того, даже отличие второго ранга от третьего не всегда подкрепляется в языках фор-

¹ Понятие такого рода рангов слов в подчинительном сочетании введено О. Есперсеном (O. Jespersen, *A Modern English Grammar*, vol. II; см. также О. Есперсен, философия грамматики [29], но без должной теоретической разработки. См. критику в: V. Burlakova, *Contribution of English and American Linguists to the Theory of Phrase*, M., 1971, pp. 40—46.

мальными особенностями соответствующих разрядов слов: схема «существительное — глагол/прилагательное — наречие» далеко не обязательна для систем частей речи в разных языках. Что же касается четвертого и последующего рангов, то они никогда не отличаются от третьего морфологией слов,¹ а разве что порядком следования: «(an) unexpectedly rapidly retreating regiment — (the) regiment retreated unexpectedly rapidly/неожиданно поспешно отступивший полк — полк отступил неожиданно поспешно».

Если же выражения 1.1—1.3 рассматривать только с семантико-синтаксической точки зрения, т. е. ограничиться рассмотрением отношений (здесь = мета — отношений) денотатов имен и отвлечься от формул поверхностного синтаксиса, то все эти выражения представляют собой одну и ту же иерархию последовательных экспликаций:

(a) very rapidly retreating regiment
/очень поспешно отступивший полк (1.1)

(the) very rapid retreat of the regiment
/очень поспешное отступление полка (1.2)

(the) great rapidity of the retreat of the regiment
/большая поспешность отступления полка (1.3)

Во всех этих выражениях слово «regiment/полк» соответствует предельному экспликандуму, т. е. такому экспликандуму, которое ничем иным не является, в то время как остальные слова соединяют в себе экспликандум и экспликант (в разных отношениях), а «very (great)»/очень (большая)» соответствует предельному экспликанту. В качестве предельных экспликандумов могут выступать так называемые «классические предметные

¹ О. Есперсен [29—107 и след.].

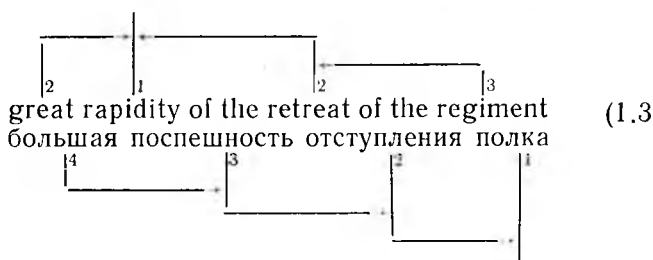
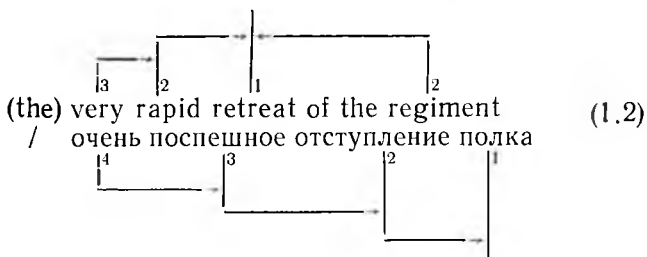
существительные» (термин Ю. Д. Апресяна¹), т. е. слова с значением физических тел или совокупностей и структур, образуемых физическими телами. Эти слова занимают позицию предельной экспликации, т. е. имеют высший, первый семантико-синтаксический ранг. Они имеют, так сказать, «вещи первого ранга», т. е. такие сущности, которые сознанию представляются вещами *par excellence*, наиболее наглядными и яркими проявлениями категории «вещности». С позиции этих слов и начинается отсчет семантико-синтаксических рангов. Обращает на себя внимание последовательное убывание, ограничение числа предикатов (в логическом смысле) в зависимости от «ранга вещи»: с полками, вообще говоря, связывается больше предикатов, чем с отступлениями, с отступлениями — больше, чем с поспешностью и т. п. Число формально-синтаксических рангов, возможных при том или ином главном слове, зависит от его семантико-синтаксического ранга — величины постоянной. Ср. «(a) a very rapidly retreating regiment — the very rapid retreat of the regiment — the great rapidity of the retreat of the regiment/очень поспешно отступивший полк — очень поспешное отступление полка — большая поспешность отступления полка».

Заметим также, что пропуск семантико-синтаксического ранга в словосочетании связывается с нарушением или изменением ономазиологической нормы, ср. «(a) rapid regiment (=rapidly retreating regiment)/попешный полк (=попешно отступивший полк)».²

Семантико-синтаксическая и формально-синтаксическая ранжировки совпадают, когда предельный экспликандум вместе с тем оказывается главным словом сочетания. Приняв этот случай за исходный, можно толковать все остальные случаи, когда две ранжировки не совпадают, как повышения и понижения слов на соответствующее число рангов. Ср. с этой точки зрения рассматриваемые примеры (формально-синтаксическая ранжировка указывается сверху, а семантико-синтаксическая снизу):

¹ Ю. Д. Апресян Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. «Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие», М., 1969, (сноска к стр. 111).

² Что касается пропуска формально-синтаксического ранга, то это связано с нарушением грамматической нормы: «попешно отступление (=попешное отступление)» — грамматически неотмеченное сочетание.

При смене главного слова формально-синтаксические зависимости переориентируются на новое главное слово. Согласимся называть ранги на семантико-синтаксической шкале высшими и низшими относительно спроектированного на эту шкалу ранга главного слова. Тогда можно сказать: при смене главного слова низшие ранги повышаются на столько же ступеней формально-синтаксической ранжировки, что и главное слово, а высшие ранги меняют вектор формально-синтаксической зависимости на противоположный и переранжируются относительно главного слова.

2.6. В любом бинарном подчинительном сочетании обнаруживается семантическое отношение (=метаотноше-

ние) экспликации, суть которого состоит в том, что чему-то приписано какое-то свойство или отношение. Поскольку, однако, сочетание само может быть частью более сложных синтаксических образований и по-разному участвовать в структуре этих сложных синтаксических целых, то для синтаксической характеристики сочетания еще недостаточно констатировать отношение и направление экспликации. Уже из рассмотренных выше примеров ясно, что семантико-синтаксический анализ должен быть дополнен анализом формально-семантических зависимостей в сочетании. Экспликативное отношение конкретно в сочетании, принимает вид атрибутивной, комплективной или аппозитивной связей.

Атрибутивной называется синтаксическая связь, при которой вектор формально-синтаксической зависимости совпадает с вектором семантико-синтаксической зависимости (вектором экспликации). Ср. (a) *retreating regiment — the regiment retreated, a rapid retreat — the retreat is rapid, rapidly retreating, very rapidly/отступивший полк — полк отступил, поспешное отступление — отступление поспешно, поспешно отступивший, очень поспешно»; (an) annoyed passenger, the passenger annoyed (at the delay) — the passenger is annoyed (at the delay), the annoying delay, the delay annoying (the passenger), the delay that annoys (the passenger) — the delay annoys (the passenger)/раздосадованный (задержкой) пассажир, пассажир раздосадован (задержкой), досадная (для пассажира) задержка — задержка досадна пассажиру)» и т. п. При атрибутивной связи экспликандум и экспликант совпадают resp. с главным и зависимым словом. Зависимое слово при этом есть имя некоторого признака (свойства или отношения), обнаруживаемого у депотата главного слова.*

Комплективной называется синтаксическая связь, при которой вектор формально-синтаксической зависимости противоположен вектору экспликации. Ср. *the retreat of the regiment (the regiment's retreat, the rapidity of the retreat/отступление полка, поспешность отступления», the passenger's annoyance (at the delay), (the delay) annoys the passenger, annoyed at the delay/досада пассажира (на задержку), досадовать на задержку, раздосадован(ный) задержкой», а также bird's singing*

(the singing of the birds), maternal grief (mother's grief), soldiery valor, spill milk, the spilling of milk/пение птиц, материнское горе, солдатская доблесть, читать книги, чтение книг» и т. п. При комплетивной связи экспликандуму соответствует зависимое, а экспликанту — главное слово словосочетания, так что в этом случае главное слово есть имя признака (свойства или отношения), обнаруживаемого у денотата зависимого слова.

Наконец, аппозитивная связь — это связь взаимной экспликации, при которой каждое из имен в сочетании выступает по отношению друг к другу одновременно и как экспликант и как экспликандум. Ср. *«летчик-испытатель, секретарь-машинистка, суда-контейнеровозы, беспризорник-сирота»* и т. п. По условию этой связи они возможны между именами вещей одного ранга, при этом оба слова синтаксически равноправны (точнее, нет формально-синтаксической зависимости одного слова от другого), между ними нет также и предикативного отношения. Вместе с тем в любом случае экспликативного отношения двум именам соответствует на онтологическом уровне одна вещь, а отношение денотатов имен не есть отношение в онтологическом смысле, а мета-отношение вещи и ее свойства (отношения). Своеобразие аппозитивной связи состоит в том, что это мета-отношение представлено таким образом, что нельзя сказать, какое из двух имен является именем вещи, а какое — именем ее свойства (отношения): и то, и другое совмещено в обоих именах. Ср. *«тренер-игрок»* = «играющий тренер» и *«тренирующий игрок»*. Аппозитивная связь нарицательных существительных мало свойственна английскому языку (ср. жаргонные образования типа walkie — talkie), обычны лишь аппозитивные сочетания имени нарицательного с собственным: President Lincoln, Premier Gladstone, Captain Cook, the great Brazilian patriot Olivier и т. п.

Важно заметить, что понятия атрибутивности и комплетивности (равно как и аппозитивности) не описывают содержательных синтаксических отношений между словами внутри подчинительного сочетания. Это — связи формального, конструктивно-синтаксического плана, возникающие в отношениях внутренней содержательной структуры словосочетания к синтаксическим структурам высшего порядка сложности. Ими описывается способ, которым словосочетание осуществляет свои внешние син-

таксические связи как компонент более сложных синтаксических структур. Мы говорим, что между двумя словами есть комплетивная связь и этим описываем тот факт, что внешние синтаксические связи такого сочетания определяются словом-экспликандумом. Мы говорим, что два слова объединены комплетивной связью, и это значит, что слово-экспликант «представляет» все словосочетание в структуре высшего порядка.

2.7. Мы рассмотрели два уровня содержательных синтаксических отношений между именами в сложном выражении: онто-синтаксический и логико-синтаксический. Если абстрагироваться от содержательных категорий коммуникативного уровня, то в этой — онтологической и логической — части своего содержания¹ сложные выражения описывают так называемое «положение, или обстояние дел». Выражение при этом оказывается не более чем семиотическим аналогом некоторого внеязыкового факта. Оно как бы высказано неким абстрактным, трансцендентальным. Я в полном отвлечении от задач и условий коммуникации.² В ограниченных пределах такая абстракция вполне допустима. Опираясь на нее, можно оценивать разные выражения относительно их равнозначности — неравнозначности. Возможны различные трансформации выражения, при которых его семантика остается тождественной в том смысле, что описывается одно и то же «положение дел». Для этого необходимо, чтобы, при всех различиях трансформ, выражения выделяли бы в описываемой области (предметной, или референционной области, факте, ситуации) одни и те же элементы (вещи, свойства, отношения) с одинаковой структурой отношений между вещами и мета-отношений между вещами и их свойствами и отношениями.³ Более коротко, имея в виду и синтаксические, и лекси-

¹ Эту часть содержания называют их референционным (денотативным) или — ориентируясь на понимание семантики в семиотической концепции Ч. Морриса — семантическим значением.

² Это соответствует витгенштейновскому пониманию соотношения факта, логики и языка, сформулированному в «Логико-философском трактате» (Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат [22]. Обсуждение и критику см. Э. Геллнер, Слова и вещи [25]; М. С. Козлова. Философия и язык [44]).

³ Ср. с формальным определением трансформируемости фраз у Ю. Д. Апресяна, опирающимся на идеи З. Харриса: Ю. Д. Апресян, Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966, стр. 155—158.

ческие трансформации, можно сказать так: выражения референционно тождественны, если факт всякий раз описывается ими как тождественная структура тождественных элементов.

2.8. Реально языковые выражения не являются простым аналогом отражаемого мира. Их содержание не ограничивается только информацией о некотором «обстоянии дел», но эта информация подается сообразно задаче и условиям сообщения, коммуникации: она всегда рассчитана кем-то на кого-то с какой-то целью. Реально нет познающего субъекта вне познаваемого мира. Высказывания о мире строятся людьми, которые сами часть этого мира, и строятся так, чтобы вызвать определенные информационные, волевые и эмоциональные состояния у других людей, также включенных как часть в этот мир. Поэтому высказывание оказывается не простым описанием — аналогом факта, а описанием, включенным в отношения SP и SR к действительности, в отношения между SP и SR и, в частности, в коммуникационное отношение SP и SR. Высказывания не только содержат информацию об «обстоянии дел» в описываемом мире, но и информацию об «обстоянии дел» в коммуникативной системе SP—SR на разных ее участках. Следует ожидать, что в структуре естественного языка должны как-то отложиться и отразиться в виде кодовых соответствий между формой (десигнаторами) и содержанием (десигнатами) не только структуры отражаемого мира, структуры деятельностного и познавательного процессов и не только общие категории прагматических отношений, но и фундаментальные характеристики самого процесса коммуникации: антиномия «говорящий (SP) — слушающий (SR)», цель коммуникации: сообщение — вопрос — побуждение и т. д. Иными словами, помимо кодированных в высказывании референционного содержания (= семантики в смысле Ч. Морриса), прагматического содержания (= субъективно-модальных отношений к описываемому факту, самому описанию, к SR и т.п.), в нем еще содержится кодированная информация о строении и характеристиках самого коммуникативного акта.

Соответственно, рассматривая содержательные отношения между выражениями — компонентами высказываний, мы должны отметить, помимо указанных выше онто-синтаксических и логико-синтаксических, еще

коммуникативно-синтаксические отношения. Синтаксические категории этого уровня описываются такими понятиями, как предикация, предикативность (первичная и вторичная), категории актуального членения высказываний (предложений?): темо-рематическое членение и близкие (параллельные, тождественные, перекрещивающееся?) ему субъектно-предикатное членение (логико-грамматическое членение, по терминологии В. З. Панфилова [64])¹ и членение на «данное и новое»², категория коммуникативного (информационного) центра высказывания,³ категория выделения⁴ и т. п.

В целом высказывание предстает как вместилище целого комплекса кодированных (семиотических vs импликационных) значений, относящихся к разным частям коммуникативного акта и их взаимным отношениям: факту, высказыванию, SP и SR. И это не говоря уже о том некодированном (импликационном) значении, которое дополнительно извлекается SR из высказывания как естественного, природного (vs семиотического) факта.

2.9. На этом комплексном уровне не приходится говорить о содержательной (значимой) эквивалентности выражений — высказываний. Скорее наоборот: тут действует тенденция к содержательной единственности выражения, т. е. на коммуникативном уровне язык стремится к такому положению, когда для данного содержания возможно одно единственное выражение и всякое различие в выражении оказывается содержательно релевантным.

Содержательная функция коммуникативно-синтаксических категорий, таких как предикация, так называемые логический (психологический) субъект и предикат, тема—рема и т. п. не столь очевидна. Есть ли и в чем со-

¹ Заметим, что понятия логических субъекта и предиката опираются на классическое, восходящее к Аристотелю, понимание предмета логики.

² Обсуждение вопроса о соотношении трех членений: темо-рематического, субъектно-предикатного и членения на «данное и новое» — см., например, О. А. Лаптева. Нерешенные вопросы теории актуального членения, ВЯ, 1972, № 2.

³ См. О. А. Лаптева, указ. соч.

⁴ См. Т. М. Николаева. Актуальное членение — категория грамматики текста, ВЯ, 1972, № 2: «Под выделением понимается противопоставление одного элемента текста другим его элементам», стр. 53.

держательное различие между двумя или более выражениями, описывающими одно и то же «обстояние дел» с одинаковой прагматической оценкой и отличающихся только в рамках коммуникативно-синтаксических категорий, например, наличием — отсутствием предикации, разным субъектно-предикатным, темо-рематическим членением и т. п.? Ср. «the way is long — the long way, Ann.taught the children geometry — geometry was taught to the children by Ann — the children were taught geometry by Ann, the boys played with the dog — the dog played with the boys, the soldier bought some milk from the old woman — the old woman sold the soldier some milk/путь долог—долгий путь, весной луга заливают водой—весной вода заливают луга, командир отдает приказ о наступлении — приказ о наступлении отдает командир — приказ о наступлении отдается командиром — командиром отдается приказ о наступлении, дети играют с собакой — собака играет с детьми, солдат купил молока у старухи — старуха продала солдату молока» и т. п.

Здесь нет необходимости и возможности вступать в детальное обсуждение проблемы равнозначности (содержательной эквивалентности) языковых выражений — одной из сложных и принципиальных проблем не только семасиологии, но и всей лингвистики.¹ Отметим лишь следующее: содержательная функция коммуникативно-синтаксических категорий заключается в организации значений соответственно их коммуникативной значимости в сообщении. Чтобы пояснить, насколько суще-

¹ Различные аспекты проблемы и различные взгляды на нее представлены, например, в следующих работах последних лет: Апресян Ю. Д., Синонимия и синонимы [8]; Ахманова О. (ed), Lexicology: Theory and Method, MGU, M., 1972; Ахманова, О., Marchenko A. N. Meaning Equivalence and Linguistic Expression, MGU, M., 1973; Бережан С. Г. Опыт общей теории семантической эквивалентности словарных единиц. Явления омосемии в молдавском языке. Докт. диссертация. М., 1972; Chafe, W. L., Meaning and the Structure of Language [89]; его же, Directionality and Paraphrase, Language, vol. 47, № 1; Ch. J. Fillmore and Terence Langendoen (eds), Studies in Linguistic Semantics, N. Y., 1971; Quirk, R., Descriptive Statement and Serial Relationship, Language, vol. 41, № 2; Partee, Barbara H., On the Requirement that Transformations Preserve Meaning, in: Studies in Linguistic Semantics, op. cit.; Н. Ю. Шведова, Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы» [81].

ственна эта функция и как непосредственно она связана с референционным содержанием высказывания, обратимся к такому сравнению. Мы не всегда узнаем одну и ту же местность, сооружение, улицу, помещение и т. д., если нам доводится смотреть на них под разным углом. Значение ракурса оказывается настолько велико, что одна и та же ситуация, один и тот же факт, т. е. тождественные структуры тождественных элементов, предстают как различные. Сходным образом различные коммуникативные членения, организуя единицы информации в различные по коммуникативной значимости структуры, освещают одно и то же референционное обстоятельство с разных точек зрения, подчеркивая в структуре ситуации факта одни элементы и связи и скрадывая другие. В той мере, в какой SR в своем знании и оценке ситуации, факта зависит от того, что ему становится известно из сообщения (а не от других, привходящих, внеречевых обстоятельств: предшествующего знания, опыта и т. п.), образ этой ситуации (факта), актуальность тех или иных ее элементов и связей рисуются ему в прямом соответствии с коммуникативно-синтаксической структурой высказывания.

Можно с достаточным основанием говорить о содержательно эквивалентных, хотя и разноструктурных, выражениях, вполне оправдано рассматривать некоторые наборы выражений как разнозначные трансформации одно другого. Более того, без такой мета-языковой операции нельзя обойтись ни в описании, ни в теории языка, ни в практическом пользовании языком — она ведь представляет собой один из аспектов общего явления: сравнения содержания — замысла с содержанием — исполнением. Следует, однако, учитывать — и это уже отмечалось выше, — что содержательная эквивалентность выражений не может быть полной, что установление содержательной эквивалентности каких-то выражений связано с отвлечением от каких-то компонентов их содержания и с отвлечением от реальных контекстов их употребления.¹

§ 3.1. Два словосочетания могут различаться только лексическими значениями входящих в них слов, и тогда

¹ Ср. О. Akhmanova, A. N. Marchenko, *Meaning Equivalence and Linguistic Expression*, MGU, M., 1973.

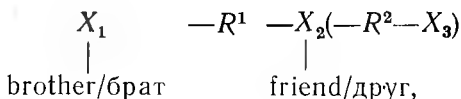
они семантически различны, ср. «mother's neighbour/*подруга матери*» и «father's neighbour/*подруга дочери*». Два словосочетания могут различаться только синтаксическими значениями входящих в них слов, и тогда они семантически также различны, ср. «letter to John»/*письмо отца*», «letter from John»/*письмо отцу*». Наконец, два сочетания могут различаться только вектором содержательной логико-синтаксической зависимости (направлением экспликации), и тогда они также семантически различны, ср. «mother's neighbour/*подруга матери*» и «neighbour's mother/*мать подруги*», friend's brother/*брат друга*» и brother's friend/*друг брата*».

3.2. Последний случай особенно интересен с точки зрения синтаксической семасиологии (подробный анализ см. ниже) и наглядно показывает, что направление экспликации столь же семантически релевантно, как и сами лексические и грамматические (синтаксические) значения, содержащиеся в словосочетании. Это и понятно, если учесть конфигурационную природу семантики подчинительного сочетания.

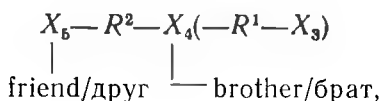
На роль вектора синтаксической зависимости в семантике словосочетания справедливо указано С. Д. Кацнельсоном (С. Д. Кацнельсон говорит о «направлении сращения значений»¹). Однако приводимые им примеры: «желтый цветок — желтизна цветка, хозяин дома — дом хозяина, белый снег — белизна снега, человек долга — долг человека» — не вполне показательны. Дело в том, что парам соотносительных сочетаний такого рода соответствует одинаковое «обстояние дел» на денотативном (семантическом) уровне: отношения денотатов не меняются, и каждый раз отражается одна и та же онтологическая картина, одно и то же положение дел (ситуация) в предметном мире. Меняется лишь, так сказать, угол освещения. Более доказательными могут быть такие примеры, в которых пары сочетаний, никак не отличаясь семантическими составами компонентов, описывали бы разные ситуации в предметном мире за счет различия в векторе синтаксической зависимости. Именно такой характер имеют выражения, вроде «friend's brother — brother's

¹ Ср. С. Д. Кацнельсон [43, стр. 150, 179—180].

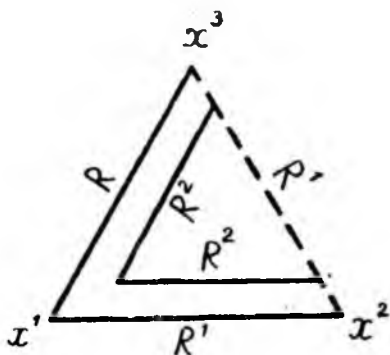
friend, brother's fiancée — fiancée's brother, family's friend — friend's family, mother's enemy — enemy's mother, sister's employer — employer's sister, son's teacher — teacher's son/брат друга — друг брата, невеста брата — брат невесты, друг семьи — семья друга, враг матери — мать врага, жених сестры — сестра жениха, учитель сына — сын учителя» и т. п. В самом деле, сочетанию «friend's brother/брат друга» обычно соответствует ситуация:

где X_1, X_2, X_3 — разные денотаты (вещи), R^1 — отношение родства, R^2 — отношение дружбы. «Brother's friend/друг брата» описывает ситуацию с другим отношением и иными участниками:

хотя бы в обоих случаях и был сохранен один и тот же X_3 . Двум рассматриваемым выражениям соответствовало бы одинаковое «обстояние дел» только при следующем условии:

$$X_1 \left\{ \begin{array}{cc} \text{brother/брат} & \text{friend/друг} \\ \text{friend/друг} & \text{brother/брат} \end{array} \right\} X_2$$

Сравнительно с семантическими составами отдельных слов «brother/брат» и «friend/друг», в словосочетаниях «friend's brother/брат друга» и «brother's friend/друг брата» возникает дополнительный семантический компонент — некоторое отношение. Сочетания содержат некоторое семантическое приращение сверх суммы значений компонентов. Обнаруживается, что это семантическое приращение в обоих случаях различно, в первом — это отношение родства, а во втором — дружбы. Единственное различие в десигнаторах двух сочетаний, обеспечивающее разное их осмысление, состоит в векторе зависимости.

Если же теперь сопоставить пары сочетаний, вроде «yellow flower — (the) yellowness of the flower, rising prices, prices rise — the rise of prices/желтый цветок — желтизна цветка, растущие цены, цены растут — рост цен» и т. п., т. е. выражения, находящиеся в трансформационном отношении, то в них 1) описывается одинаковое «обстояние дел», 2) сочетания не содержат какого-либо синтаксико-семантического приращения сверх суммы значений компонентов. Объяснение, очевидно, состоит в том, что выражения «yellow flower — (the) yellowness of the flower, rising prices — prices rise/желтый цветок — желтизна цветка, растущие цены — рост цен» и т. п. референционно соответствуют вещам и их свойствам, в то время как выражения «friend's brother — brother's friend/брат друга — друг брата» описывают отношения между вещами.

3.3. Если справедливо, что в сочетаниях «friend's brother/брат друга» и «brother's friend/друг брата» выражены два разных семантико-синтаксических отношения: родства и дружбы, — то возникает вопрос, как выражены эти отношения, в каких компонентах этих структур они содержатся. Естественно, мы не можем приписать их как содержание вектору зависимости или окончанию притяжательного родительного падежа (в иных случаях порядку слов, как, например, в англ.: pot flower — flower pot — или предлогам, как в случаях «the water in the glass — the glass in the water/вода в стакане — стакан в воде» и т. п.). Напрашивается парадоксальный, на первый взгляд, ответ: в сочетаниях, вроде «friend's brother/брат друга», семантико-синтаксическое отношение двух денотатов выражено главным словом словосочетания. На самом деле никакого парадокса здесь нет. Если,

допустим, имеются вещи X_1 и X_2 , связанные отношением R , то можно построить высказывание об этой ситуации, обозначив элементы ситуации именами: $X_1 — N_1$, $X_2 — N_2$, $R_3 — N$. При этом нет необходимости квалифицировать X_1 и X_2 по отношению R , так как такое высказывание было бы плеонастично, ср., например, «the employer employed the employees/встречающий встречал встречаемых» и т. п. Информативным будет такое высказывание, в котором X_1 и X_2 квалифицированы вне отношения R , например, «the pilot met his fiancée/летчик встречал невесту», или обозначены каждый своим именем собственным, например, «Pete met Mary/Иван встречал Марию» или X_1 met/встречал X_2 ». Поскольку ситуация $X_1 R X_2$ сама может выступать как элемент более сложной ситуации, существует потребность в непредикативных выражениях для $X_1 R X_2$. При этом в естественном языке, наряду с выражениями, вроде «(the) author admitting his mistake — (the) mistake admitted by the author — (the) admission of the mistake by the author — the admission of the mistake — the author's admission/автор, признающий ошибку — ошибка, признаваемая автором — признание ошибки автором — признание ошибки — признание автора» и т. п., где отношение и его аргументы (последние — с разной степенью полноты) названы эксплицитно, возможен также класс выражений с лексической элизией отношения, ср. the pilot married a stewardess — the stewardess's husband, the pilot's wife; the soldier defended his country — the defender of the country (the country's defender); the author makes a mistake — the author's mistake; the driver has a new car — the driver of a new car, the driver's new car; the town is situated near the lake — the town near the lake, the lake near the town/летчик женится на учительнице — жених учительницы, невеста летчика; солдат защищает родину — защитник родины; школьник сочиняет стихи — стихи школьника; водитель работает на новой машине — водитель новой машины, новая машина водителя; город расположен близ озера — город близ озера, озеро близ города» и т. п.

Под выражениями с лексической элизией отношения (элизионными сочетаниями) мы понимаем такие неэллиптические выражения о вещах (аргументах) X_1 и X_2 , связанных отношением R , в

которых отсутствует однозначное имя отношения R , а есть лишь однозначные имена аргументов, связанные подчинительной связью. Если, например, X_1 — «book/книга», X_2 — «brother/брат», R — принадлежать, то «brother's book/книга брата» — выражение с лексической элизией имени R —

Заметим, что если отношение X_1 и X_2 несимметрично и, следовательно, статус X_1 и X_2 в отношении R различен (ср., например, различия в статусе агента — объекта — инструмента — средства — адресата и т. д. одного и того же отношения действия), то лексическая элизия имени отношения не освобождает от необходимости как-то выразить статус аргументов в отношении R (ср. «brother's letter, (a) letter to (my) brother, (a) letter about (my) brother, (a) letter with (my) brother/письмо брата, письмо брату, письмо о брате, письмо у брата» и т. п.).

3.4. Как выражено отношение при лексической элизии имени R ? Возможны три случая. Во-первых, и X_1 и X_2 могут быть квалифицированы по отношению R , т. е. описываются именами классов, образуемых этим отношением,¹ ср. «liar's lie, commander's command, lender's loan, herdsman's herd, playwright's play, (her) son's mother/муж своей жены (название спектакля), автор сочинения, мать своих детей (название спектакля), слуга двух господ (название пьесы), водитель автомобиля» и т. п. Нетрудно видеть, что сочетания такого рода плеонастичны, так как один аргумент отношения с необходимостью имплицитно подразумевает другой.

¹ Имена классов, образуемых отношениями, вроде, «мать, отец, муж, жена, сосед, товарищ» и т. п. иногда называют именами отношений, см., например, Ю. Д. Апресян [11—451]. Такая точка зрения, возможная в формализованных языках определенной системы, не приемлема в теории естественного языка, так как снимает принципиальное для него различие между именами классов вещей и именами свойств и отношений. Из того, что в дефинитивной функции имена классов могут употребляться равнозначно именам свойств, отношений, ср. « x дружит с y , x дружен с y » и « x — друг y » или « x хищен» и « x — хищник», не следует, что между именами «дружить, хищный», с одной стороны, и «друг, хищник», с другой, нет существенного различия. Оно обнаружится, если рассмотреть их функции в полном объеме. Именам классов, помимо дефинитивной функции (функции описания денотатов) свойственна функция репрезентации денотата. Помимо сигнификативного значения, они имеют также денотативное значение. В то же время именам свойств и отношений не присущи ни репрезентативная функция, ни денотативное значение.

Во-вторых, один из аргументов отношения квалифицируется (описывается) по этому отношению, а другой назван вне этого отношения, ср. «soldier's mother, pilot's fiancée, dog's master, (the addressee of (the) letter, leader of masses, student of human nature, fortune hunter, speech recipient, fish cannery, hay spreader, cattle-breeder, taxi-driver, stock-holder/мать солдата, невеста летчика, хозяин собаки, адресат письма, властитель дум и чувств народных, знаток фольклора, собиратель сказок, приток Волги, защитник Ленинграда, член правительства, председатель комитета, солдатская вдова (мать)» и т. д. и т. п. Нетрудно видеть, что отношение «задается» главным словом сочетания, которое и называет один из аргументов отношения, и квалифицирует (описывает) это отношение, в то время как зависимое слово сочетания квалифицирует другой аргумент вне отношения к первому или называет его именем собственным. Падежные окончания или иные синтаксические показатели (формы согласования, порядок слов) при этом к выражению отношения непосредственно не причастны, они лишь помогают определить главное слово, содержащее квалификацию отношения аргументов.

Поскольку именно главное слово «задает» отношения аргументов, то перемена мест имен в таких выражениях часто дает бессмысленные сочетания: * «river of the (the) tributary, * the Ohio of the tributary/*река притока,* Волга притока». Транспозиция дает значимые выражения, только если 1) главное слово результирующего сочетания может быть осмыслено как описание отношения R^1 аргументов X_1 и X_2 , ср. «friend's brother/брат друга» и «brother's friend/друг брата»; 2) если N_1 и N_2 могут быть поняты как аргументы отношения R^1 , квалифицированные вне этого отношения, ср. «mother's soldier/солдат матери» не означает «the soldier who is the mother's son/солдат—сын матери», а может обозначать, например, солдата, стоящего на постое у чей-либо матери, R^1 — стоять на постое у кого-нибудь.

Третий случай, когда оба аргумента отношения R квалифицируются и называются вне этого отношения, столь же обычен в сочетаниях с лексической элизией

¹ Это возможно, если N_1 и N_2 — имена парных конверсивных классов (см. ниже).

имени *R*, как и второй. Ср. «the soldier's rifle, children's institutions, roof of the house (house-roof), cup of tea, tea-cup, seaside village, street traffic, tree boughs, books about children, books for children, road to the sea, road on the slope, flight over the sea, race down the hill/«винтовка солдата, книга о детях, книга для детей, детская литература, таежный поселок, дорожное происшествие, крыша дома, ветви дерева, стакан чая, дорога к морю, дорога по склону, полет над морем, бег под гору» и т. д. и т. п. В случаях этого рода отношение, связывающее два аргумента, не находит выражения в способе их описания (в их квалификации). Выражается оно синтаксико-грамматическими (не лексическими) единицами: падежными окончаниями, предлогами (послелогами), порядком слов, которые в этом случае, в отличие от первого и второго, семантически содержательны. Когда описывают семантику синтаксических показателей, то их значения устанавливают не в описанных выше сочетаниях I и II рода, а сочетаниях III рода или в выражениях без лексической элизии имени *R* (в выражениях с номинированным отношением).

Таким образом, в выражениях с лексической элизией имени отношения само отношение не исчезает бесследно: в первом и втором случае оно амальгамировано с именем одного из аргументов — главным словом сочетания, а в третьем случае содержится в синтаксических показателях при зависимом слове. Естественно, что выражения такого рода не имеют ничего общего с эллиптическими.

Если в рассмотренном втором случае зависимое слово — имя класса, образованного каким-то отношением, то получаем сочетание, в котором оба слова, и главное, и зависимое, — имена классов, образуемых отношениями, с той разницей, что главное слово квалифицирует свой денотат по отношению *R* аргументов данного сочетания, а зависимое слово — по какому-то иному отношению *R*¹, ср. «friend's brother, mother's defender, neighbour's debtor/брат друга, защитник матери, должник соседа» и т. п. Поскольку отношение аргументов в таких сочетаниях устанавливается именно по главному слову, то транспозиция имен радикально меняет семантику сочетания: *R*¹ становится отношением аргументов. Более, того, обычно и сами аргументы, как мы могли видеть, уже другие вещи. Ср. «friend's brother — brother's friend, мо-

ther's defender — defender's mother, neighbour's debtor — debtor's neighbour/брат друга — друг брата, защитник матери — мать защитника, должник соседа — сосед должника» и т. п. Коль скоро лексические компоненты таких пар сочетаний тождественны, а изменение в семантике никак нельзя приписать синтаксическому показателю зависимого слова (здесь — окончанию родительного падежа)¹, то вывод ясен: семантика таких выражений не может быть описана ни правилом конъюнкции, ни правилом суммирования означаемых.

3.5. Как видим, анализ выражений типа «friend's brother — brother's friend/брат друга — друг брата» помогает прояснить основания синтаксической семасиологии и ее раздела — комбинаторной семасиологии, так как при этом 1) достаточно наглядно демонстрируется конфигурационная природа семантики подчинительных сочетаний; 2) выявляется роль вектора содержательной синтаксической зависимости слов в формировании семантики словосочетания как структуры с иерархической зависимостью компонентных значений (т. е. конфигурации); 3) обнаруживается, что значение сочетания в силу его конфигурационной природы может не равняться ни сумме, ни конъюнкции значений входящих компонентов (включая как показатели лексических, так и семантико-синтаксических значений); 4) обнаруживается лишний раз зависимость между семантико-синтаксическим значением структуры сложного выражения и ее лексическим наполнением и демонстрируется взаимопроникновение синтаксиса и семантики в естественных языках и невозможность раздельного описания одного независимо от другого.

§ 4. Еще более существенен другой, общий вывод: приступая к комбинаторно-семантическому анализу, следует различать два рода бинарных подчинительных сочетаний полнозначных слов: сочетания с экспликационным отношением имен и сочетания с элизией имени отношения. В первом случае сочетанию имен референционно соответствует мета-отношение вещи и ее признака (свойства или отношения). Во втором случае имена ре-

¹ Пришлось бы считать, что в каждом сочетании синтаксический показатель зависимого слова имеет иное значение и всякий раз это значение было бы тем же, что значение отношения в главном слове.

ференционно соответствуют аргументам какого-то отношения в онтологическом смысле, причем само это отношение в сочетании не поименовано лексически. В сочетаниях с лексической элизией имени отношения зависимое слово называет отнюдь не признак денотата главного слова, а некую вещь, отношение к которой (в сочетании не названное полнозначным словом) есть признак денотата главного слова.

Различение это необходимо, так как семантическая комбинаторика и правила, ее описывающие, в каждом случае различны.

РАЗДЕЛ 3.

КОМБИНАТОРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИНАРНЫХ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

(лекции 10—14)

§ 1. Предмет и задачи комбинаторно-семантического анализа. § 2. Отбор и организация материала для анализа. § 3. Экспликация интенционала. § 4. Экспликация жесткого и сильно-вероятностного импликационала. § 5. Экспликация свободно имплицуруемых признаков. § 6. Экспликация негемпликациональных признаков. § 7. Экспликация разнопорядковых семантических признаков. § 8. Семантическая комбинаторика элизийных сочетаний.

§ 1—2. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

§ 1. Теперь, когда уяснены основные лексико-семасиологические (т. е. относящиеся к содержанию отдельного слова) и синтаксико-семасиологические (т. е. относящиеся к содержанию сложных выражений) предпосылки семантической теории языка, можно с большей определенностью сформулировать предмет, задачи и особенности комбинаторно-семантического анализа. Если считать, что семасиология имеет дело с содержанием языковых выражений любого рода, а синтаксическая семасиология, будучи ее частью, занимается содержанием сложных выражений разного уровня (словосочетаний, предложений, сверхфразовых единиц), то комбинаторная се-

мантика входит в компетенцию последней как определенный аспект содержания сложных выражений. В чем особенность комбинаторно-семантического аспекта сложных выражений, и что, соответственно, составляет предмет комбинаторной семасиологии как раздела синтаксической семасиологии? Особенность эта состоит в том, что комбинаторно-семантический анализ предполагает обращение к семной структуре значений, а именно, 1) разложение значений на такие компоненты содержания, называемые семами, которые в данном слове непосредственно не выражены (т. е. не имеют в нем собственного десигнатора), а существуют и выявляются реляционно в парадигматических соотношениях значений; 2) выявление зависимостей сем, т. е. образуемых ими структур, или конфигураций и 3) выявление взаимодействий семных структур сочетающихся значений. Соответственно предмет комбинаторной семасиологии определяется семантическими взаимодействиями слов на более глубоком уровне, чем эксплицитный уровень значений как целостных выраженных единиц содержания, а задача ее состоит в выявлении правил семантических взаимодействий слов на этом имплицитном уровне содержания.

Различение уровня сем и уровня значений представляется существенным для построения адекватной семантической теории, и в том моменте мы решительно расходимся с У. Вайнрайхом. Усматривая задачу семантической теории языка в том, чтобы «объяснить способ, которым значение предложения определенной структуры выводится из вполне определенных значений его частей» [110—417], У. Вайнрайх не видел качественного различия между семами и значениями, лексическими и грамматическими значениями (с его точки зрения все это качественно однородные семантические составляющие — *semantic features*), и поэтому склонен был свести весь предмет семантической теории к комбинаторной семантике. Но здесь сразу две ошибки: неправомерное сужение предмета семасиологии и неправомерное расширение предмета комбинаторной семасиологии.

Мы исходим из того представления, что никакой высший уровень структуры не может быть полностью описан в терминах низшего уровня. Кроме фактов самого языка, нами руководит аналогия с естественными нау-

ками, где как известно, высшие формы движения материи не поддаются объяснению в терминах механики.

Для описания содержания выражений на коммуникативно-синтаксическом уровне нет ни возможности, ни необходимости прибегать к комбинаторно-семантическому анализу на уровне сем. При порождении и понимании выражений на коммуникативно-синтаксическом уровне оперируют более крупными единицами, своего рода «блоками содержания», исключающими потребность в семном разложении значения. Понятно поэтому, почему традиционный синтаксис справлялся со своими задачами на этом уровне описания языка, обходясь без какой-либо теории компонентного строения значений слов. Понятно также, почему современные теории комбинаторной семантики не поднимаются до полного описания содержания предложений: они просто не в состоянии объяснить коммуникативный аспект содержания предложений.

Предмет комбинаторной семасиологии ограничивается предметно-логической стороной содержания сложных выражений, т. е. семантикой в смысле Ч. Морриса, той частью содержания сложных выражений, которая касается описания так называемого «обстояния дел» в отражаемом мире. Комбинаторная семасиология рассматривает взаимодействия лексических значений на уровне онто-синтаксических и логико-синтаксических содержательных отношений слов в сложных выражениях.

Итак, комбинаторно-семантический анализ не может претендовать на исчерпывающее описание содержания предложений. Но такое, ограничение его задач позволяет вместе с тем отвлечься от всех категориальных признаков сложных выражений, характеризующих их на коммуникативно-синтаксическом уровне. С комбинаторно-семантической точки зрения несущественны субъектно-предикатные, темо-рематические и иные подобные отношения между словами. Иррелевантно также — что несколько менее очевидно — различие между предикативным и непредикативным сложными выражениями. Наконец, с этой точки зрения не существенны также — и это весьма важно, хотя еще менее очевидно — семантико-синтаксический и формально-синтаксический ранг главного и зависимого слов, равно как и вид формально-синтаксической связи между ними — атрибутивной или ком-

плетивной (в определенном выше смысле). Напротив, направление экспликации (вектор логико-синтаксической содержательной зависимости, или, иначе сказать, соотносительная характеристика двух слов как экспликанта и экспликандума) вполне релевантно.

Поясним сказанное примерами. Следующие выражения:

(the) ship sails/корабль плывет — (the) sailing ship/плывущий корабль

the cottage is very nice/домик очень мил — a very nice cottage/очень милый домик

retreated rapidly/отступил поспешно — a rapid retreat/поспешное отступление — (the) rapidity of the retreat/поспешность отступления

chooses words/переводит текст — choice of words (word choice)/перевод текста — chosen word/переводимый текст — words are chosen/текст переводится (но не choice words/текст перевода)

(a) yellow flower/желтый цветок — the yellowness of the flower/желтизна цветка —

в каждой группе идентичны в комбинаторно-семантическом плане, несмотря на то, что в них наблюдаются различия по признакам 1) предикативности — непредикативности, 2) формально-синтаксических рангов, 3) виду формально-синтаксической связи (например, «chooses words, choice of words, word choice/переводит текст, перевод текста» — комплетивная связь, а «chosen words, words are chosen/переводимый текст, текст переводится» — атрибутивная связь), и несмотря даже на то, что в некоторых случаях есть различие в семантике за счет грамматических значений (ср., например, «chooses words — choice of words, word choice/переводит текст — перевод текста»). Но в каждой группе выражений направление экспликации одинаково (ср. «chooses words — words are chosen — chosen words — choice of words (word choice)/переводит текст — текст переводится — переводимый текст — перевод текста». Выражения «word choice, choice of words/перевод текста» и «choice words/текст перевода» не идентичны в комбинаторно-семантическом плане, так как во втором случае лексическое значение имени «choice/перевод» содержит дополни-

тельно сему «(выбор) лучшего/результат (деятельности)», которой нет в первом случае.

§ 2. Выше сформулированы основные посылки излагаемой здесь теории комбинаторной семантики. С тем, чтобы оценить, насколько они теоретически состоятельны и продуктивны, надо обратиться к практическому анализу семантической комбинаторики сложных выражений. Последние должны быть как-то разумно упорядочены, чтобы рассмотрение не было хаотичным. Порядок рассмотрения определяется следующим соображением. Выше было показано, что семантика слова складывается из следующих частей: интенционал, жесткий и сильный импликационал, негимпликационал и слабый импликационал. Значение экспликанта может лежать в одной из указанных частей семантики экспликандума, т. е. совпадать полностью или частично с интенционалом экспликандума, относится к его жесткому, сильному или слабому импликационалу и даже к негимпликационалу экспликандума. Это и определяет группировку (отбор) сложных выражений и порядок их рассмотрения. Вначале будут последовательно рассмотрены экспликационные сочетания, в которых экспликат относится к каждой из указанных частей семантики экспликандума. Далее будет определено понятие порядка семантического признака и рассмотрены сочетания с экспликацией разнопорядковых семантических признаков. И в заключение раздела будет исследована семантическая комбинаторика в сочетаниях с элизией имени отношения.

В поисках иллюстративного материала будем обращаться к различным функциональным разновидностям языка (подъязыки и стили), но особое внимание будем уделять поэтическому языку. Именно поэтический язык должен дать полный набор образцов семантической комбинаторики. Следует ожидать, что в поэтическом языке представлен весь диапазон приемов комбинирования смыслов. Поэзия использует весь спектр семантического комбинирования. Поэты нередко работают на пределе осмысленного, максимально используя репертуар «грамматики смыслов».

Строгость языка науки — антипода поэтического языка — обусловлена, в частности, жесткой и узкой

«грамматикой смысла». Впрочем, было бы преувеличением сказать, что эти два языка пользуются совершенно разными «грамматиками смысла». Правила сочетания смыслов в научном языке составляют логическую основу любой грамматики значений, они образуют рациональный фундамент всякой комбинаторной семантики. Но художественное словотворчество не ограничивается ими. Правила логического «сложения смыслов» дополняются другими, нарушение логико-комбинаторных норм используется как метасемиотический прием выражения. Синтаксис значений в поэзии оказывается несравненно более обширным, гибким и изощренным, а правила их сочетания наиболее широкими и свободными. Поэзия пользуется своеобразной «грамматикой смысла», и это надо считать одной из ее отличительных черт.

§ 3. ЭКСПЛИКАЦИЯ ИНТЕНСИОНАЛА

3.1. Дублирование интенционала экспликандума в логическом и лингвистическом аспектах. 3.2. Тавтологии. 3.3. Структурно-грамматические функции экспликационных сочетаний с лексико-семантическим дублированием. 3.4. Снова о логическом и лингвистическом аспектах. 3.5. *Resumé* к § 3.

3.1. Если эксплицирующее значение содержательно равно интенционалу эксплицируемого, то при этом ничего не прибавляется сверх содержания экспликандума, и значение словосочетания им и исчерпывается. Имеет место простое дублирование интенционала, словосочетание тавтологично, неэкономно и логически аномально. Например: (a) *quadratic square, oily oil, clandestine secret, happenings (incidents) occur (happen), tell a tale/* «*квадратный квадрат, масло масленое, тайный секрет, происшествия (случаи) случаются (происходят)*» и т. п.

Равным образом информационно избыточны и логически аномальны словосочетания, в которых дублируется часть интенционала экспликандума или экспликанта. Например: «*a rectangular square, accidents (will) happen, tell a story/* «*прямоугольный квадрат, гром гремит, метель (метелица) метет*» и т. п.

Однако сочетания с двукратной экспликацией части или всего интенционала достаточно обычны в естественных языках и выполняют ряд семиотических и метасе-

миотических функций. Они информационно избыточны и логически аномальны в том случае, когда интенционалы знаков одинаково известны и содержательно тождественны у обоих участников семиотического акта: SP и SR.

Поскольку же приходится иметь дело с формированием и выравниванием систем знаний и знаковых систем, с определением классов, понятий и соответствующих знаков, то необходимо эксплицировать интенционалы одних знаков через содержание других (ср. «the elephant has a trunk, the swine is omnivorous, the tiger is predatory, clandestine is secret, a square is a rectangular equilateral quadrangle/«слон имеет хобот, свинья всеядна, тигр — хищник, секрет — это тайна, квадрат — прямоугольный равносторонний четырехугольник» и т. п.). Таким образом, сочетания рассматриваемого рода несут семиотическую функцию изъяснения имен.

Экпликант при этом обычно предцирован, и словосочетание имеет статус предложения. Но не обязательно. Наряду с «tigers are predatory/«тигры хищны» возможно и «predatory tigers/«хищные тигры», например, в предложении «Predatory tigers were separated/«Хищных тигров поместили отдельно» = тигров как хищников поместили отдельно». Непредикативное¹ употребление интенционального экпликанта возможно, если 1) он эксплицирует часть (отдельные семы) интенционала и если 2) между этим признаком интенционала и признаком, предцированным в предложении, имеется определенная логическая зависимость (причинно-следственная, уступительная и др.) и на эту зависимость необходимо указать: тигров поместили отдельно, потому что они хищны.

3.2. К рассматриваемому типу относятся тавтологии с предикативным удвоением имени, вроде «meat is meat; let bygones be bygones; the cubists are not cubist enough (G. K. Chesterton); in this other girl the new virtues were virtues, whether or not they were new (G. K. Chesterton); London is London/«мясо есть мясо, осел останется ослом (хотя осыпь его звездами), у человека нет выбора — он

¹ Разумеется, можно утверждать, что на уровне глубинного синтаксиса «хищный» в предложении «хищных тигров поместили отдельно» также признак предцируемый и поверхностной структуре соответствует следующая глубинная: «тигров поместили отдельно, так как тигры — хищны».

должен быть человеком (Ст. Е. Лец), *Москва есть Москва*» и т. п. Как и в предыдущих случаях, здесь имеет место какое-то изъяснение имен (и, естественно, соответствующих понятий и референтов). Тавтологии имеют вид классификационных предложений типа *the tiger is a carnivore*/«*тигр — хищник*», в которых референту приписывается какой-то признак посредством отнесения к какому-то классу. Однако неясно, что может дать для описания референта предикация того же имени, которым он репрезентирован в высказывании. Между тем в естественном языке это достаточно обычный класс высказываний. Связкой объединяют удвоенные имена классов, имена единичного и имена свойств.

Тавтология в логическом аспекте — вид некорректного определения концепта, логическая ошибка определения *idem per idem*. Тавтология в семиотическом аспекте — апелляция к семиотической, языковой компетентности и знанию слушающего. Это случай своеобразной хезитации — хезитации в определении и изъяснении имен. В силу различных причин — познавательного, семиотического и даже морального характера — SP затрудняется или воздерживается дать определение имени (и, соответственно, понятия и денотата) или изъяснить какой-то признак в интенционале имени, релевантный для сообщения. Вместо этого он апеллирует к языковой и познавательной компетентности SR. В основе тавтологии лежит билатеральность знака и расщепление отдельных его сторон на два аспекта, а именно, расщепление знака на десигнатор и значение (десигнат), семиотической функции знака в высказывании на репрезентативную и дефинитивную, когнитивного значения знака на сигнификативное и денотативное, сигнификативного значения на индуктивно-эмпирический и дедуктивно-логический аспекты.

Когда в каком-то контексте говорят «*fast is fast*»/«*быстро есть быстро*» или «*red means red*»/«*красный значит красный*», то апеллируют к знанию SR значения соответствующих десигнаторов: субъектом является автономно названный десигнатор, а предикатом значение того же десигнатора. Когда говорят «*London is London*»/«*Москва — это Москва*», то апеллируют к знанию обычных предикатов этого имени собственного: Лондон/Москва — столица Великобритании/СССР, крупный промышлен-

ный и культурный центр, город с большим населением» и т. д., т. е. в конечном счете аппелируют к тому, что SR знает Лондон/Москву: субъектом является город как единичное, а предикатом — неэксплицированные свойства этого единичного. В денотативном значении неявно вычленяется сигнификативный компонент.

Наконец, тавтологии на уровне имен классов, помимо этого, обыгрывают различие двух аспектов понятия: индуктивно-эмпирического и дедуктивно-логического. Имя — субъект репрезентирует класс и содержательно соответствует индуктивно-эмпирическому понятию о нем. Имя — предикат квалифицирует (описывает, определяет) этот класс и содержательно соответствует дедуктивно-логическому понятию о том же классе. Возникает эффект неэксплицированного устроения, уточнения понятия о классе. Приведенный выше шуточный афоризм Леца сводится к тавтологии «человек должен быть человеком». Эта тавтология не бессодержательна. Ее эффект строится на различии между индуктивно-эмпирическим понятием о классе «человек» и возможным дедуктивно-логическим определением этого класса, например: «человек — это разумное гуманное существо». Признаки разума и гуманности представлены и в индуктивно-эмпирическом понятии об этом классе, но не на правах безусловно обязательных (о разграничении индуктивно-эмпирического и дедуктивно-логического аспектов понятия см. М. В. Никитин [60]).

Именно расщепление функций имени на репрезентативную и дедуктивную, а понятия — на индуктивно-эмпирический и дедуктивно-логический аспекты делает осмысленными предикативные удвоения имен с отрицанием (тавтология наоборот, при этом экстенционал экспликанда ограничивается каким-то дополнительным экспликантом). Ср.: «Love is not love/Which alters when alteration finds/Or bends with the remover to remove» (Shakespeare, Sonnet 116).

3.3. В последующей группе словосочетаний (предикативных и непредикативных) также имеет место дублирование интенционала главного слова: «an incident took place (happened, occurred), the wind is blowing, the sun shines, the storm raged, time passes»/случилось происшествие, гром гремит, молния сверкает, метель (метелица) метет, ветер веет» и т. п. Однако собственно семантиче-

ская спецификационная функция зависимых слов в таких словосочетаниях вообще не существенна. Их основная функция — структурная: они позволяют построить предложение и сообщить сочетанию глагольные грамматические значения времени, вида и др. Как справедливо отмечает С. Д. Кацнельсон, глаголы в подобных сочетаниях или предложениях полностью или частично повторяют содержание имени и служат прежде всего «своего рода «вербализаторами», указывающими глагольное время» [43—59 и след.].

Та же структурно-грамматическая функция превалирует и в случае внутренних дополнений, повторяющих полностью или частично лексическое значение глагола: to dream a dream, to fight a fight (a battle), to plod a way, to run a run (a race), to sleep the sleep (of the just/that knows no waking), to sleep a (dog-) sleep, to die a (dog's/natural) death, to laugh a laugh/прожить жизнь, думать думу, пройти путь, шутить шутки» и т. п. Они позволяют избежать синтаксических ограничений при развернутой квалификации действия. Ср. «he lived a happy life=he lived happily», но «... lived the modern life (G. K. Chesterton) =* lived modernly/«он живет спокойной жизнью=он живет спокойно», но «он живет жизнью, полной приключений=? он живет с приключениями=* он живет приключенчески»; «он живет жизнью полной риска и приключений=* он живет с риском и приключениями» и т. п.

Отметим — на русском материале — еще одну группу случаев типа «дивное диво, ранней ранью, (самые) тайные секреты, (самый) человеческий человек»¹ и т. п., в которых непредиктированный экспликант полностью дублирует интенционал экспликандума. Если отвлечься от известной идиоматичности, свойственной некоторым словосочетаниям этого рода, то анализ семантики приводит к парадоксальному выводу: даже если лексическое значение эксплицирующего и эксплицируемого слов тождественно, первое, тем не менее, способно ограничить интенционал второго и образовать с ним синтетическое, а не аналитическое составное понятие. В самом деле,

¹ Заметим, что в этой фразе В. Маяковского «человечный» употребляется в смысле более широком, чем «гуманный», и означает, что В. И. Ленин в наивысшей мере обладал качеством Человека.

«дивное диво» означает «большое (так сказать, «оченное») диво», «ранней ранью» = «очень рано», «самые тайные секреты»² = «самые большие секреты» и т. д. Обращает внимание аналогия с неатрибутивными повторами имен свойств, вроде «шел-шел = шел долго», «быстро-быстро» = «очень быстро» и т. п. В обоих случаях дублирование служит средством указать большое количество или высокую степень какого-то качества — свойства. В приведенных выше примерах имеет место, по-видимому, и структурно-синтаксический фактор — невозможность соединить «интенсификаторы» «очень, самый» непосредственно с существительным: *очень диво, *самый секрет» и т. п.

Так же анализируются словосочетания, вроде «ошибка ошибок, чудо чудес, из (всех) предателей предатель, (всем) гордецам гордец, всем дворцам дворец» и т. п. Все они выступают как своеобразные суперлативы или элативы существительных, допускающих качественное толкование. Ср. также англ. *in one's heart of hearts*.

3.4. Логика требует в качестве предварительного условия, чтобы тезаурусы знаний и языков у SP и SR были выравнены. Только тогда она вступает в свои права.¹ Исходя из этой предпосылки, она оценивает все рассмотренные случаи дублирования интенционала как логически некорректные, информационно избыточные и коммуникативно неэкономные. Она готова принять лишь те из них, которые являются нетавтологическими определениями или изъяснениями имен, т. е. выражения типа «London is the capital of Great Britain»/«Москва—столица СССР» или «The tiger is a carnivore (carnivorous)/«Тигр—хищник (хищен)». Даже высказывания, содержащие аналитическое составное понятие типа «Predatory tigers were separated/«Хищных тигров поместили отдельно» безусловно с логической стороны, так как затемняет логическую структуру высказывания (тигров поместили отдельно, так как тигры хищны) и может породить

² См. «Комсомольская правда», № 250, 1972 г.: *У журналистов есть такая привычка: выведывать у нас, тренеров, самые тайные секреты* ... (из интервью Р. И. Кныша, тренера гимнастики О. Корбут).

¹ Ср.: «Логика начинается не с действительных предпосылок науки. Логика имеет дело с уже завершенным знанием и приводит его в дедуктивную форму». В. Russell. *Logic and knowledge. Essays 1901—1950*. London, 1956, p. 178.

иллюзию, что не все тигры хищны.¹ Однако естественно-му языку приходится считаться не только с логической правильностью выражений, но и удовлетворять многим иным требованиям, нередко вступающим в конфликт друг с другом: различия в точках зрения SP и SR, различия в их познавательных и семиотических тезаурусах; разнообразные прагматические факторы; обеспечение качественной непрерывности языка, его структур и норм их употребления во времени, с одной стороны, при давлении инноваций и новых потребностей выражения, с другой; потребность ясности и экономии выражений при возможности воспользоваться контекстуальной и ситуационной «подсказкой» при установлении смысла выражений; возможности и особенности психологического и физиологического субстратов языка и т. д. В этих условиях, язык допускает логически некорректные выражения, подчиняя их выполнению определенных задач.

3.5. Подведём краткий итог случаев дублирования интенционала экспликандума.

1) Экспликант может дублировать интенционал экспликандума полностью или частично. Соответственно имеет место простое удвоение имени или экспликация посредством семантически нетождественных имен. В первом случае интенционал дублируется полностью, во втором — полностью (определение имени) или частично (изъяснение имени и другие случаи). Удвоение имени может быть явным или скрытым. При скрытом удвоении используется синоним экспликандума. Экспликант и экспликандум могут принадлежать к одной или разным частям речи.

2) Сочетания, в которых экспликант предиктирован и раскрывает значение (семный состав и структуру) экспликандума (тип «(a) pirate is a sea robber/«*пират—морской разбойник*») являются регулярными определениями имен и соответствующих им концептов и референтов. Сочетания, в которых экспликант предиктирован и дублирует какой-то признак интенционала экспликандума (тип «(the/a) tiger is a carnivore (carnivorous)/«*тигр—хищник (хищен)*») являются регулярными изъяснениями имен и соответствующих концептов и референтов (неполные определения). Выражения — определения

¹ Ср. Годер Н. М. [26—53].

и изъяснения имен относятся не к предмету комбинаторной семасиологии, а к её инструментам (методу). Они позволяют вскрыть семный состав и структуру имен и тем самым производить их содержательное сравнение. Предмет комбинаторной семасиологии, таким образом, исключает предикативные выражения — определения и изъяснения имен, и на них, естественно, не распространяется действие комбинаторно-семантических правил.

3) Сочетания, в которых непредикативный экспликант дублирует полностью или частично интенционал экспликандума, логически не вполне корректны, так как могут быть поняты как спецификация интенционала. Семантически они избыточны (плсонастичны), так как экспликант дублирует информацию, уже содержащуюся в экспликанте. При осмыслении их вступает в силу правило амальгамации тождественного многократно выраженного содержания. По аналогии с операциями над множествами его можно назвать правилом конъюнкции. Суть его сводится к тому, что семантический признак представлен в значении сочетания одинажды независимо от того, сколько раз он содержится в значениях слов — компонентов сочетания.

Сочетания этого рода достаточно обычны в речи, если между дублируемым признаком и признаком, предиктируемым в предложении, имеется определенная логическая зависимость и её следует акцентировать для SR (тип «the predatory tigers were separated/ *хищных тигров поместили отдельно*»). Выражения такого рода содержат косвенное изъяснение имен (= являются аналитическими vs синтетическими), что обнаруживается при трансформации их в так называемые глубинные структуры (→ «the tigers were separated, as tigers are predatory)/ *тигров поместили отдельно, так как тигры хищны*»).

4) Непредикативные сочетания с дублированием семантики экспликандума используются языками в различных некогнитивных функциях: как структурно-синтаксический прием, обеспечивающий полное выражение развернутой мысли в условиях синтаксических ограничений, принятых в норме языка; как структурно-синтаксический прием образования элатива существительных с качественным значением и выражения субъективно-эмоциональной оценки референта (способ выражения прагматических значений).

Предикативное удвоение имен (тавтология) также не несёт когнитивной функции и используется как способ аппеляции к семиотической и когнитивной компетентности SR.

§ 4. ЭКСПЛИКАЦИЯ ЖЕСТКОГО И СИЛЬНО-ВЕРОЯТНОСТНОГО ИМПЛИКАЦИОНАЛА

4.1. «Научающая» функция. 4.2. Поэтическая функция. 4.3. Краткое *resumé* к § 4.

4.1. Здесь рассматривается тот случай, когда экспликант называет признаки, составляющие жесткий и сильно-вероятностный фон интенционала экспликандума. Экпликант не дублирует интенционал экспликандума, но эксплицирует такие его признаки, которые связаны с ним жесткой и сильно-вероятностной импликацией. Речь идёт о случаях типа «white snow, snow is white, (the) snow was white/«белый снег, снег—бел, снег был белый». Поскольку называются признаки, ожидаемая вероятность которых равна или близка единице, то для равноинформированных систем такие выражения избыточны и информативны. Однако они вполне уместны в «научающей коммуникации» (термин Н. И. Жинкина). Характерно, что из приведенных примеров впечатление наибольшей нормативности производит «snow is white/снег бел» — научающее вневременное высказывание общего смысла. В то же время непредикативное сочетание «(the) white snow/«белый снег» и выражение «(the) snow was white/«снег был белый» производят несколько странное впечатление: нормативно первое должно быть именем подкласса класса «snow/снег», а второе высказыванием о единичном. Возникает своеобразный «эффект обманутого ожидания» наоборот. «White snow/«белый снег» имеет экстенционал, одинаковый или приблизительно одинаковый с «snow/снег»: Высказывание «the snow was white/«снег был белый» не сообщает о единичном ничего (или почти ничего) сверх признаков класса. Выражения этого рода становятся информативными, если указано особое качество признака: «the snow was dazzlingly white/снег был ослепительно белым», «dazzlingly white snow/ослепительно белый снег» и т. п.

Таким образом, обнаруживается большое сходство между экспликацией жесткого и сильного интенционала и сочетаниями, эксплицирующими интенционал экспли-

кандума. И те, и другие нормативны как способ «научающей коммуникации», как средство выравнивания информационных потенциалов и тезаурусов SP и SR, как средство сообщения знаний. И в том, и в другом случае обычны высказывания общего смысла, в которых экспликандум называет класс. Семантическая комбинаторика сочетаний в обоих случаях подчиняется конъюнкционному правилу, так что сочетание не более информативно, чем один экспликандум.

4.2. Сочетания с экспликацией интенционала или жесткого/сильного импликационала, как будто, противопоставлены художественной речи. С точки зрения ее задачи они кажутся банальными. Тривиальность убивает поэтический эффект. Но вот хрестоматийное стихотворение поэтессы, отличавшейся отточенностью и классическим изяществом стиха:

Velvet Shoes
Let us walk in the white snow
In a soundless space;
With footsteps quiet and slow,
At a tranquil pace,
Under veils of white lace.
I shall go shod in silk,
And you in wool,
White as a white cow's milk,
More beautiful
Than the breast of a gull.
We shall walk through the still town
In a windless peace,
We shall step upon white down,
Upon silver fleece,
Upon softer than these.
We shall walk in velvet shoes;
Wherever we go
Silence will fall like dews
On white silence below.
We shall walk in the snow.¹

¹ Элино́р Уайли — американская поэтесса (1885—1928). Приведенное стихотворение — из ее сборника *Nets to Catch the Wind*, 1921, помещено также в *An Anthology of English and American Verse*, М., 1972.

Непотревоженная белизна тихо падающего снега использована как стержень поэтических ассоциаций. Цепь коннотаций основана именно на этом, а не ином качестве снега. Констатация уже в первой строке белизны снега, сама по себе тривиальная, задает интеллектуальную и эмоциональную установку поэтического сообщения, определяет направление его развития и позволяет немедленно развернуть картину естественно и гармонично сопряженных образов (*soundless space, footsteps quiet and slow, at a tranquil pace, veils of white lace, windless peace, silver fleece, the still town, white silence* и др.).

4.3. В более общем смысле можно сказать, что, помимо контекстов «научающей коммуникации», сочетания с экспликантами этого рода возможны в широком круге контекстов, включая поэтические, если смысл высказывания мотивирован именно признаком, входящим в интенционал экспликандума или связанным с ним жесткой и сильно-вероятностной импликацией (аналогия случаев с аналитическим понятием типа «хищных тигров поместили отдельно»). В поэтических контекстах экспликация таких семантических признаков намеренно используется, чтобы развязать игру коннотаций и импликаций (прагматических и импликационных значений), связанных с именем данного признака. Ср. также: *But somewhere, beyond Space and Time, / Is wetter water, slimier slime!* (R. Brooke, Heaven). *With yellow gold and white jewels, we paid for songs and laughter.* (E. Pound, Exile's Letter).

§ 5. ЭКСПЛИКАЦИЯ СВОБОДНО ИМПЛИЦИРУЕМЫХ ПРИЗНАКОВ

В этом случае экспликант называет признаки, которые по отношению к интенционалу экспликандума квалифицируются как признаки нежесткой и слабо-вероятностной импликации. Иначе говоря, интенционал экспликанта принадлежит к области свободной (нежесткой и слабо-вероятностной) импликации интенционала экспликандума. Поскольку свободно имплицуемый признак — это такой признак, который может быть, а может и не быть у денотатов данного класса, то атрибуция такого признака информативна и для систем, равно-информированных на уровне понятий, т. е. обладающих одинаковыми тезаурусами понятий.

Если сочетания с экспликацией интенционала, жесткого и сильного (обязательного) импликационала познавательны на уровне класса, то сочетания с экспликацией свободного импликационала познавательны на низших уровнях обобщения: на уровне подклассов класса экспликандума и на уровне единичного в классе экспликандума. Разумеется, свободно имплицуемые признаки разноможны, т. е. покрывают в классе подклассы разных объемов, но все они имеют общую черту: зная класс денотата по экспликандumu, нельзя судить с достоверностью, обладает ли денотат таким признаком или нет. Может показаться, что относительно признаков этого рода неуместно говорить об импликации. Но это не так. Мыслительная операция импликации имеет место: свободная импликация очерчивает при данном интенционале круг возможных, совместимых, хотя и не всегда совмещенных свойств и отграничивает его как от круга свойств, которые обязательны, так и от круга свойств, которых быть не может.

Вряд ли требуются пространные иллюстрации этого случая. Он достаточно очевиден. Сюда относится подавляющее большинство встречаемых в речи атрибутивных сочетаний, предикативных и непредикативных. Статистически и логически это нормальный тип. Сопоставим следующие выражения:

I. 1)	The tiger is predatory	/Тигр хищен.
2)	Snow is white	/Снег бел.
3)	The house is empty	/Дом пуст.
II. 1)	A predatory tiger	/Хищный тигр.
2)	White snow	/Белый снег.
3)	An empty house	/Пустой дом.

Предикация признаков интенционала или обязательного импликационала (I, 1—2) имеет целью изъяснение имен и классов (понятий о классах). Экспликандум называет класс (общая соотнесенность имени). Непредикативная атрибуция тех же признаков (II, 1—2) создает избыточные, не вполне корректные сочетания. Предикация свободно-импликационного признака нарицательно-му имени (II, 3) есть изъяснение единичного, экспликандум уже не репрезентирует класс, он имеет денотативное

значение. Наконец, непредикативная атрибуция того же признака (II, 3) образует имя подкласса класса экспликандума с регулярными свойствами нарицательного имени: оно может репрезентировать в высказываниях свой подкласс и тогда имеет сигнификативное значение (ср. «How saddening is an empty house!/что может быть печальнее пустого дома?» или же может репрезентировать единичное и тогда имеет денотативное значение (ср. «How saddening was the empty house/печален был вид пустого дома»).

§ 6. ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕГИМПЛИКАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

6.1. Естественный язык и негимпликациональные сочетания. 6.2. Фигуры поэтической речи: переподчинение (6.2.1.), контракция (6.2.2.), переподчинение предикатов при сравнении (6.2.3.), метонимические и синкретический виды эпитетов (6.2.4.), приёмы семантической либерализации в современной поэзии (6.2.5.). 6.3. Виды негимпликациональных сочетаний. Символика. 6.4. Сочетания с экспликацией несовместимых антонимических признаков: $A \leftarrow B$, при $B = \bar{A}$ (6.4.1), $A \leftarrow B$ при $A = \frac{c}{d}$ и $B = \bar{C}$ (6.4.2.), $A = \frac{c}{d}$ и $B = \frac{\bar{c}}{e}$ (6.4.3), *resumé* к 6.4. (6.4.4). 6.5. Экспликация несовместимых неантонимических признаков: возможные случаи (6.5.1.), первичные и вторичные значения в коллективном и индивидуальном кодах (6.5.2.), краткое *resumé* к 6.5. (6.5.3.). 6.6. Алогичен ли поэтический язык? 6.7. Естественный vs формализованный язык. 6.8. *Raisons d'être* негимпликациональных сочетаний: диалектичность мира и естественный язык (6.8.1), неадекватность ономаσιологических систем потребным задачам выражения и преодоление этой неадекватности (6.8.2), краткое *resumé* к 6.8. (6.8.3.). 6.9. Мера семантического экспериментирования: осмысление негимпликационных сочетаний (6.9.1.), допустимые пределы семантической свободы в поэзии

(6.9.2.), осмысление гиперсемантизированных поэтических сообщений с разладом семантико-синтаксических связей (6.9.3.) 6.10. *Resumé* к § 6.

6.1. Напомним, что негиппликационал — совокупность понятий отрицательной импликации, т. е. семантических признаков, несовместимых с интенционалом экспликандума. Если бы естественные языки были строго логичными, то сочетания, в которых экспликант приписывает экспликандumu признак, несовместимый с его интенционалом, были бы запрещены. Между тем примеры этого рода вовсе не какая-нибудь редкость. Если нашей целью является описание и теория не какого-то препарированного языка, а естественного языка во всей полноте его проявлений и функций, если цели и методы лингвистики определяются естественным языком как эмпирической данностью и теория этого эмпирического объекта должна согласовываться с его реальной сущностью и не должна во всяком случае начинать с разрушения его онтологической сути, с подмены его реальной природы, то и случаи такого рода при всей их видимой алогичности не могут быть сброшены со счета, но должны уложиться в теорию семантической комбинаторики естественных языков. Следует выяснить возникающие при этом эффекты и определить функции сочетаний с экспликацией негиппликационных признаков.

Итак, рассматриваемый раздел семантической комбинаторики принадлежит к числу таких свойств естественных языков, которые дают повод упрекать их в логическом несовершенстве, ср. с явлениями полисемии, омонимии, несоответствия логической и грамматической формы предложения. Вместе с тем это универсальные свойства естественных языков, и хотя они делают естественный язык не вполне удобным инструментом логического анализа и вызывают потребность в искусственных формализованных языках, специально приспособленных для целей логического анализа научного знания, это — фундаментальные и необходимые свойства естественного языка, показательные для его природы.

Сочетания рассматриваемого типа принадлежат поэтическому языку, ср. на выдержку несколько примеров из современных поэтов: «joyous alarms, yesterday's silences are much louder, a poem should be wordless, furnished souls, delighted fingers, peevish gutter, the day blinks, the

river sweets oil and tar, eyeless road, a white sleep, the hyena despair, breasted tree, the conceiving moon, geese-kin winter, dunghill sky, in its box of sky lavender and cornerless/the moon rattles like a fragment of angry candy, sour cream walls, my blood stings, winds that knife us, with fingering stealth; the seeds, assuaged, peep from nested spray; lifelong the fishlippered lovers lie/kissing catastrophes, smothering mountains of my silence, lizards of reminiscence/бесславный подвиг (сотворения тени), беспечно мучилась (душа), свободный раб, соленая работа, честный пот, белый пир, белая музыка, белая зависть, замороженные громы, тугой звук, спящая гроза, остывающий лепет изменчивых уст, шинель жухлых трав, громкий лед, прозрачные колокола, при грустных фонарях, работает бессонница, штиль изнывал. шхуна дремала, проклюнет снежные скорлупы трава, флейты водосточных труб, треугольная груша» и т. п. Полная оценка их смысла требует, естественно, более широкого поэтического контекста, и здесь они приводятся лишь для уяснения семантического типа сочетаний: экспликант как будто принадлежит к области предикатов, логически «противопоказанных» экспликандуму, т. е. к области его негимпликационала.

6.2. Всякое осмысленное негимпликациональное сочетание содержит фигуру речи: один из его компонентов или оба являются ненормативными обозначениями соответствующего концепта и представляют собой тропы: метафоры, метонимии и оксюмороны. Здесь нет необходимости в особом рассмотрении этих тропов, поскольку они достаточно хорошо известны. Пояснения заслуживают лишь некоторые разновидности фигур, имеющих место в негимпликациональных сочетаниях и не освещенных в теории поэтического языка. Поэтому прежде чем обратиться непосредственно к семантическому анализу негимпликациональных сочетаний, опишем явления переподчинения, контракции и ассимилированного (освоенного) сравнения, весьма характерные для семантической комбинаторики современной поэзии, а также рассмотрим разновидности метонимических эпитетов.

6.2.1. Поэтическое переподчинение смысла — это нарушение логических норм подчинения (логической связи) смыслов в поэтическом тексте. Переподчи-

нение вызывается техническими условиями поэзии, специфическими требованиями поэтической формы (ритм, размер и т. п.) и вместе с тем создает эффект контракции смысла. Ср.:

I will make a palace fit for you and me
Of *green days in forest*¹ and *blue days at sea*.

(R. L. Stevenson, **I will Make You Brooches**)

(days in green forest, at blue sea)

There rises *the hidden laughter*

Of *children* in the foliage.

(T. S. Eliot, **Burnt Norton**)

(the laughter of hidden children)

The huddled warmth of crowds

Begets and fosters hate.

(E. Wylie, **The Eagle and the Mole**)

(the warmth of huddled crowds)

... the terrible *white malice*

Of *waves* high as cliffs.

(J. Wain, **This Above All ...**)

(the malice of white waves)

... *the bud's tipped rage*.

(Th. Gunn, **Innocence**)

(the tipped bud's rage)

... in *the lion's intolerant look*.

(W. H. Auden, **Our Hunting Fathers ...**)

(in the intolerant lion's look)

О мать революция! Нелегка

Трехгранная откровенность штыка. (Э. Багрицкий)

(откровенность трехгранного штыка)

... *впадали в длинный воздух коридора*. (Б. Ахмадулина)

(впадали в воздух длинного коридора).

... в *крошечный час ночной*. (Г. Калашников)

(час крошечной тьмы←крошечный час-тьмы ночи←крошечный час ночной).

Но дальше *темное качанье*

вершин осенних ... (А. Преловский)

(качанье темных вершин).

¹ Здесь и далее в примерах из поэтических текстов курсив наш и выделяет сочетания, иллюстрирующие рассматриваемое явление.

Слышишь, за речкой, за скошенным полем
в землю уходят дожди.

Шорох их так осторожен и светел—

вслушайся в пенье стекла. (Т. Кузовлева)

(светлый шорох дождей ← шорох светлых дождей).

6.2.2. Как видим, поэтические сообщения нередко, хотя и содержат все необходимые компоненты смысла, но комбинируют их в достаточно произвольном порядке, так что при осмыслении сообщения их необходимо расставить по местам сообразно логическим связям. Если $N_1 \leftarrow (N_2 \leftarrow N_3)$ — подчинение нормального вида, как в «*malice of white waves/воздух длинного коридора*», то переподчинение имеет вид $(N_1 \leftarrow N_2) \leftarrow N_3$ «*white malice of waves/длинный воздух коридора*». При подчинении нормального вида N_2 играет роль посредствующего термина семантико-синтаксического отношения N_1 и N_3 ; N_3 является нормальным предикатом N_2 , и это фиксируется синтаксисом сочетания. При переподчинении N_3 изъято из синтаксического подчинения N_2 и подчинено N_1 , но N_2 сохраняется в качестве изъясняющего термина отношения N_1 и N_3 . Если же посредствующий термин N_2 опущен, то имеет место контракция выражения смысла: $N_1 \leftarrow N_3$. При контракции N_1 , помимо собственных предикатов, «присваивает» предикаты, нормально принадлежащие N_2 : «*huddled warmth, tipped rage, white malice/длинный воздух, трехгранная откровенность, крошечный час*». Поскольку множества предикатов N_1 и N_2 обычно неэквивалентны, N_1 приобретает экспликанты из области своего негиппликационала. Это и есть контракция. Посредствующий термин N_2 может быть прямо не назван, но содержится в сообщении хотя бы имплицитно и должен быть восстановлен при логическом декодировании смысла сообщения. Распределение предикатов по аргументам составляет часть совокупного знания SP и SR и их умения пользоваться языком. Необычность предиката ощущается SR и побуждает его к поискам посредствующего термина. Ср.:

His form began *its senseless change*.

(R. Eberhart, The Groundhog)

(senseless change ← change of senseless (dead) body).

How can those *terrified vague fingers* push

The *feathered glory* from her loosening thighs?
And how can body, laid in that *white rush*.
But feel the strange heart beating where it lies?
(W. B. Yeats, *Leda and the Swan*).

(feathered glory ← feathered God's glory, white
rush ← white bird's rush).

No *mortal eye* could see.

(Th. Hardy, *The Convergence of the Twain*).

(mortal eye ← mortal man's eye).

In a fiercely *mourning house*.

(D. Thomas, *In Memory of Ann Jones*).

(mourning house ← mourning family's house).

... the spellbound horses walking warm out of the
whinnying green stable.

(D. Thomas, *Fern Hill*)

(the whinnying stable ← the whinnying horses' stable)

Miss Weirs/Wispers to me her *international fears*.

(J. Berryman, *New Year's Eve*)

(internatinonal fears ← fears of international affairs)

Идет, гудет *зеленый шум*,

Зеленый шум, весенний шум (Н. А. Некрасов).

... Можжевельный куст, можжевельный куст,

Остывающий лепет *изменчивых уст*.

Легкий лепет, едва отдающий смолой,

Проколовший меня смертоносной иглой! (Н. А. Заболоцкий)

(изменчивые уста ← уста той, что изменчива).

залатанный старик (А. Преловский)

(← старик в залатанной одежде)

И то, что было высшей болью,

Тот взлет, горение и труд

два мужа в *искреннем застолье*

спокойной шуткой помянут. (А. Преловский)

(← застолье искренней беседы).

Ср. также «*amorous sojourn* ← amorous men's sojourn,
hated back ← hated daughter's back, *sentimental, journey*
sentimental traveller's journey, *temparate valley* ← valley
of temparate climate, *scarlet soldiers* ← scarlet uniform
soldiers (примеры из Шекспира, Стерна, Элиота и Оде-
на)/«*соленая работа*» (о работе грузчика) ← работа до
(соленого) пота, «*честный пот*» ← пот честного труда, «бе-

лый пир» (о зимних забавах) ← веселье, забавы × пир на (белом) снегу, «железная игра» (о тяжелой атлетике) ← игра × спорт (железной) штанги и т. п.

Наряду с окказиональной поэтической контракцией, отметим случаи узуальной контракции, утвердившиеся как привычные выражения. ср. «mad house (doctor), dead list, retired list, Stone Age/сумасшедший дом, белая олимпиада, бронзовый (каменный и др.) век (←век бронзовых, каменных и др. орудий)» и т. п.

Весьма часта контракция «антропоморфного» типа (как окказиональная выразительная, так и узуальная стертая), т. е. приписывание признаков, свойственных человеку как целому, частям человеческого тела, свойствам (действиям, состояниям и т. д.) человека, вещам, связанным с ним. Ср.: «distressful (automatic, patient, delicate, mad, anxious, loving, etc.) hand (s); faithless arm, terrified vague fingers, patronizing kiss, indifferent eye (beak), insistent feet, angry stick, etc. (extracted from R. Eberhart, W. Owen, W. B. Yeats, St. Spender, R. Wilbur, E. Dowson, W. H. Auden, T. S. Eliot, H. MacDiarmid, J. Hollander)/«но оробелая, рука/покрова хладные хватает», рукою чистой и безвинной/в поработанные бразды/бросал живительное семя» (А. С. Пушкин), «мимо глаз моих тихих прошел» (Т. Кузовлева), «метят каверзным снежком» (И. Кашежева), «и шла война, и голодно и тяжко жилось моей натруженной стране» (А. Преловский), «нетерпеливое (робкое, пристыженное, горделивое, надменное и т. п.) движение, жест, кивок» и т. д.

Для английского языка весьма характерна глагольная контракция, когда в глаголе «спрессовывается» значение действия и способа его исполнения: to blink about for smth, to curse through smth, to limp on, to wince out, to trickle smw, to flap smw, etc. Напротив, русскому языку более свойственна адъективная контракция. Ср. — в дополнение к приведенным выше — примеры из газет: «белая страда, белый рейс, голубой патруль, зеленая жатва, быстрый лед, серебряный тренер» (ЛГ, № 27, 1973 г., подборка А. Калинина).

Контракция — частный случай компрессии выражения. Доля смысла, приходящаяся на единицу выражения, увеличена против нормы, сочетания гиперсемантизированы. Однако при этом расшатываются принятые в языке нормы соотношения между формулами лексической

сочетаемости слов и формулами положенного им смысла. Иначе говоря типу отношений компонентов сложного понятия соответствует ненормативный тип лексической сочетаемости. Возникающие при этом лексически полуотмеченные структуры¹ нуждаются поэтому в поддержке более широкого контекста, с тем чтобы можно было декодировать их смысл. Сама по себе структура с контракцией страдает референционной неопределенностью. Поскольку для выражений научного языка референционная недвусмысленность — существенное условие, то этот вид компрессии выражения для него непригоден. Как известно, компрессия выражения в научном языке достигается преимущественно заменой развернутого сложного обозначения новым простым термином.

Напротив, целевая установка поэзии иная. Здесь не столь важно точно обозначить, сколь актуализировать у SR переживания, идентичные переживаниям SP. Точнее сказать, важно, чтобы SR переживал предмет сообщения сходно с SP. Поэтому поэзия склонна оперировать глобальными единицами смысла, в которых прагматический элемент и, в частности, субъективно-оценочный, не отграничивался бы от собственно интеллектуального. Более того, поэт склонен переформулировать выражения так, чтобы этого разграничения не было. Контракция и есть один из способов такой перестройки нормативных выражений. Сталкиваясь с непривычным сочетанием, SR в поисках смысла возвращается на исходные позиции декодирования: он ищет его в глобальном смысле единиц выражения, синтаксической структуры, коннотативных ассоциациях и отбирает из этого глобального смысла то, что согласуется с целым поэтического сообщения.

Но есть и другая причина, побуждающая к контракции атрибутивных сочетаний: затруднения в именовании посредствующего понятия, отсутствие имени, адекватного замыслу. «Зеленый шум» по замыслу Н. А. Некрасова — это шум не просто зеленых дубрав, но начинающих зеленеть дубрав и не только дубрав, но и лесов, рощ, деревьев, кустарников, трав, листы — шум всех

¹ О понятии полуотмеченных структур см.: Е. И. Шендельс, Градация и идиоматичности, ИЯШ, 1970, 1; И. В. Арнольд. Тематические слова художественного текста (элементы стилистического декодирования), ИЯШ, 1971, 2.

растений, пробуждающихся к новой жизни на весеннем ветру. Наконец, это символ радостного и стремительного пробуждения всего живого. Контракция позволяет избежать затруднений в именовании этого обширного содержания. Будучи референционно расплывчатым, контракционное сочетание не препятствует ассоциативному домысливанию и свободно вмещает авторский замысел. Но нельзя не видеть, что достигается это ценой известной аморфности, неопределенности мысли. Содержание выражения само по себе утрачивает четкие границы. Выражение в значительной мере «черпает» свой смысл из целого, очерчивает его с необходимой определенностью лишь под воздействием других выражений в сообщении.

6.2.3. Особым случаем переподчинения является переподчинение предикатов при сравнении по формуле $N^1 \text{ ♀ } N^2 \leftarrow N^3(P) > N^1 \leftarrow N^3(P) \text{ ♀ } N^2$, где ♀ символ сравнения, а \leftarrow вектор экспликации. Предикаты, описывающие один из аргументов сравнения, переносятся на другой. Переподчинение при сравнении — весьма характерная фигура речи в современной поэзии. Ср.:

*And his answer trickled through my head
Like water through a sieve.*

(L. Carrol, *The White Knight's Song*):

*The door still swinging to, and girls revive,
Aeronauts in the upmost altitudes
Of boredom fainting, dive
Into the bright oxygen of my nod.*

(K. Amis, *A Dream of Fair Women*).

*Down the road someone is practising scales,
The notes like little fishes vanish with a wink of tails.*

(L. Mac Neice, *Sunday Morning*).

*What happens to a dream deferred?
Does it dry up/like a raisin in the sun?
Or fester like a sore —/and then run?
Or crust and sugar over —/like a syrupy sweet?
Maybe just sags/like a heavy load?
Or does it explode? (L. Hughes, *Harlem*):*

Your hair/Wept round your face like a willow/Unstirring.

*Your eyes were dry. (A. Alvarez, *Operation*).*

По лицу проносятся очи, как буксующий мотоцикл.
(А. Вознесенский)

Под брандспойтом шоссе мои уши кружились, как мельницы. (А. Вознесенский)

Мой кот, как радиоприемник,/Зеленым глазом ловит мир. (А. Вознесенский)

Как в губке, время набухает/В моих веснушчатых щеках. (А. Вознесенский)

Душа моя, мой звереныш,/Меж городских кулис
Щенком с обрывком веревки/Ты носишься и скулишь!.
(А. Вознесенский)

Она, как озеро, лежала/стояли очи, как вода.
(А. Вознесенский)

Скандалы, точно кандалы,/За нами с лязгом волочатся. (А. Вознесенский).

Обычное направление переноса — от того, с чем сравнивают, на сравниваемое (см. примеры выше). Но возможно переподчинение предикатов и с обратным вектором $N^3(P) \rightarrow N^1 \text{ } \& \text{ } N^2 > N^1 \text{ } \& \text{ } N^2 \leftarrow N^3(P)$:

Their eyes sunk jellied in their holes
Were held up to the sun like begging bowls.
Their hands like rakes with finger-nails of rust
Scratched for a little kindness from the dust.
(St. Spender, Memento).

Buba sits a wrinkled monument in Old Ladies Home.
(A. Ginzberg, To Aunt Rose)

Bare skin is my wrinkled sack.
(A. Ginzberg, The Shrouded Stranger).

The town froze, close as a fist/Winter was setting about us.

Like birds the bare trees shivered,/Birds without leaves or nests ... (A. Alvarez, Operation).

Аргумент сравнения может использоваться как модель описания сравниваемого, и тогда возникают развернутые сравнения с множественным переподчинением предикатов.

Constantly risking absurdity/and death/whenever he performs/above the heads/of his audience the poet like an acrobat/climbs on rime/to a high wire of his own making/.

And balancing on eyebeams/above a sea of faces/paces his way/to the other side of day/performing entrechats/and slight-of-foot tricks/

and other high theatrics... (L. Ferlinghetti, A Coney Island of the Mind).

Как известно, в основе метафоры также лежит сравнение, но метафора — это отработанное, освоенное и скрытое сравнение, когда убран аргумент сравнения, а его имя используется как имя сравниваемого.¹ Переподчинение предикатов при сравнении стоит на полпути от сравнения к чистой метафоре. Мыслительный механизм такого переноса можно представить так. Имеется вещь D^1 класса K^1 , имя N^1 ; у нее обнаруживается признак P^1 , не находящийся в ономаσιологической норме удовлетворительного обозначения. Имеется также вещь D^2 класса K^2 , имя N^2 со сходным, хотя и не тождественным признаком P^2 , имя N^3 . Имя N^3 используется для обозначения P^1 , а отсылка к D^2 помогает правильно осмыслить N^3 в сочетании $N^3 \rightarrow N^1 \text{ } \text{♀} \text{ } N^2$. Обозначение P^1 посредством N^3 ощущается как метафорический перенос первичного значения этого имени (метафорический эпите-²т).

Переподчинение при сравнении существенно отличается от ранее описанных случаев переподчинения. Последние совершаются в цепях с последовательным подчинением. Чтобы не смешивать одно с другим можно говорить о линейном переподчинении (как в случае «*white malice of waves/трёхгранная откровенность штыка*» и симилиативном переподчинении (как в случае «*his answer trickled like water/стояли очи, как вода*»).

6.2.4. Поскольку при линейном переподчинении и контракции также нарушена норма обозначения, сочетания содержат фигуру речи. Ненормативно обозначение признака экспликандума: N_3 вместо $N_2 \leftarrow N_3$. Экпликант сочетания с линейным переподчинением или контракцией представляет собой вид мето.....ческого эпите-та, основанного на своеобразной ассоциации по смежности: признак какой-то вещи, выступающей в качестве

¹ Заметим попутно, что случаи типа: «the long flat skis of her legs, that steel-strong snake of a tail (D. H. Lawrence). the lake of my eyes (R. Eberhart)/флейты водосточных труб, змея улицы (В. Маяковский), дробишки икринок, торпедины горбуши» (Р. Рождественский) — с комплетивной связью компонентов следует считать сравнениями. В них отсутствует знак сравнения, но представлены оба аргумента сравнения.

² Однако в случае $N_3(P) \rightarrow N^1 \text{ } \text{♀} \text{ } N^2 > N^1 \text{ } \text{♀} \text{ } N^2 \leftarrow N^3(P)$ имя $N^3(P)$ употребляется в своем прямом значении, ср. Buba sits a wrinkled monument.

признака другой вещи, приписывается непосредственно этой последней.

Другой вид метонимического эпитета основан на конверсивном сдвиге значения в атрибутивных словах, на своеобразной конверсивной энантиосемии (конверсивной поляризации значения) имен свойств. При этом атрибутивное слово, узואуально обозначающее конверсивный признак P^1 , развивает значение парного конверсивного признака P^2 . Если такое употребление слова не фиксировано в ономаσιологической норме, оно воспринимается как образная фигура — вид метонимического эпитета, ср. «slow sad leaps/печальные поляны» и т. п.

Помимо переподчиненного (контракционного) и конверсивного метонимических эпитетов, отметим еще синкретический эпитет, сочетающий метафору с метонимией. К примеру, в одном тексте говорится о «зимних глазах Николая I»: холодные глаза (метафора) — зимние глаза (метонимия: холод — зима).

6.2.5. За счет каких фигур достигается всё большая либерализация семантических норм, характерная для современной поэзии? Имеет ли место более интенсивное использование всех поэтических приемов, известных классической поэзии? Выдвигаются ли на первый план способы, не характерные для классического арсенала? На эти вопросы пока можно ответить лишь предположительно. По нашим наблюдениям, при общем абсолютном увеличении тропов всех видов возрастает относительная доля экспликационных тропов (эпитетов), включая предикативные. Среди последних широко представлен традиционный метафорический эпитет, но вместе с тем относительно возрастает число метонимических и синкретического эпитетов, мало свойственных классической поэзии. Приемы переподчинения, контракции и синкретического эпитета редки в поэзии XIX в., но весьма характерны для поэзии новейшего времени. Более традиционен лишь конверсивный энантиосемический эпитет, связанный с эффектом персонификации. Характерными примерами «эпитетного взрыва» могут служить поэзия Дилана Томаса (1914—1953 гг.), а у нас — А. Вознесенского.

6.3. После этих замечаний об особенностях семантической комбинаторики поэтического языка обратимся к систематическому анализу негиппликациональных сочетаний, установлению их возможных семантических типов

и выявлению сопутствующих им семантических эффектов. Различаются две категории таких сочетаний: сочетания с несовместимыми антонимическими признаками и сочетания с несовместимыми неантонимическими признаками. В соответствии с принятой символикой антонимический (контрадикторный) признак (сему, понятие) будем обозначать надстрочной прямой чертой, а волнистой — несовместимый неконтрадикторный (неантонимичный) признак. Интенсионалы будем обозначать заглавными буквами A, B и т. д., отдельные семы в их составе — строчными буквами a, b, c и т. д. Если интенционал какого-либо слова содержательно равен семе в интенционале другого слова (один и тот же концепт), то им соответствует одна и та же буква, заглавная в первом случае и строчная во втором. Например, «parent/родитель A , «father/отец» — $\frac{b}{a}(b$ — сема мужского пола). Для различения гипо-и гиперсемы будем изображать интенционал в виде дроби, помещая гиперсему в знаменатель, а гипосему — в числитель (ср. выше). Импликациональные семы будем помещать справа или слева от интенционала, взятого в скобки.

6.4. Вначале рассмотрим антонимичные сочетания.

6.4.1. 1) $A \leftarrow B$ при $B = \bar{A}$. Интенсионалы экспликанда и экспликанта взаимно исключают друг друга и находятся в антонимическом отношении. Впрочем, за ним ещё сохраняется различие в самых общих категориальных признаках вещи и свойства. Онтологическое основание сочетаний такого типа состоит в том, что абсолютно несовместимых признаков P и \bar{P} нет. P и \bar{P} несовместимы в какой-то предметной области, пусть весьма обширной, но может найтись и такая предметная область, в которой они совместимы. В этом смысле сочетания $A \leftarrow A$ вполне диалектичны.

Вернемся к понятию антонимии и сформулируем в более общем виде определение, намеченное выше. Если имеются два признака P_1 и P_2 такие, что соответствующие им классы $K_1(P_1)$ и $K_2(P_2)$ полностью покрывают предметную область (экстенционал, объем) некоего класса K , деля ее на две части такие, что ни один из элементов (вещей) класса K_1 не принадлежит K_2 и наоборот, то такие признаки, классы и понятия называются

контрадикторными (P и \bar{P} , K и \bar{K} , C и \bar{C}), а соответствующие имена признаков и классов — антонимическими (N и \bar{N}). Такое разграничение обобщает часто наблюдаемый реальный модус вещей и имеет большую познавательную и прогностическую ценность. Но как и всякое обобщение оно конструктивирует действительность, «ужесточает» объективное положение вещей. Наш опыт нередко подсказывает, что такое противопоставление действительно не в абсолютном, но стохастическом смысле. На практике приходится сталкиваться с случаями, когда объект обнаруживает и P и \bar{P} и имеет место некоторое наложение классов $K(P)$ и $K(\bar{P})$. Оба признака P и \bar{P} могут быть присущи одному и тому же объекту, но 1) разновременно, 2) одновременно, но в отношении к разным объектам, 3) одновременно, но с разными параметрами (например, P может быть постоянным, характерным, сущностным качеством объекта, а \bar{P} — спорадическим и т. п.), 4) наконец, P и \bar{P} могут быть одинаково характерны для какой-то особой фазы объекта, причём между P и \bar{P} нет ни одного из отличий, указанных в 1—4.

Случаи эти достаточно очевидны. Их иллюстрируют многочисленные примеры, когда антонимические слова в связном тексте описывают один и тот же денотат. Обычно эти слова соотносятся как однородные члены (точнее и шире — как соподчиненные члены, т. е. слова на одном уровне подчинения какому-то другому слову):

к 1: He's now sad, now joyful./*То грустит, то радуется.*

к 2: He loves the truth and hates falsehood./*Любит правду и ненавидит ложь.*

к 3: He's always merry, but at the moment he's dejected./*Всегда весел, а тут загрузтил.*

к 4: Victor and victim of humility, I closed in the wordless ecstasy/of mystery. (R. Everhart, *The Soul*

Longs to Return ...)

What is this face, less clear and clearer,
The pulse in the arm, less strong and stronger —
Given or lent? More distant than stars
and nearer than the eye. (T. S. Eliot, *Marina*).
I live and yet I die. (Bonar, *Loneliness*)

Да! Ненавижу и всё же люблю.
Как возможно, ты спросишь? Не объясню я.
Но так чувствую, смертно томясь. (Катулл).

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя. (А. Ахматова).

Только — слышишь — уберу
проклятую ту,
Которую сделал моей любимой! (В. Маяковский).

Сочетания и целые сообщения, в которых антонимичные слова в дефинитивной функции описывают один и тот же денотат, сигнализируют относительность противопоставления признаков P и \bar{P} , неполноту антонимии соответствующих имен. Если денотат имени N обнаруживает признаки P_1 и P_2 , которые мы склонны считать взаимноисключающими (P и \bar{P}), то, сочетая N атрибутивной связью с именами этих признаков N_1 и \bar{N}_1 , естественные языки лишь фиксируют реальный модус этих признаков, свидетельствуя относительность противопоставления, неабсолютный характер несовместимости. При этом обнаруживается, что признание P и \bar{P} взаимноисключающими признаками связано с чрезмерной конструктивацией действительности и выявляются пределы, за которыми постулированная нами несовместимость признаков не действительна.

Таким образом, признаки оцениваются не просто по совместимости — несовместимости, а значительно сложнее: по степени и условиям совместимости — несовместимости. Атрибуция N одновременно и N_1 и \bar{N}_1 осознается бессмысленной, логически ненормативной или неожиданной вовсе не в любом случае, но только когда она выходит за пределы таких «допусков». Как правило, контекст содержит эксплицитное или имплицитное, прямое или косвенное уточнение условий, при которых контррадикторность признаков снимается.

Приведенные соображения справедливы и относительно сочетаний, в которых N_1 и \bar{N}_1 связываются атрибутивной связью. Однако непосредственная — не через третье имя N — «конфронтация» N_1 и \bar{N}_1 усиливает эффект семантической антитезы, логической ненормативно-

сти. Это понятно. Логической нормой атрибутивного сочетания является обозначение подкласса класса экспликандума. Эта норма была бы нарушена, если бы подкласс класса конституировался признаком внеположенного класса. Возникали бы просто бессмысленные сочетания контрадикторных понятий, содержащие *contradictio in adjecto*. Поскольку сочетания $N \leftarrow \bar{N}$ содержат видимое нарушение этой нормы, намеренное их употребление осознается как особая фигура речи — оксюморон.

Однако логическая норма не может быть нарушена без утраты смысла. Ее нарушение в оксюморе лишь видимость. Осмысленных сочетаний с абсолютной антитезой интенционала $A \leftarrow \bar{A}$ не может быть. Оксюморонные сочетания осмыслены постольку, поскольку 1) контрадикторность A и \bar{A} относительна и снята для данного случая или же 2) имеет место семантический сдвиг в экспликанте или экспликандуме, так что в новых значениях они не антонимичны. Это справедливо для всякого рода сочетаний, в которых имена приписывают несовместимые признаки одному и тому же денотату: подчинительных — одинаково двучленных и многочленных — и сочинительных. Это справедливо независимо от того, связаны ли такие имена прямой синтаксической зависимостью или опосредованной (через другие слова).

Следующие примеры иллюстрируют первый случай:

The miniskirt is a joy to behold,
Coily revealing, racy and bold,
Unashamedly caressing the bounciest charms
Filling the mind with *joyous alarms*.

(R. D. Atherton, The miniskirt)

Ballad of the *Unmiraculous Miracle*. (Название стихотворения, автор — V. Miller).

In my beginning is my end.

(T. S. Eliot, East Coker)

*Though they go mad they shall be sane
... Split all ends up they shan't crack.*

(D. Thomas, And Death Shall Have No Dominion).

*Among familiar things grown strange to me
Making my way, I pause.*

(Edna Millay, *When I Too Long Have Looked*).

It was a matter of immense importance — the sort of *public affair* that has to be kept a very *private affair*.

(G. K. Chesterton, *Pond the Pantaloon*).

Своих отрастей *свободный раб*. /Я просыпаюсь оттого,
Что некто вежливо сонит — /И лапы на постель.

Своих страстей *кабальный князь*. /В рубаху лезу, то-
ропясь,

А некто прыгает, рычит /И рвет поски из рук.

... Ах, двух минут не достает, /Чтоб перемолвиться
словцом!

Прощайтесь, милые, с отцом, /*Службой своих свобод*.

Надежды *вольные рабы* /Теперь помчимся кто куда,
Лишь некто дома будет ждать —

Чего? — вечерних игр. (Дм. Сухарев, Зимнее утро).

бесславный подвиг сотворения тени. (Б. Ахмадулина)

Зачем с разбега бесприютства /влюбилась я в ее чер-
ты

всем разумом — до безрассудства /всем зрением — до
слепоты. (Б. Ахмадулина)

бесечно мучилась душа (Б. Ахмадулина)

спокойная до грусти (А. Векслер)

«*Плохой хороший человек*» (название фильма по
«Дуэли» А. П. Чехова).

«*Маленький большой человек*» (название статьи о ки-
ноактере Л. Дурове).

Ср. также более привычные оксюмороны того же ро-
да: «*поспешай, не торопись; горькая радость, сладкая*
боль, унылый оптимизм» и т. п.

Во всех приведенных примерах оксюморонные соче-
тания осмысляются как обозначения подклассов класса
экспликандума с ограниченной контрадикторностью ин-
тенциональных признаков, снимаемой в конкретных ус-
ловиях.

Примеры формальных оксюморонов с семантическим
сдвигом значения, устранивающим контрадикторность ин-
тенционалов:

Yesterday's silences are much louder.

(D. Anderson, *The Singer Was Dead ...*)

Dark, dark my light, and darker my desire.

(Th. Roethke, In a Dark Time)

*Shape without form, shade without color,
Paralysed force, gesture without motion.*

(T. S. Eliot, The Hollow Men).

*The smile on your mouth was the deadeast thing
Alive enough to have strength to die.*

(Th. Hardy, Neutral Tones)

Living death (идиома, ср./живой труп)

Жизнь не шутка./Но от шуток откажись —
И безжизненной тотчас же/Станет жизнь. (В. Татаринов)

А ведь все получил бы,/Возлюбя ремесло, —

... И бессмертье при жизни,/И посмертную жизнь.

(В. Корнилов)

«Старый новый год». (комедия М. Рощина)

Красноречивое молчание (идиома), *звонкая тишина*.

Примеры типа «loud silence, dark light/звонкая тишина» иллюстрируют частный случай синестезического сдвига в значении экспликантов. «Безжизненная жизнь» означает не жизнь без жизни, а скучная, пресная, вялая жизнь — также сдвиг в экспликандуме. Ср. также «красноречивое молчание» — многозначительное, показательное молчание. «Living death/живой труп, посмертная жизнь», напротив, иллюстрируют сдвиг в экспликандумах. «Посмертная жизнь» — не биологическая жизнь после смерти, а «жизнь» в делах, памяти.

По существу семантика таких сочетаний уже не имеет вид $A \leftarrow A$. Однако эффект оксюморона сохранен во внутренней форме слов. Косвенно антонимичность присутствует в силу взаимодействия значений в семантической структуре слова: слова сочетаются не антонимическими значениями, но последние представлены в их семантических структурах и являются их главными значениями.

6.4.2. 2) $A \leftarrow B$ при $A = \frac{c}{d}$ и $B = \bar{C}$. В этом случае сочетаются слова, интенционалы которых не полностью антонимичны, но содержат антонимичные семы, точнее сказать, антонимичны гипосема экспликандума и интенционал экспликанта. Совокупный смысл сочетания при этом

равен $A \leftarrow B = \frac{\bar{c}}{d}$, т. е. гипосема экспликандума заменяется на контрадикторную. Например:

1) «tell/сказать» — сообщить словами: $\frac{c}{d}$;

«tell without words/сказать без слов»¹ — сообщить без слов: $\frac{\bar{c}}{d}$;

2) «song/песня» — ... музыкальное произведение на слова: $\frac{c}{d}$;

«song without words/песня без слов» — ... музыкальное произведение без слов: $\frac{\bar{c}}{d}$.

Ср. также: «сухонутный моряк, неродной отец (мать), земные орбиты (космонавтов — об их визитах за границу)», «Славные были собаченции! Мы о них грелись. Печки живые!» (А. Казанцев).

Нормально в интенционале атрибутивного сочетания гиперсему составляет интенционал экспликандума, а гипосему — интенционал экспликанта. Здесь же в силу контрадикторности экспликанта и гипосемы экспликандума последняя исключается из содержания сочетания: экспликанту отдается предпочтение перед гипосемой экспликандума. Гиперсема сочетания при этом остается равной гиперсеме экспликандума в его первичном значении. Но теперь ей уже соответствует собственный десигнатор, и неизбежен параллельный семантический процесс: значение экспликандума обобщается, из его содержания исключается гипосема. В самом деле, «tell/сказать» в «tell without words/сказать без слов» уже означает не сообщить словесно», а только «сообщить». Комбинаторно-семантический процесс в целом имеет вид:

$$\frac{c}{d} (A) \leftarrow \bar{C} > \frac{\bar{c}}{D} (= D \leftarrow \bar{C}).$$

6.4.3. Семантическое взаимодействие по формуле $\frac{c}{d} (A) \leftarrow \bar{C} > \frac{\bar{c}}{d} > D \leftarrow \bar{C}$ обнаруживается при условии, что экспликант употреблен в прямом смысле, а экспли-

¹ Ср.: «Актер должен иметь что сказать зрителю, даже если у него роль без слов» (Ст. Е. Леви).

кандум отклоняется от ономаσιологической нормы. Экспликандум в этих случаях, как мы видим, переосмысливается, обобщая свое первичное значение. Если же, напротив, экспликандум используется в своем прямом значении, а экспликанд не соответствует норме обозначения, то переосмысливается этот последний. В его первичном значении погашается антонимический признак, и значение его также обобщается. Процесс в целом разворачивается по схеме: $\frac{c}{d} (A) \leftarrow \frac{\bar{c}}{e} (B) > \frac{c}{d} (A) \leftarrow E$. Ср.: «li-

ving volcano (language, hope, faith, etc.), dead volcano (soil, matter; fingers; eyes; match; ball; river; wine, beer; law; colour; motor, etc.)/живой стиль (речь, краски; отклик, участие; дело и т. д.), мертвый язык (капитал; сезон, тишина и т. д.), морская пехота, свой парень Света, сестра была мне матерью» и т. п.

6.4.4 Таким образом, осмысление сочетаний с антонимической экспликацией предполагает в качестве необходимого условия или различия в экстенционалах антонимических признаков (относительная, ограниченная антонимия имен) или изменения в интенционалах слов (переосмысление экспликандума или экспликанта путем обобщения их первичных значений). В любом случае контрадикторность семантики компонентов оказывается снятой. Однако сохраняется фоновое противопоставление виртуальной семантики слов, что и создает эффект сочетания несовместимых десигнатов.

6.5.1. Теперь обратимся к экспликационным сочетаниям с несовместимыми неантонимическими признаками. Это весьма характерный и наиболее распространенный в поэтическом языке вид негиппликациональных сочетаний. Следует, однако, сразу же уточнить, что и в этом случае несовместимость признаков имеет место только на уровне виртуальной семантики компонентов, а не в конкретной актуализации. Никакое сочетание не может иметь смысла, если в нем сочетаются действительно несовместимые концепты. Осмысленные сочетания расцениваются как негиппликациональные не потому, что в них нарушена логическая норма — в таком случае они просто не имели бы смысла, — а потому, что они отклоняются от нормы ономаσιологической. Если C_1 и \bar{C}_2 — десигнаты имен N_1 и N_2 и вместе с тем принятые в онома-

сиологической норме значения этих имен, т. е. их первичные семантические (семасиологические) функции в смысле Е. Куриловича¹, то атрибутивное сочетание имен в этих значениях образует бессмысленные выражения. Используя те же имена во вторичных, ономасиологически ненормативных значениях геср. C_3 и C_4 , можно, однако, получить осмысленные сочетания при условии, что C_1 и C_4 или C_2 и C_3 или C_3 и C_4 — совместимые концепты. Таким образом, негиппликациональные атрибутивные сочетания с неантонимическими признаками возникают: 1) если экспликандум N_1 является нормативным именем референта D , а экспликант N_2 ненормативным переносным обозначением признака P , совместимого с D , причем нормативно N_2 обозначает признак, не совместимый с D ; 2) если N_1 является ненормативным переносным именем D , а N_2 — нормативным обозначением признака P , совместимого с D , причем нормативно N_1 обозначает референты, не совместимые с признаком P ; 3) если и N_1 и N_2 являются ненормативными именами геср. D и P , причем P также совместимо с D , а нормативные значения N_1 и N_2 несовместимы; 4) если N_2 — нормативное имя P , совместимого, однако не с D , а D_1 (имя N_3), но при $N_3 \rightarrow N_1$ (атрибутивная связь), N_2 подчиняется N_1 по схеме $(N_2 \rightarrow N_3) \rightarrow N_1 = N_2 \rightarrow (N_1 \leftarrow N_3)$ или же имеет место контракция (N_3 опускается) по схеме $(N_2 \rightarrow N_3) \rightarrow N_1 = N_2 \rightarrow N_1$.

Примеры к первому случаю:

О *wind*, *rend open the heat/cut apart the heat,/rend it to tatters/... Cut the heat — plough trough it/turning it on either side/of your path.* (H. Doolittle, Heat).

And the seeds, assuaged, peep from the nested spray.
(R. Eberhart, Now is the Air ...)

*Dawn massing in the east her molancholy army
Attacks once more in ranks on shivering ranks of gray.*
(W. Owen, Exposure)

*The glamour/Of childish days is upon me, my manhood
is cast*

¹ См. Е. Курилович. Заметки о значении, ВЯ, 1955, 4. Ср. также с известными идеями С. Карцевского о «транспозиции семантической стороны языка»: S. Karcevskii, *Du dualisme asymetrique du signe linguistique*, TCLP, 1, 1929 [96].

Down in the flood of remembrance, I weep like a child
for the past. (D. H. Lawrence, *Piano*).

And the *gaunt houses put on majesty*. (W. B. Yeats, *To a Shade*).

Overhead/*The uncomplaining stars composed* their lucid song (W: H: Auden, *Voltaire at Ferney*)

Words strain, / Crack and sometimes *break* under the burden,

Decay with imprecision, will not stay in place,

Will not stay still. (T. S. Eliot, *Burnt Norton*).

The river sweats oil and tar. (T: S: Eliot, *The Fire Sermon*)

I am long weaned./My mouth, puckered on gall,
Sucks dry curd./My thoughts, those sterile watercourses

Scarring a desert. (Brother Antoninus).

The ancient city yawns, drowsy in the musky breeze

Of an Asian evening, creeping from the sea,

Apologetic to curtail this precious day

Of heat, exotic spice, and idleness. (L. J. Bennet, *Impressions of Is tanbul*):

Море смеялось. (М. Горький).

Враги приходили — на тот же стул/Садились и рушились в пустоту.

Их нежные кости сосала грязь./Над ними захлопывались рвы. (Э. Багрицкий)

Мороз в феврале — не мороз в январе.

Он также хрустящ, и блестящ, и напорист,

И так же трескуч, как пылающий хворост,

Но нет бесшабашности в этой игре. (В. Казанцев).

Штиль изнывал. На спокойной воде/*Шхуна дремала*. (В. Коржииков)

Все начинается с снегопада, при *грустных фонарях*,
с кружения снега и изящных силуэтов вокзальной публики... (Б. Ахмадулина).

Ко второму случаю:

The lazy geese, like a snow cloud/*Dripping their snow*
on the green grass. (J. C. Ranson).

The great gold apples of night / Hang from the street's long boughs

Dripping their light / On the faces that drift below.

(D. H. Lawrence, *People*).

There's a blind spot on his excellent mind, or *a cloud comes over his mind* for a moment. (G. K. Chesterton, *Pond the Pantaloon*).

Through throats where many rivers meet, the curlews cry,

Under *the conceiving moon*, on the high chalk hill.

(D. Thomas, *In the White Giant's Thigh*)

I looked into my heart to write/And *found a desert* there.

But when I looked again I heard

Howling and proud in every word/The hyena despair.

(G. Barker, *Summer Song I*).

And I have known the eyes already, known them all

The eyes that fix you in a formulated phrase,

And when I am formulated, sprawling on a pin,

When I am pinned and wriggling on the wall,

Then how should I begin

To spit out all the butt-ends of my days and ways?

And how should I presume?

(T. S. Eliot, *The Love Song of Alfred Prufrock*).

At dusk she *scuttles down the gauntlet of lust*

Like a clockwork mouse. (Ted Hughes, *Secretary*).

Death is an Elephant/Torch-eyed and horrible/

Foam-flanked and terrible. (V. Lindsay).

Медленно в море *кренился закат*/Пристань гудела.

Фыркали сейнеры, рыбкомбинат/Брался за дело.

(В. Коржигов)

Проклюнет *снежные скорлупы*/трава ... (И. Кашежева)

Покрытая *шинелью жухлых трав*,

Земля пропахла горем и махрью. (З. Вальшонок)

К третьему:

...Heaven's great *lamps* do *dive*.

Into their west and straight again revive:

But soon as once *set* is *our little light*,

Then must we sleep one ever during night. (Th. Cam-
pion, 1957—1620, *My Sweetest Lesbia*).

I *wept out the dark load* of human love. (R. Eberhart,
The Soul Longs ...)

A starlit or a moonlit dome disdains/All that man is

All mere complexities,/*The fury and mire of human veins.* (W. B. Yeats, *Byzantium*).

*The gracier knocks in the cupboard,
The desert sighs in the bed,/And the crack in the tea-cup opens*

A lane to the land of the dead. (W. H. Auden, *As I Walked Out One Evening*)

Soft is the cooled night, and cool
These regions where dreamers rule
As *Summer*, in her rose and robe,
Astride the horses of the globe,
Drags, fighting, from the midnight sky,
The mushroom at whose glance we die. (G Barker, *Summer Song II*).

The yellow fog that *rubs its back* upon the window-panes

The yellow smoke that *rubs its muzzle* on the window-panes

Licked its tongue into the corners of the evening,
Lingered upon the pools that stand in drains,
Let fall upon its back the soot that falls from chimneys,
Slipped by the terrace, made a sudden leap,
And seeing that it was a soft October night,
Curled once about the house and fell asleep.

(T. S. Eliot, *The Love Song of Alfred Prufrock*).

Я умчался туда, где за горным хребтом/*Многогорбый старик* — океан.

Разрыдавшись, багровые волны-горбы/*Разбивает* о лбы валунов. (Н. Рубцов).

...И белый пир идет в снегах./Здесь снег с земли не убирают,

Здесь белизны не убивают ... (И. Кашежева).

Четвертый случай уже иллюстрирован выше (раздел 3, § 6.2).

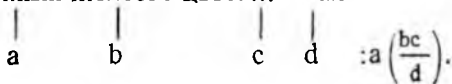
6.5.2. Выше приведены примеры негимпликационных сочетаний, в которых компоненты употреблены вokkaционально-переносных значениях. Но положение не меняется, если вторичное переносное значение представлено в узусе слова и регистрируется словарями. Статус значения в семантической структуре слова, а именно, деление значений многозначных слов на первичные пря-

мые (главные, основные) и вторичные переносные (производные от первичных), отражается на оценке ономасиологической нормативности сочетания. Если m_1^1 и m_2^1 — первичное прямое и вторичное переносное значения N_1 — экспликандума, а m_1^2 и m_2^2 — первичное прямое и вторичное переносное значения экспликанта N_2 , то сочетание $N_1 \leftarrow N_2$ нормативно только в случае $m_1^1 \leftarrow m_1^2$ и ненормативно (содержит фигуру речи) в случаях $m_1^1 \leftarrow m_2^2$, $m_2^2 \leftarrow m_1^1$ и $m_1^2 \leftarrow m_2^2$. Нормативными оказываются только сочетания слов в их первичных прямых значениях. Это необходимый — хотя, естественно, еще недостаточный — признак нормативности сочетания.

Уже говорилось, что ономасиологически ненормативны все употребления слова не в первичном прямом, а вторичном переносном значении независимо от того, является ли это переносное значение только окказиональным или в той или иной мере узуальным. Эффект несовместимости десигнатов возникает в силу «фоновой присутствия» первичного прямого значения и конфликта между актуальным переносным значением и виртуальным прямым. Последнее как бы навязывается слову во всех его актуализациях. Нормативность атрибутивного сочетания оценивается по совместимости экспликандума и экспликанта в их первичных прямых значениях. Если же один или, тем более, оба компонента употреблены во вторичных переносных значениях — известных или неизвестных в узусе — то такое сочетание оценивается как ономасиологически ненормативное, даже если соответствующие десигнаты (концепты) логически совместимы.

Приведем пример негиппликационного сочетания на тот случай, когда оба значения, прямое и переносное, представлены в семантической структуре слова (узуальны). Существительное «gold/золото», наряду с первичным (главным) прямым значением, в котором оно обозначает определенный ценный металл желтого цвета, имеет вторичное переносное значение «нечто ценное, дорогое». Признак «ценный, дорогой» входит в жесткий импликационал первого значения:

m_1 — ценный желтого цвета...металл

Тот же признак составляет интенционал вторичного значения: $m_2 = A$. Теоретически в этом значении слово означает класс вещей с признаком «ценный, дорогой». Однако в силу вторичности значения его номинативная способность ограничена. Обозначение денотатов этого класса именем «gold/золото» ономазиологически ненормативно и расценивается как фигура речи — метафора, ср. «he has a heart of gold, he is pure gold/не человек, а чистое золото» (=человек высоких достоинств). Равным образом в силу «фонового присутствия» главного значения атрибутивные сочетания с словом «gold/золото» во вторичном значении создают эффект соединения несовместимых десигнатов. Экспликант ощущается как негиппликациональный признак, хотя фактически нарушена не логика сочетания концептов, а ономазиологическая норма. Ср.: «black gold/черное золото (о нефти, каменном угле), зеленое золото (о лесе), белое золото (о хлопке водных ресурсах)» и т. п.:

$$\text{black gold: } \frac{\tilde{B}}{A} (= A \leftarrow \tilde{B}).$$

\downarrow
 \tilde{B}

\approx
 A

\downarrow
 A

6.5.3. Как видим, осмысление негиппликациональных сочетаний с несовместимыми неантонимическими признаками предполагает семантический сдвиг, окказиональный или узуальный, в интенционалах экспликанта или экспликандума или в них обоих. В результате сдвига несовместимость их первичных значений оказывается снятой.

6.6. Семантический анализ негиппликациональных сочетаний, составляющих одну из характерных особенностей семантической комбинаторики поэтического языка, приводит к следующему общему выводу: факт их использования не есть свидетельство алогичности поэтического мышления. Они свидетельствуют лишь о ненормативности поэтического выражения сравнительно с обыденным и научным языками. Суть дела — не в нарушении онтологической картины мира, не в искажении реальных связей вещей и свойств, не в своеобразии поэтического видения мира, а в ненормативном выражении. Иначе говоря, суть дела не в том, что вещи, свойства и их связи помыслены аномально, а в том, что они ненормативно выражены. Ненормативен способ выраже-

ния, но логические закономерности сцепления смыслов сохраняют силу. Если десигнат — концепт, связанный знаком, то, строго говоря, здесь не имеет место сочетание несовместимых десигнатов. Сочетаемость норматива на концептуальном уровне и ненормативна на уровне отрабатанной и принятой в коллективном языке нормы связей десигнатов с десигнаторами. Нарушаются нормы обозначения, первичного распределения десигнатов и десигнаторов («первичные семантические функции знаков» по Е. Куриловичу) и происходит «транспозиция семантической стороны знака» (по С. Карцевскому). Нарушаются, таким образом, нормы ономаσιологические, а не логико-семантические.

Выше уже указывалось, что логической нормой атрибутивного сочетания является обозначение подкласса класса экспликандума. Если отвлечься от так называемых аналитических атрибутивных сочетаний (см. выше), нормально экспликант называет признак, конституирующий такой подкласс. Соответственно и атрибутивные сочетания «несовместимых десигнатов» осмыслены постольку, поскольку негиппликациональный экспликант может быть понят как признак, конституирующий некий подкласс своего экспликандума. Это логическое условие *sine qua non* смысла атрибутивных сочетаний. Намеренные нарушения этого принципа лишь используют его непреложность, лишь обыгрывают его, создавая парадоксальные эффекты, но не в силах отменить его. Нарушение оказывается лишь видимостью, оно не затрагивает смысла как такового, а ограничивается областью норм соотнесения содержания с выражением. Осмысление таких ненормативных сочетаний основывается на том же логическом принципе. Как мы могли видеть, в негиппликациональных атрибутивных сочетаниях этот принцип выдерживается ценой изменений в интенционалах и экстенционалах компонентов сочетания.

6.7. В негиппликациональных сочетаниях ярко проявляются некоторые существенные черты естественного языка, отличающие его от языков формализованных. Последние реализуют какую-то завершённую систему готового знания и исходят из предпосылок, что о вещах, свойствах, отношениях и распределении свойств и отношений между вещами известно достаточно. Имена в таких языках также распределяются в строгом соответст-

вии с вещами (имена аргументов) и свойствами — отношениями (имена предикатов), так что интенционалы имен, равно как их экстенционалы и импликационалы чётко и строго очерчены. Без этого формализованный язык не годился бы для той функции, для которой он предназначен, — служить средством построения логически корректных цепей рассуждений в терминах системы готового знания. Всякое негемпликациональное сочетание в формализованном языке есть *contradictio in adjecto* и может свидетельствовать лишь о том, что знание не вполне систематизировано, а язык, его выражающий, не вполне формализован.

Напротив, естественный язык, будучи первичной основой абстрагирующего обобщающего сознания, находится в таком отношении к сознанию и устроен так, что способен обслуживать знание в его становлении, развитии, движении, в незавершенности и неполной систематизированности. Естественный язык предусматривает и такое положение, когда о вещах, их свойствах — отношениях и о распределении свойств и отношений между вещами известно еще недостаточно. Поэтому экстенционалы, равно как и сами интенционалы имен (ср. индуктивно-эмпирическое понятие) подвижны, текучи. (Это одно из отношений, в которых лексику естественных языков следует квалифицировать как открытую систему). Негемпликациональные сочетания в этом аспекте выступают как отражение в языке бесконечности связей объективного мира, как одно из проявлений «текучести» и диалектичности сущностей объективного мира, отсутствия в нем жестких непреложных границ. Вместе с тем в негемпликациональных сочетаниях обнаруживается также и отраженная диалектичность самого сознания. Содержание понятий, их связи, границы их импликационалов оказываются также подвижными. Установление непреложных границ, жесткое определение интенционалов, совершенно необходимое для решения конкретных задач познавательной и практической деятельности человека, вместе с тем сопряжено с известной конструктивацией действительности и оправдывается лишь потребностями определенного уровня познания и определенного круга задач человеческой деятельности. Развитие сознания совершается через конструктивации такого рода и после-

дующее преодоление их узости, неадекватности посредством конструктиваций высшего порядка¹.

В формализованном логическом языке экстенционально-импликационные правила сочетаемости имен должны быть строгими, с тем, чтобы можно было недвусмысленно квалифицировать выражение как истинное, ложное или бессмысленное. Коллокационные правила (см. выше) в формализованном языке излишни. Напротив, естественный язык допускает значительную свободу экстенционально-импликационных правил сочетаемости, а вместе с тем вводит дополнительные правила коллокации, осложняющие норму сочетаемости слов. Норма сочетаемости в естественном языке существует как подвижное правило, возникающее из усреднения знаний о мире и опыта языковой деятельности, оно находится в постоянном движении и подвергается постоянным сдвигам. Осознание сдвига предполагает осознание нормы, и вместе с тем сдвиг представляет собой попытку заменить старую норму новой, более широкой. Привычный сдвиг видоизменяет норму и приводит к тому, что или расшатывает коллокационные ограничения сочетаемости или узаконивает новое значение в узусе слова.

6.8.1. Таким образом, диалектическая природа объективного мира и познавательного процесса предусмотрена строением естественного языка и находит свое отражение, в частности, в возможности осмысленных сочетаний относительно несовместимых десигнатов. Осмысленные негиппликациональные сочетания свидетельствуют о том, что несовместимость десигнатов относительна, ограничена какими-то пределами. В этом аспекте *raison d'être* негиппликациональных сочетаний состоит в интеграции сознанием некоторого более широкого взгляда на мир, в замене какой-то привычной, но узкой и неадекватной картины его связей картиной более сложной и полной.

Свобода экстенционально-импликационных и коллокационных норм сочетаемости, позволяемая естественным языком, максимально используется поэзией. Нестандартность семантической комбинаторики, своеобразие и широта лексической сочетаемости составляют одну из от-

¹ Ср.: Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий [27].

личительных особенностей поэтического языка. Более того, поэзия, по-видимому, непрерывно развивается в этом направлении, и каждый ее последующий этап отличается все большей свободой семантического синтаксиса. Совершается постоянное расширение «допусков» сочетаемости, сочетание семантически «несовместимых десигнатов» становится все более привычным приемом. Поэты сплошь и рядом экспериментируют с негиппликациональными признаками. В целом это неизбежный и необходимый процесс. Поступая таким образом, поэт не просто «облегчает душу выражением», но выполняет общественно необходимую познавательную-языковую функцию — функцию интеграции концептов и элементов объективного мира в глобальном сознании. Указывая новые необычные связи десигнатов, а через них — вещей и свойств, до того считавшихся несовместимыми, разрозненными, он помогает интегрировать их в общей системе связей, отраженных в сознании, и вместе с тем эксплицирует более развитую систему этих связей. Это касается прежде всего чувственно-эмоциональной интеграции десигнатов, но не ограничивается только этой стороной: одновременно развертываются и интегрируются интеллектуально-когнитивные связи десигнатов.

Функция такой интеграции не менее, а может быть, еще более существенна в настоящее время, когда экспоненциальное ускорение общественной жизни сталкивает человека с стремительно возрастающим потоком новых вещей и понятий. Можно предположить, что существует корреляция между экспонентой научно-технического и культурного прогресса человечества и либерализацией семантических норм поэзии.

6.8.2. В другом аспекте негиппликациональные сочетания свидетельствуют об известной неадекватности ономастиологической системы потребным задачам поэтического (художественного) выражения. Отработанная общепринятая система средств обозначения оказывается недостаточной для поэтических целей и неспособна полностью обеспечить специфические задачи поэтического сообщения. Как уже указывалось выше (при разборе контракции), своеобразие коммуникационной задачи в поэзии, специфическая целевая установка (purport) художественного сообщения состоит в том, чтобы предмет сообщения переживался SR соответственно замыслу SR.

Иными словами, в поэтическом сообщении необходимо не только актуализировать в сознании SR некоторое информационное состояние, но и вызвать в нем требуемое субъективно-эмоциональное, прагматическое отношение к предмету сообщения. Поэтому поэзия склонна отбирать такие средства выражения, которые, помимо собственно информационного, интеллектуального, когнитивного компонента смысла, были бы дополнительно нагружены прагматическим, субъективно-оценочным содержанием.

Неадекватность наличной системы ономаσιологических средств поэтическому замыслу может быть обусловлена различными факторами: концептуальное несоответствие наличных имен авторскому замыслу (т. е. отсутствует имя, интенционал и экстенционал которого бы соответствовали идее SR), коннотационное несоответствие наличных имен авторскому замыслу (т. е. отсутствует имя с требуемым эмотивным значением), импликациональное несоответствие наличных имен авторскому замыслу (т. е. не находится имени, импликациональные признаки которого соответствовали бы замыслу поэтического сообщения, так чтобы совокупность содержания отдельного имени ассоциативно согласовывалось с содержанием целого сообщения) и, наконец, несоответствие наличных имен техническим условиям поэтической формы (например, стихотворному размеру, требованиям фонического строя: благозвучию, аллитерации и т. п.). Поскольку поэту приходится учитывать все эти факторы одновременно, то можно оценить сложность задачи поэтического выражения.

Указанная неадекватность имен преодолевается «транспозицией семантической стороны знака» (С. Карцевский [96]), обращением к «вторичным семантическим функциям слов» (Е. Курилович [46]), «метасемиотическим использованием языкового знака» (О. С. Ахманова [17], Э. М. Медникова [49]). Имена употребляются не в нормативных первичных прямых, а вторичных переносных значениях: вступает в дело вторая ступень ономаσιологической системы.

6.8.3. Итак, другой *raison d'être* неимпликациональных сочетаний состоит в том, что это — способ выразить трудно выразимое и обозначить то, для чего в норме нет прямого обозначения. Они возникают тогда, когда для концептов экспликанта и/или экспликандума не нахо-

дится прямого имени, адекватного замыслу SR. Имена экспликанта и/или экспликандума используются в вторичных значениях, соответствуя концептам в замысле SP, а их первичные прямые смыслы создают фоновый эффект сочетания несовместимых десигнагов.

6.9.1. Семантическая транспозиция ставит перед SR задачу правильного осмысления имен. Возможность однозначной семантизации ненормативных имен определяет разумно допустимый предел семантического экспериментирования SP. Негимпликационный характер сочетания сигнализирует SR ненормативность обозначения и побуждает его к поискам смысла. Вторичные значения связаны с первичными весьма разнообразными ассоциативными связями, между ними нет регулярной зависимости. Окказиональные значения, вторично приписываемые именам, не предсказуемы или же только вероятно предсказуемы, если опираться только на знание первичных значений. Положение, однако, радикально меняется, как только значения связываются в цепи осмысленных контекстов. В лингвистике давно замечено и неоднократно по разным поводам указывалось, что относительно небольшой контекст (так называемый минимальный контекст) и условия речевого акта (речевая ситуация) снимают полисемию имен. Но те же факторы не только устраняют многозначность, но и обеспечивают однозначность осмысления имени, в том числе ненормативно используемого. Универсальная, единообразная у всех людей система логических связей концептов, составляющая основу всякого знания, снимает многозначность возможных осмыслений отдельного имени и обеспечивает правильную и единственную семантизацию имен в окказиональных вторичных значениях.

В целом осмысление сообщений с негимпликационными сочетаниями совершается по следующему алгоритму. На первом шаге выявляется какой-то достаточный контекст, позволяющий определить предметно-референционную область сообщения, что, в свою очередь, позволяет судить о том, какие имена употреблены нормативно в первичных значениях, а какие — ненормативно во вторичных переносных. На втором шаге осмысляются ненормативно употребленные имена. При этом совокупное содержание первичного значения такого имени, т. е. относящиеся к нему содержательные интенциональ-

ные и импликациональные признаки, очерчивает область семантического поиска, а логические связи концептов в сообщении указывают направление этого поиска и вынуждают отобрать из указанной области те содержательные признаки, которые логически вписываются в общую картину. Они и составляют содержание вторичного значения ненормативного имени в данном контексте. Ср. с этой точки зрения выдержки поэтических контекстов с негемпликациональными сочетаниями, приведенные выше. К примеру, выражения «the seeds, assuaged, reep from the nested (R. Eberhart)/проклюнет снежные скорлупы трава (И. Кашежева) составляют достаточный контекст для установления и однозначной семантизации ненормативно использованных имен «assuaged, reep/проклюнет, скорлупы»: налившиеся семена прорастают из своего ложа/пробьётся сквозь снежную корку новая трава¹.

Важно заметить, что в описанном процессе ни SP, ни SR не имеют дела с каким-либо новым кодом, отличным от имеющегося. Иными словами, процесс семантизации имен в негемпликациональных сочетаниях не есть процесс дешифровки, при которой от SR требовалось бы раскрыть неизвестный ему код для того, чтобы понять сообщение. И замысел, и осмысление опираются на знание логических связей концептов и соотношений между концептами и знаками в данном языке, т. е. не предполагается знание чего-либо сверх того, что уже известно SP и SR. Успех семантизации, ее соответствие авторскому замыслу вовсе не зависит от раскрытия какого-то особого кода, якобы скрытого в поэтическом тексте. Он зависит от того, насколько соизмеримы системы знания и тезаурусы словарей в голове SP и SR, т. е. от факторов, обеспечивающих коммунибельность всяких текстов у людей, говорящих на одном языке.

¹ В этой связи представляется справедливым взгляд на первичное (основное, главное) значение слова как значение, не определяемое контекстом, а вторичное — как обусловленное контекстом. См.: Е. Р. Курпилович, Заметки о значении слова, а также Ю. С. Степанов, Основы языкознания [479—113]. В самом деле, осмысление контекста, как можно видеть, опирается на первичные значения имен, а имена во вторичных значениях сами осмысливаются с опорой на контекст. Этот взгляд подтверждается и в ассоциативном эксперименте, см. В. В. Левницкий. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова [278].

В связи с этим представляется ошибочной точка зрения У. Вайнрайха, полагавшего, что порождение и понимание всяких нестандартных гиперсемантизированных сообщений сопряжено с принятием особого кода, хотя бы создаваемого *ad hoc*¹. Это справедливо лишь относительно символического иносказания, т. е. таких жанров поэтического сообщения, как притча, басня, аллегория и т. п., где действительно вводится особый код, но никак не справедливо как общий тезис. Объявление всякого образного языка своеобразным кодом мало что добавляет к раскрытию сущности художественного выражения, а скорее лишь демонстрирует силу физикалистских иллюзий, гипнотизм естественно-научной терминологии. Надо подчеркнуть, что если только поэтическое сообщение не ставит символическое иносказание своей намеренной целью, поэзии нет необходимости изобретать специфические коды, а достаточно обратиться к метасемиотическим возможностям выражения, заложенным в средствах общепринятого языка. Использование этих возможностей вовсе не равнозначно созданию особого кода, оно происходит на базе общепринятого кода естественного языка по общим закономерностям мышления и психики, в соответствии с логическими и психологическими нормами ассоциирования концептов в сознании. Смена кода означала бы, что привычным десигнатором естественного языка приписываются несвойственные им в общепринятом коде первичные значения. Метасемиотическое использование языковых средств, однако, не предполагает смены кода в таком смысле и не отменяет общепринятую систему первичных значений. Вторичные значения в текстах существуют на базе первичных и осмысливаются через них. Выразительный образный эффект вторичного обозначения достигается именно за счет взаимодействия вторичного значения с первичным.

6.9.2. Принятие особых кодов в поэзии, не мотивированное потребностями символического иносказания или криптологического выражения мысли, порождает поэтическую «заумь», делает поэзию некоммуникабельной, отнимает у нее качество народности и лишает ее познавательной и прагматической (эстетической и воздействующей).

¹ У. Вайнрайх. О семантической структуре языка [109—169 и след.].

щей) ценности. Поэзия при этом вырождается в бессодержательный формалистический эксперимент. Именно здесь проходит допустимый предел свободы поэтического выражения и, в частности, свободы в способах именования и комбинаторике имен. Семантическое экспериментирование, получившее в современной западной поэзии «небывалое распространение»¹, нередко переходит этот разумный предел. В крайних формах модернистского искусства, таких, как «конкретная поэзия», это экспериментирование доведено до полного обесмысливания выражений² именно за счёт того, что поэты разрушают общепринятый код системы первичных значений естественного языка и изобретают индивидуальные коды *ad hoc*².

Итак, ономастиологическая и комбинаторно-семантическая свобода поэтического языка и связанная с ними свобода негиппликациональных сочетаний небеспредельны, а управляются логико-психологическими закономерностями, общими у SP и SR, и основываются на системе первичных обозначений, также общей у SP и SR. Чрезмерная эксплуатация этой свободы может нарушить разумную меру и сделать поэтическое сообщение (*poetic message*) бессмысленным. Мера семантического экспериментирования определяется возможностью осмыслить сообщение на базе общепринятого кода естественного языка, не прибегая к какому-то специальному коду, создаваемому *ad hoc*, для данного поэтического сообщения. (Часто такой ход не известен никому, кроме его автора, а иногда не вполне понятен и ему самому³).

Если поэт основывается на общепринятой ономастиологической норме естественного языка, то семантический

¹ Ср. У. Вайнрайх, указ. соч., стр. 195.

² См. Проблемы неидиоматической фразеологии, под ред. О. С. Ахмановой и Э. М. Медниковой. Изд-во МГУ, М., 1971, стр. 160—167.

³ К примеру, исследователи поэтики Одена (W. H. Auden) и Элиота (T. S. Eliot) отмечают значительные индивидуальные особенности их образно-символических кодов. В поэзии Одена 1928—36 гг. вода символизирует обновление, животворное начало, города и долины — места современной юдоли, страданий людей, острова — землю обетованную, место избавления от страданий и т. д. У Элиота *drugges* всегда ассоциировано с бесплодной, никчемной, пустой жизнью без цели, веры и надежды. Ср. также анализ Р. Якобсоном условий, при которых могут быть осмыслены заведомо бессмысленные предложения: для осмысления требуется модифицировать код *ad hoc*. R. Jakobson, *Boas' view of grammatical meaning*, «*American Anthropologist*», vol. 61, part 2, 1959, pp. 139—145.

эксперимент оправдан и, по-видимому, является единственной соответствующей специфическим целям поэтического сообщения возможностью выразить, не увеличивая словарь единиц выражения, содержание, для которого в норме не предусмотрено адекватное выражение. Не создавая нового словаря десигнаторов, сверх имеющегося в норме, — так поступил бы ученый, — поэт использует метасемиотические возможности единиц готового словаря, их потенциальный содержательный surcharge. При этом возникают содержательно осложненные, но доступные пониманию гиперсемантизированные сообщения, в которых на единицу выражения приходится больше содержания, чем в норме². Дело в том, что переносные значения имеют богатое (хотя и менее определенное) содержание, чем первичные. Было замечено, что определение переносных вторичных значений включает имена в первичном значении, которые, таким образом, составляют часть содержания вторичного значения³. К этому еще добавляется прагматический компонент содержания, более богатый во вторичных семантических функциях имен, чем в первичных.

6.9.3. При переподчинении и контракции негиппликациональный экспликант семантически достаточно автономен по отношению к своему экспликандуму. Синтаксическая связь между ними формальна и не подкрепляется отработанным отношением десигнатов. Это обстоятельство имеет любопытные следствия для структуры поэтического сообщения, изобилующего негиппликациональными сочтениями такого рода: она расслаивается на внешний (поверхностный) текст и внутреннюю (глубинную) интерпретацию, подтекст сообщения. Внешний текст при этом мозаичен в том смысле, что синтаксические связи слов достаточно формальны и внешняя синтаксическая структура неадекватна имплицитной структуре содержательных связей. Слова лишь заполняют соответствующие позиции (места) во внешней синтаксической структуре, но семантически достаточно автономны от тех связей, которые навязывает им формальный синтаксис. Интерпретация поверхностного текста есть восстановление в пол-

² Ср. У. Вайнрайх, указ. соч., стр. 169—170, 194—191.

³ См. И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования [13].

ном объеме имплицитной структуры логических связей семантических компонентов сообщения согласно авторскому замыслу. Интерпретация в конечном счете ориентирована на воссоздание сообщения в терминах нормативного языка, хотя и не обязательно, чтобы она доводилась до эксплицитного конструирования сообщения в терминах нормы, т. е. необязателен эксплицитный перевод поэтического сообщения в терминах нормативного языка. Она может задерживаться на каком-то уровне внутренней речи, но даже неосознанно норма задает направление интерпретации. При интерпретации восстанавливаются пропущенные имплицитно содержащиеся концепты (имена), происходит перестроение концептов (имен) в логические цепи.

Иллюстрацию удобно начать с русского примера. Возьмем стихотворение Н. А. Заболоцкого (две первые строфы, не влияющие существенно на анализ, опущены):

... Можжевельный куст, можжевельный куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!
В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевельный куст!

Тема ясна: горькое, но «прощающее» воспоминание о разрыве с любимой, изменившей своему чувству; печальным напоминанием и символом разрыва остался можжевельный куст: его зелень также вечна, как чувство поэта, и также колюча, как память о разрыве. Облетевший, безжизненный и пустой сад, напротив, ассоциирован с глубиной переживания утраты. Уменьшительная форма «*садик*» вносит ноту горестного бессилия. Образы сада и можжевельного куста контрастируют как антиподы, параллельные лирическому герою и неверной возлюбленной. Совмещение настолько сильно, что прощение адресовано можжевельному кусту.

Первая и вторая строфы кардинально различны по семантическому строю. В первой много сочетаний несовместимых десигнатов: остывающий лепет (уст.); изменчивые уста; лепет, едва отдающий смолой; лепет, проколовший смертоносной иглой. Во второй сочетаемость почти нормативна, метафоры «*безжизненный сад*», «*золотые*

небеса», и метонимическая контракция «облетевший садик» умеренны и достаточно привычны. Это различие хорошо согласуется с темами и ритмом двух строф. Первая — рассказ о горестном объяснении, и «взбодороженная» сочетаемость коннотирует смятение чувств: эмоциональное потрясение настолько велико, что логика отказывает. Вторая говорит о чувстве горьком, непреходящем, но отстоявшемся, просветленном, и ей соответствует спокойная комбинаторика.

Интерпретация (декодирование) восстанавливает имплицитные концепты (и имена), например: она, (ее) объявление о разрыве, дыхание и смущение говорящей, глубина (его) переживания. Вместе с тем реконструируется логическая связь концептов, например, можжевельный куст: запах смолы, колющие иглы, вечно зелен; она: дыхание, пахнущее смолой; тихая смущенная речь; объявление об «остывающем», «изменчивом» чувстве и т. д. Ассоциирование параллельных образов достигается за счет того, что признаки можжевельного куста приписаны образу женщины: дерево лишь названо в первой строке, а связанные с ним признаки обнаруживаются позднее как предикаты «лепета изменчивых уст». С другой стороны, безжизненность «проколотого смертоносной иглой» возникает как предикат облетевшего сада.

Обратимся к английским примерам:

The apes yawn and adore their fleas in the sun

... Cage after cage seems empty or

Stinks of sleepers from the breathing straw.

(Ted Hughes, *The Jaguar*)

O when I take my love out walking

In the soft frosted stillness of this summer moon ...

(K. Patchen, *O when I take ...*)

В первом примере описывается посещение зоопарка в жаркий день. Свобода семантического комбинирования позволяет автору «спрессовать» в одном предложении несколько мыслей, поступаясь в известной мере логикой и однозначностью выражения: the apes adore their fleas in the sun — обезьяны ловят блох, день солнечный, им нравится и солнце и их занятие; cage after cage stinks of sleepers from the breathing straw — из клеток пахнет, звери спят, зарывшись в солому, солома колышется от их

дыхания. Логика связей восстанавливается из контекста целого при интерпретации.

Второй пример иллюстрирует весьма типичную для поэтического языка свободу синтаксической организации экспликантов — эпитетов, разрешающую самые разнообразные их перестановки в подчинительных структурах. Имена концептов: лето, луна, тихая, мягкая погода, матовый рассеянный свет — связаны друг с другом не столько в соответствии с онтологией вещей, сколько с требованиями техники стиха, желанием (purport) максимально актуализировать в сознании SR одни концепты и оставить в тени другие и т. п.

Гиперсемантизированные сообщения с нарочитым разладом семантических связей требуют для осмысления большего контекста, чем нормативные. Однозначность таких сообщений у SR и SP, естественно, более проблематична. Не исключена множественность интерпретаций и референционная неопределенность. Искусство кодирования таких сообщений состоит, очевидно, в том, чтобы при видимой свободе сочетания концептов в своей совокупности они создавали законченную сеть импликаций, вмещающую все семантические компоненты внешнего текста и исключаящую неопределенность интерпретации. Внешний текст может содержать ключевые компоненты, замыкающие на себя семантическую структуру текста и облегчающие его однозначную интерпретацию. В приведенном стихотворении Н. А. Заболоцкого таким ключом, ориентирующим интерпретацию, служит эпитет *«изменчивые (уста)»*.

Гиперсемантизированные сообщения осмысляются не столько за счет содержания, черпаемого непосредственно из структур внешнего текста, сколько из его интерпретации. Достоинство поэтической гиперсемантизации, впрочем, заключается не просто в экономной компрессии выражаемого содержания, но в невозможности иного адекватного выражения авторского замысла. Ср. следующий пример (говорится о каретах скорой помощи):

Closed like confessionals, they thread
Loud noons of cities ... (Ph. Larkin, Ambulances).

Нормативный синтаксис: Closed like confessionals they thread the (streets of) cities at noon, at which time

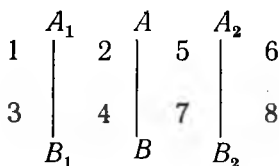
the streets are crowded and, therefore, noisy (X loud) — восстановил бы имплицитные концепты и логические связи, но мы получили бы два содержательно не равноценных предложения. Они, хотя и описывают одинаковое обстояние дел, но соответствуют разным коммуникативным задачам. Второе будет воспринято SR иначе, чем первое: оно соответствует умозрительному, нейтральному восприятию ситуации. В первом же SP и SR сопричастны описываемой ситуации, эмоционально вовлечены в нее. Синтаксис в нем «спешит», но столь же неотложен описываемый факт.

6.10. Подведем общий итог семантической комбинаторики негиппликациональных сочетаний. Сочетания с экспликацией антономических и неантономических несовместимых признаков обнаруживают действие другого комбинаторно-семантического правила — правила дизъюнкции. Суть дизъюнкционного правила состоит в том, что в негиппликациональном сочетании из двух несовместимых признаков выбирается один, а другой погашается. Если экспликант и экспликандум содержат несовместимые семантические признаки, то сочетание может быть осмыслено при следующих условиях. Во-первых, обнаруживается, что несовместимость признаков не абсолютна и не распространяется на данный описываемый факт. Во-вторых, имеет место переподчинение предикатов в цепочках с последовательным подчинением при вынесении или полном устранении посредствующего термина (контракция выражения). При осмыслении контракционных выражений восстанавливается посредствующий концепт и тем самым снимается несовместимость семантических признаков. В-третьих, обнаруживается, что или экспликант, или экспликандум, или, наконец, оба они не «вписываются» в своих первичных значениях в когнитивно-референционную модель сообщения и тогда соответствующее слово переосмысливается таким образом, что устраняется несовместимость семантических признаков. Переосмысливаемое слово при этом или обобщает свое значение или подвергается семантическому сдвигу. Правила конъюнкции и дизъюнкции составляют непреложную логико-семантическую основу комбинаторики экспликационных сочетаний. Нарушение их — лишь видимость, так как ведет к бессмыслице. Мнимая свобода от комбинаторно-семантических правил — не более чем

способ, посредством которого естественного языка, обыгрывая непреложность правил конъюнкции и дизъюнкции семантических признаков, эффективно решают нестрогим образом многообразные и сложные задачи выражения когнитивного и прагматического содержания, не предусмотренные в общем коде первичных значений. В негипотезных сочетаниях имена приобретают вторичные значения, коммуникативность которых зависит лишь от того, насколько они соответствуют общечеловеческим логическим и психологическим закономерностям ассоциирования концептов.

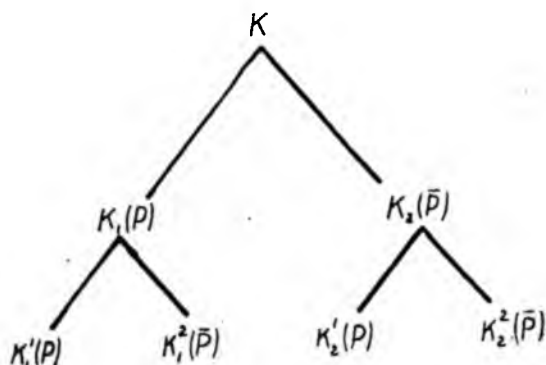
§ 7. ЭКСПЛИКАЦИЯ РАЗНОПОРЯДКОВЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

В естественных языках возможен своеобразный и теоретически весьма интересный класс экспликационных сочетаний с тождественными или несовместимыми антонимическими семантическими признаками, на которые, однако, не распространяются правила конъюнкции и поглощения этих признаков, равно как и имена в таких сочетаниях не переосмысляются. Допустим, имеем структуру объектов (обозначены цифрами) как на схеме:

Относительно центральной оси AB они делятся на левые и правые. В свою очередь, и левые, и правые объекты можно подразделить относительно осей гесп. A_1B_1 и A_2B_2 также на левые и правые. Таким образом, объекты 1, 3 могут быть обозначены как «left/левые левые»; 2, 4 — как «right left/правые левые»; 5, 7 — «left right/левые правые»; 6, 8 — «right right/правые правые». Интенционалы имен «left/левый» и «right/правый» не меняются, но на каждом шаге меняется их экстенционал, так что в сложном имени «left right/левый правый» экстенционал экспликанта составляет часть экстенционала экспликан-
дума.

Итак, оказывается, что возможны такие семантически тождественные признаки P и такие семантически контрадикторные признаки P и \bar{P} , как, например, левый и правый, верхний и нижний, новый и старый и т. п., которые допускают последовательное членение класса K на $K_1(P)$ и $K_2(\bar{P})$, а каждого из этих подклассов на том же основании на $K_1^1(P)$ и $K_1^2(\bar{P})$, $K_2^1(P)$ и $K_2^2(\bar{P})$, т. е. по схеме:

При обозначении и описании таких классов и вещей, к ним относящихся, возникают квазитавтологические и квазиоксюморонные (квазиантонимические) сочетания с явным экспликационным отношением имен типа: 1) «the right right, the beginning of the beginning, the first among the first, (he) loves to love, (he) started to begin, (he) stopped finishing/правый правый, первый из первых, начало начала, (ему) нравится любить, (он) начал закуривать, переставать заканчивать» и т. п.; 2) «the right left, the first among the last, the beginning of the end, (he) likes to hate, (he) began to finish, (he) stopped finishing/правый левый, первый из последних, начало конца, (ему) нравится ненавидеть, (он) кончил закуривать, начинать заканчивать» и т. п. Очевидно, сочетания такого рода возникают, когда P и \bar{P} одновременно и контрадикторные (антонимические) и конверсивные признаки. Осмысление их предполагает, что уяснено соотношение экстенционалов.

Ср. также следующие примеры:

In doubtful *dreams of dreams* (A. Ch. Swinburne,
The Garden of Proserpine)

It is man did it, man! Who *imagined imagination*.
And he did what man can/He *uncreated creation*.

(E. Eberhart, **Maze**)

There is a *law governs their lawlessness* (R. Eberhart,
The Horse Chestnut Tree)

Half the time they are simply *showing off by not showing off*. (G. K. Chesterton, **Pond the Pantaloon**)

Unconventionality is their convention.

(G. K. Chesterton, **The Unpresentable Appearance of Colonel Crane**)

I am *afraid of my fear*. (J. Cornford, **Poem**)

I wake to sleep (Th. Roethke, **The Waking**)

She was *wearied of this tiredness*.

This *wearisome tiredness*/That hung on her shoulders

Like a living thing. (M. Anderson, **Lost Tranquility**)

For if *the watcher of the watcher* shown

There in the distant glass, *should be watched too ...*

(The Gunn, **The Corridor**)

I sat and ate/Some frozen dinner while I watched/

The Late Show, and the *Late Late*. (R. Mezey, **No Country You Remember**).

К кораблям и каютам я *привык привыкать*. (Песня)

... назначить ему наказание *ниже низшего* предела.

(ЛГ, № 27, 1973)

новые новые левые, старые новые левые

(Иностр. лит-ра, 1972, № 19, стр. 218).

В отличие от подлинных тавтологий и оксюморонов типа «oily oil/масляное масло» и «un-oily oil/немасляное масло», выражения этого рода логически вполне корректны. Они не плеонастичны, как «oily oil/масляное масло» или «live a happy life/любить странной любовью», и не бессмысленны, как «un-oily oil/немасляное масло» или «live a happy death/«любить странной ненавистью.» Для того, чтобы описать семантику таких выражений, недостаточно сказать, что значением имени *N* является признак *P*, надо еще ввести понятие «порядок признака». Порядок признака *P* есть такое его свойство, что класс вещей *K* (*P*), образуемый признаком *P*, включает подкласс

K_1 образованный тем же признаком P , но не равный K . В этом случае мы должны сказать, что $P(K)$ и $P(K_1)$ — разные прядки признака P^* .

Не всякий признак имеет свойство порядка, а те, что имеют его можно назвать ранжируемыми. Таковы, помимо указанных выше, все признаки, образующие классы вещей, связанных линейной конверсивной зависимостью, например, признаки «be (a) father, mother/быть отцом, матерью» и т. п. Порядок ранжируемого признака и образуемого им класса удобно обозначать штрихами: P' ; P'' ; K' ; K'' . Если $K' (P')$ включает не только $K'_1 (P'')$, но и $K'_2 (\bar{P}'')$, то по отношению к P' не только P'' , но и \bar{P}'' — признаки одного низшего порядка. Если, к примеру, в каком-то парламенте депутаты делятся по местам (но не партийной аффилиации) на правых и левых, а каждая из этих групп также подразделяется на правых и левых, то правый правый (P'') и левый правый (\bar{P}'') — признаки второго порядка по отношению к правый (P') или левый (\bar{P}').

Различие в порядке семантического признака делает его содержательно не тождественным, хотя по существу это различие только в экстенсionale, а не в интенсionale понятия. Равным образом квазиантонимические признаки разных порядков P' и \bar{P}'' нельзя считать несовместимыми. По этим причинам не действуют правила конъюнкции и погашения: в таких сочетаниях нет тождественных или несовместимых семантических признаков.

В комбинаторно-семантическом плане важно еще заметить, что порядок признака нельзя включить в словарную дефиницию значения слова. Порядок не составляет часть лексического значения отдельно взятого имени ранжируемого признака (равно как и имени класса, образуемого этим признаком). Он оказывается семантическим приращением, возникающим в сочетании слов.

Если строить теорию комбинаторной семантики только на основе разложений лексических значений отдельных слов, как это делает Ю. Д. Апресян [11], то невозможно учесть такого рода семантические приращения сверх словарных значений и нельзя удовлетворительно объяснить,

* Стоит отметить, что понятие порядка признака — семасиологический рефлекс сложнейшей гносеологической и логической проблемы, известной как парадокс Рассела — Цермело. Здесь она решается в духе Расселовской теории типов.

почему в одних случаях правило «зачеркивания» повторяющихся или несовместимых семантических составляющих действует, ср. «live a happy life/любить странной любовью» или «living corpse/живой труп», а в других — нет, ср. «(he) loves to love and hate, the beginning of the end, father's father, father's mother/(ему) нравится любить и ненавидеть, начало конца, отец отца, отец матери».

Квазитавтологические и квазиоксюморонные сочетания наглядно показывают, что следует принять иной подход. Чтобы объяснить объем действия комбинаторно-семантических правил и прогнозировать это действие, мало знать семные составы и структуры сочетающихся лексических значений. Требуется еще и некий минимум сведений о синтаксисе сочетания, а именно, надо знать, 1) есть ли экспликационное отношение между именами, и если есть, то 2) каков порядок совпадающих или несовместимых семантических признаков.

Если мы учтем семантический компонент синтаксического происхождения, названный здесь порядком признака, то станет ясным различие в комбинаторно-семантическом типе подлинных плеоназмов и оксюморонов, с одной стороны, и квазиплеоназмов и квазиоксюморонов, с другой. В «live a (happy) life/любить (странной) любовью» имена содержат однопорядковый тождественный признак, относящийся к описанию одного и того же денотата и поэтому действует правило конъюнкции означаемых, тогда как в «he loves to love/(ему) нравится любить» имена называют разнопорядковые признаки. Такие признаки тождественны только в словаре, но не в сочетании. Поэтому для конъюнкции нет места, хотя оба признака и относятся к описанию одного и того же денотата.

Сходным образом анализируются оксюморон «living corpse/живой труп» и квазиоксюморон «he loves to hate/(ему) нравится ненавидеть»: живой и мертвый (сема в значении «corpse/труп») — однопорядковые несовместимые признаки, сема «мертвый» погашается, так как именно «corpse/труп» употреблено не в первичном значении; «love/нравится» и «hate/ненавидеть» называют в сочетаниях разнопорядковые признаки P' и P'' , и «зачеркивание» не происходит, хотя в одном порядке эти признаки несовместимы.

§ 8. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОМБИНАТОРИКА ЭЛИЗИОННЫХ СОЧЕТАНИЙ

8.1. Введение. 8. 2. Элизионные сочетания слов с тождественными интенционалами: постановка задачи (8.2.1), понятие парно-конверсивных связанных признаков (8.2.2.), референционная модель сочетаний этого типа (8.2.3.). 8.3. Элизионные сочетания слов с тождественными и несовместимыми семантическими признаками и их референционная модель. 8.4. Семантическая комбинаторика элизионных сочетаний: различия в комбинаторике экспликационных и элизионных сочетаний (8.4.1.), конъюнкционное правило в элизионных сочетаниях (8.4.2.), условия употребления атрибутивных сочетаний имен связанных парно-конверсивных классов (8.4.3), дизъюнкционное правило в элизионных сочетаниях (8.4.4.).

8.1. Помимо экспликационных сочетаний с разнопорядковыми семантическими признаками — типа достаточно редкого, имеется другой и обширнейший класс подчинительных сочетаний, в которых зависимое слово также дублирует (полностью или частично) интенционал главного или же содержит антонимические семантические признаки, и которые, тем не менее, 1) вполне корректны логически, 2) обозначают подкласс класса, называемого главным словом и в которых 3) ни одно из имен — ни главное, ни зависимое — не подвергается переосмыслению. Речь идет о неэкспликационных сочетаниях типа «father's father, brother's friend, father's mother, colonel's daughters/отец отца, друг брата, мать отца, дочери полковника» и т. п. Все эти выражения относятся к сочетаниям с лексической элизией имени отношения (см. раздел 2, § 3).

8.2.1. Прежде всего займемся комбинаторикой элизионных сочетаний, в которых интенционал зависимого слова дублирует интенционал главного: son's son, neighbour's neighbour, teacher's teacher, master's master, king of kings, tributary of (a) tributary/сын сына, разг. батин отец, мамина мама, вассал вассала, царь царей, слуга слуги, хозяин хозяина» и т. п. Теоретически возможны *n*-членные цепочки таких зависимостей: «...father's father/отец отца отца ...» Практически даже двучленные цепочки достаточно редки в речи, но и грамматически и

логически они вполне правильны. Поскольку слуга слуги тоже слуга, а царь царей тоже царь и т. д., то потребность в подобных сочетаниях возникает только тогда, когда релевантным оказывается место в линейном ряду зависимостей.¹ Далеко не всякое атрибутивное удвоение имени дает осмысленные выражения. Почему осмысленно, например, «tributary of a tributary/приток притока», но бессмысленно «*river of a river/*река реки», «*branch of a branch/*ветка ветки»? Каким условиям должна удовлетворять семантика имени, для того чтобы его удвоение в атрибутивном непредикативном сочетании давало логически корректное выражение? Или иначе: с именами какого рода классов возможны логически корректные атрибутивные удвоения интенционалов? Очевидно, это возможно лишь для имен конверсивных классов.

8.2.2. В соответствии с определениями теории множеств будем различать два рода отношений: симметричные и несимметричные. При этом будем говорить, что отношение *R* симметрично, если статус аргументов в этом отношении одинаков. Напротив, отношение *R* несимметрично, если статус аргументов в этом отношении различен. Например, если *x* и *y* связаны отношением соседства, то их статус в этом отношении одинаков: и тот и другой — соседи, поэтому отношение соседства симметрично. Если же *x* и *y* связаны, скажем, торговым отношением, то их статус в таком отношении не одинаков: *x* продает, *y* покупает. Поэтому отношение торговли несимметрично. Заметим, что такие понятия, как агент — объект — инструмент — посредство — адресат и т. д. действия, ни что иное как обобщенные категории статуса аргументов в несимметричных отношениях.

¹ Заметим, что наряду с сложными терминами родства могут быть однословные термины близкой семантики. Хотя «father's father /отец отца ≠ grandfather/дед» («grandfather/дед» = «father's/mother's father /отец отца/ матери»), но часто ли это различие существенно?

Многочленных сочетаний типа «father's father's father /отец отца отца», а также типа «mother's father's mother/мать отца матери» и т. п. (см. ниже) избегают, по-видимому, не только по стилистическим причинам, но и потому, что они недостаточно обобщают: в них нет обобщения уровней иерархии (см. с рядом «son—father—grandfather — great grandfather/сын — отец — дед — прадед» и т. п.), а поэтому обращение с ними затруднительно.

Если вещи D_1 и D_2 связаны несимметричным отношением R и в этом и только этом отношении им присущи признаки $\text{resp } P_+^1$ и P_-^2 , то такие признаки будем называть связанными парно-конверсивными признаками. Нетрудно видеть, что семантическое содержание связанного парно-конверсивного признака составляется из понятия некоего несимметричного отношения и некоего статуса аргумента в этом отношении. О таких признаках можно сказать, что они каузируют отношение R и сами каузируются этим отношением. Соответствующие классы вещей $K^1(P^1)$ и $K^2(P^2)$, а также имена классов $N^1(K^1)$, $N^2(K^2)$ и имена свойств $N_1^1(P^1)$, $N_1^2(P^2)$ будем называть парно-конверсивными resp. классами, именами классов и именами свойств, ср. «master—servant, father—son/daughter, mother—son/daughter, giver—taker, seller—buyer, seller—commodity (goods), buyer—commodity (goods); buy—sell, sell—be sold, buy—be bought; interesting—interested, curious (idler)—curious (case)/отец—сын/дочь, мать—сын/дочь, вассал—сюзерен, продавец—покупатель, продавец—товар, покупатель—товар; продавать—покупать, продавать—продаваться, покупать—покупаться; интересный—интересующийся, любопытный (=интересный)—любопытный (=интересующийся) и т. п. О парности приходится говорить, с тем чтобы отличить конверсивы, возникающие в отношении R от конверсивов в отношениях R^1 , R^2 и т. д., не идентичных R . Так, *муж* и *жена*—парные конверсивы, а *муж* и *теща*—просто конверсивы (непарные).

Поясним теперь, почему необходимо говорить о связанных парно-конверсивных признаках. Допустим, имеется цепочка вещей D_1, D_2, D_3 , последовательно связанных идентичным отношением R : $D_1 R D_2 R D_3$, и D_1 так же относится к D_2 , как D_2 к D_3 . Тогда D_1 и D_2 имеют идентичный конверсивный признак P^1 : но у D_1 он существует в отношении к D_2 , а у D_2 —к D_3 . Вместе с тем, D_2 и D_3 имеют другой идентичный конверсивный признак P^2 , парный с P^1 , но у D_2 признак P^2 возникает в отношении к D_1 , а у D_3 —к D_2 . Таким образом, D_2 обнаруживает оба парных конверсивных признака P^1 и P^2 , но эти признаки по определению не связаны: они существуют в отношениях D_2 к разным вещам, хотя эти отношения и идентичны.

По условию конверсивов не может быть вещи и класса вещей с двумя связанными конверсивными признаками, т. е. $K(P_+, P_-)$. Однако могут быть вещи и классы вещей, как D_2 , обладающие несвязанными парно-конверсивными признаками, т. е. $K(P^1, P^2)$.

8.2.3. Референционную модель сочетаний типа («...father's) father's father/отец отца (отца...)» обобщенно можно представить следующим образом. Если денотаты $D_1, D_2, D_3 \dots D_n$ попарно связаны одинаковым отношением R и образуют линейный ряд, такой, что $R(D_1 \text{ к } D_2) = R(D_2 \text{ к } D_3) \dots = R(D_{n-1} \text{ к } D_n)$, но не иначе, то все члены этого ряда, кроме D_1 , обнаруживают конверсивный признак P^1 и принадлежат к одному классу $K^1(P^1)$ и все члены этого ряда, кроме D_n , обнаруживают парный конверсивный признак P^2 и принадлежат к одному классу $K^2(P^2)$, а также все члены этого ряда, кроме D_1 и D_n , обнаруживают парные несвязанные конверсивные признаки P^1 и P^2 и принадлежат к одному классу $K^3(P^1, P^2)$. Если теперь введены имена N^1 для K^1 и N^2 для K^2 , то D_i , при условии, что релевантно место в ряду, может быть обозначен как $N^1_1 + N^1_2 + \dots + N^1_{i-1}$ или как $N^2_1 + N^2_2 + \dots + N^2_{n-i}$, где $+$ обозначает атрибутивную связь. Образующиеся при этом сочетания являются также и сложными именами соответствующих подклассов K^1 и K^2 . Ср.:

1) master	servant	servant's servant
хозяин	слуга	слуга слуги
D_1	D_2	D_3
	servant's servant's servant,	
	слуга слуги слуги	
	D_4	
2) master's master's master	master's master	
хозяин хозяина хозяина	хозяин хозяина	
D_1	D_2	
master — servant		
хозяин — слуга		
D_3	D_4	

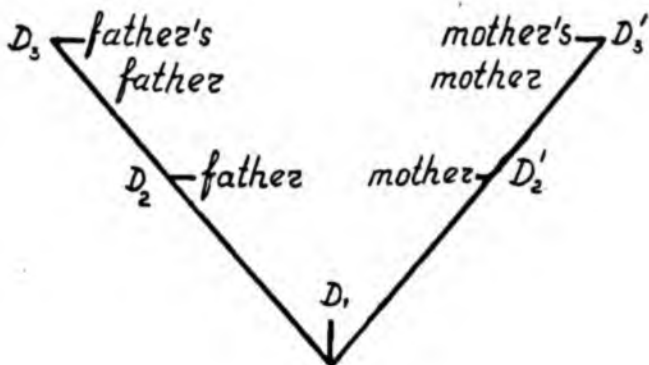
где P^1 —быть слугой, P^2 —быть хозяином, K^1 —слуга, K_2 —хозяин, N^1 — «servant/слуга», N^2 — «master/хозяин». В первом ряду члены квалифицируются относительно D_1 ,

во втором — исходный пункт квалификации определяется $D_n (=D_4)$.

Сочетания рассматриваемого типа осмыслены постольку, поскольку для имен конверсивных классов возможна указанная референционная модель. Если же она им не свойственна (ср. *продавец — покупатель, хозяин — гость, получатель — отправитель, писатель — читатель, рассказчик — слушатель* и т. п.), то, естественно, не отмечаются и атрибутивные удвоения.

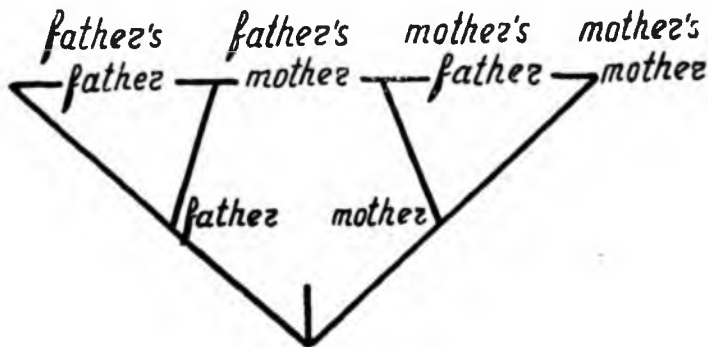
8.3. Наконец, имеется класс корректных атрибутивных непредикативных словосочетаний, в которых экспликант дублирует часть интенционала экспликандума. Это выражения типа «*father's mother, mother's father, son's daughter, daughter's son/мать отца, отец матери, дочь сына, сын дочери*» и т. п. Теоретически возможны n — членные цепочки таких зависимостей: «... *son's daughter's son/сын дочери сына...*», «... *daughter's daughter's son/сын дочери дочери...*». Практически уже трехчленные редки, хотя и логически и грамматически они вполне корректны.

Референционная модель сочетаний этого типа имеет вид ветвящейся иерархии. Обобщенно ее можно представить так. Если, помимо рассмотренного ряда денотатов $D_1, D_2...D_n$, существует второй ряд $D_1, D_2^1, D_3^1 ... D_n^1$, для которого справедливо все, что было сказано о первом, то все члены первого и второго рядов, кроме D_1 , принадлежат к одному классу $K^1 (P^1)$ и могут быть обозначены N^1 . При этом, однако, возникает необходимость различения рядов. Если все члены первого ряда, кроме D_1 , обладают, помимо общего конверсивного признака P^1 , таким общим неконверсивным признаком P^3 (для D_1 признак P^3 иррелевантен), то все они, кроме D_1 , принадлежат к одному классу $K^3 (P^1, P^3)$, имя N^3 . Если также все члены второго ряда, кроме D_1 , обладают, помимо общего конверсивного признака P^1 , также общим неконверсивным признаком P^4 (для D_1 этот признак также нерелевантен), то все они, кроме D_1 , относятся к одному классу $K^4 (P^1, P^4)$, имя N^4 . Нетрудно заметить, что N^3 и N^4 — эквинимы при гиперониме N^1 : P^1 — их общая содержательная часть, а P^3 и P^4 — различительные признаки. Ср.:

(где N^1 — parent, N^2 — child, N^3 — father, N^4 — mother).

Допустив далее, что не только D_1 , но и любой член в такой схеме может служить исходной точкой двух таких же рядов, мы получаем разветвленную иерархию, в которой каждое место, кроме D_1 , может быть описано относительно D_1 именами N^3 и N^4 и различными их атрибутивными комбинациями. При этом каждый член разветвленной иерархии конверсивных зависимостей получает свое особое обозначение.¹ Ср.:

¹ В общем случае, представляющем, по-видимому, только логический интерес, следовало бы говорить о ветвлении не на два, а на n рядов при n уровнях. Но и тогда для отличительного обозначения любого члена иерархии рассматриваемого рода было бы достаточно комбинаторики из n имен ветвей.

Поскольку N^3 и N^4 — эквонимы, то при их атрибутивном сочетании дублируется гиперсема главного и зависимого слов, т. е. общая категориальная часть их интенционала: father—male parent, mother—female parent, father's mother—male parent's female parent; daughter—female child, son—male child, daughter's son—female child's male child и т. п.

Обратим внимание на то, что атрибутивные сочетания, содержащие имена классов с общей категориальной частью интенционалов, оказываются логически корректными на уровне сигнификативных значений, если, как и следует из описанной выше референционной модели, 1) оба слова — имена конверсивных классов, 2) оба слова — не имена парно-конверсивных классов.

8.4.1. Правила конъюнкции тождественных и дизъюнкции несовместимых семантических признаков не распространяются на сочетания с элизией имени отношения. Несмотря на полное (как в «father's father/отец отца») или частичное (как в «mother's father/отец матери» — общая сема «родитель») совпадение интенционалов, тут невозможна конъюнкция повторяющихся сем. Равным образом нет в них и дизъюнкции, выбора одной из несовместимых сем (ср. «mother's father/отец матери, colonel's daughters/дочери полковника» — имена содержат несовместимые семы пола). Причина состоит в том, что в элизионных сочетаниях имена называют не вещь и ее признак, а две разные вещи — аргументы какого-то отношения. Семантические признаки не взаимодействуют, поскольку они относятся к описанию разных вещей.

Семантика элизионных сочетаний описывается не на уровне семных разложений и семных структур слов — компонентов, а на уровне целых их лексических значений. Иными словами, для того, чтобы понять, прогнозировать и описать результирующее значение элизионного сочетания имен, нет нужды опускаться на уровень компонентного анализа их значений.

8.4.2. Тем не менее и в элизионных сочетаниях действует некоторая особая разновидность конъюнкционного правила. Действие этого правила обнаруживается в том случае элизионных сочетаний, когда оба аргумента отношения квалифицированы и поименованы по этому отношению: «husband's wife, servant's master, master's ser-

cant, son's father, seller of goods, composer (author) of (the) composition, employees' employer/жена мужа, хозяин слуги, слуга хозяина, отец сына, торговец товаром, сочинитель (автор сочинения, начальник подчиненных» и т. п. Ср. также: God Phoebus was a merry lad,/Courtred my mother's daughter. (J. MacPherson, Sibilla) My mother's daughter=I.

«Мужайся сердце до конца:/И нет в творении творца
И смысла нет в мольбе! (Ф. Тютчев).
«Муж моей жены» (название спектакля).

Речь, таким образом идёт об атрибутивных сочетаниях имен связанных парно-конверсивных классов. На сигнификативном уровне такие сочетания явно плеонастичны. Как и аналитические сочетания типа «predatory tiger/хищный тигр», они не образуют имен классов (точнее, подклассов), отличных от обозначенного главным словом:¹

seller/торговец — тот, кто торгует (чем-то);

commodity/товар — то, чем торгует (кто-то);

seller of commodity/торговец товаром — тот, кто торгует тем, чем (он) торгует.

seller's commodity/товар торговца — то, чем торгует тот, кто (им) торгует

son/сын — прямой потомок мужского пола

mother/мать — прямой предок женского пола

mother's son/сын матери — прямой потомок мужского пола прямого предка женского пола

son's mother/мать сына — прямой предок женского пола прямого потомка мужского пола.

Парно-конверсивные связанные признаки, содержащиеся в интенционалах главного и зависимого слов, жестко имплицируют один другой. $K_1(P_+)$ обязательно предполагает $K_2(P_-)$. Описание $K_1(P_+)$, имя N_1 , через

¹ По условиям конверсивов не может быть класса $K(P_+, P_-)$, т. е. класса вещей с связанными парно-конверсивными признаками. Что касается класса $K(P_1, P_2)$, т. е. класса вещей с несвязанными парно-конверсивными признаками, то для их обозначения используются сочетания не с атрибутивной, а аппозитивной связью (тип «servant mather, ruler slave/хозяин — слуга, раб — властитель»).

$K_2(P_-)$, имя N_2 , не может что-либо добавить к содержанию имени N_1 , так как это отношение заложено в интенционале N_1 . К примеру, факт, описываемый сочетанием «муж моей жены» сводится к тому, что говорящий женат.

Однако импликация, существующая между парно-конверсивными связанными признаками, отлична от обычной жесткой импликации двух признаков тем, что признаки принадлежат не одной, а двум разным вещам. Поэтому этот случай нельзя полностью свести к комбинаторно-семантическим правилам экспликационных сочетаний. Во всяком случае он не может быть описан как дизъюнкция несовместимых семантических признаков. Условием дизъюнкции является подчинительное сочетание, в котором разные имена содержат несовместимые семантические признаки, приписывая их одной вещи. При дизъюнкции один из таких признаков погашается, а другой заступает вместо него в семантике сочетания. Здесь же связанные парно-конверсивные признаки не только исключают друг друга (в одной вещи), но и взаимно предполагают друг друга (в разных вещах). Поскольку P_+ и P_- приписаны разным вещам, для дизъюнкции нет места.

Рассматриваемый случай ближе конъюнкционному правилу комбинаторно-семантического взаимодействия. При конъюнкции тождественных семантических признаков не отдается предпочтения какому-либо из них. Ни один из них — ни в экспликандуме, ни в экспликанте — не погашается. Они сплавляются в один признак: Дважды названное мыслится как одно и принимается в расчет одинажды. В нашем случае, хотя признаки не тождественны и приписаны разным вещам, они связаны жесткой импликацией. Сходство, таким образом, состоит в том, что в обоих случаях сочетания семантически избыточны. Экпликант в одном случае и зависимое слово в другом не сообщают новой информации о денотате *resp.* экспликандума или главного слова. Различие же — в том, что в одном случае конъюнкция основана на простой прямой тавтологии, а в другом — на сложной тавтологии от противного (ср. «married wife/замужняя жена» и «husband's wife/жена мужа»).

Сами конверсивные признаки есть как бы рефлекс отношения в свойствах аргументов. Фиксируясь в лексических значениях имен классов по отношению, они описы-

вают не только отношение, но и способ участия аргумента в отношении, его статус в отношении. Иначе сказать, содержательно конверсивный признак — это отношение плюс статус одного из аргументов этого отношения: агент, объект, инструмент, посредство, адресат и т. д. и т. п. (ср. *seller — buyer — commodity, employer — employee, superior — inferior/продавец — покупатель — товар, отправитель — получатель, начальник — подчиненный*) и т. п.

Если в занимающих нас сейчас сочетаниях восстановить имя отношения (т. е. трансформировать их таким образом, что имя отношения будет выражено лексически вне имен аргументов), то семантически избыточными могут оказаться имена обоих аргументов. Причина состоит в том, что имя отношения выражает не только отношение аргументов, но может указывать и статус аргументов в этом отношении. В таком случае оказываются избыточными парно-конверсивные связанные признаки в лексических значениях имен обоих аргументов. Например, «*a mother gave birth to a son/мать родила сына*» значит не более чем «*a woman gave birth to a boy/женщина родила мальчика*»,¹ «*a servant serves to a master/слуга служит у хозяина*» значит всего лишь *x serves to y/x служит у y* и т. п. Нет, однако, необходимости формулировать особое комбинаторно-семантическое правило для таких трехчленных конструкций. Для них достаточно правил комбинаторики экспликационных сочетаний: лексические значения имен аргументов взаимодействуют порознь с лексическим значением имени — многоместного предиката по правилам конъюнкции тождественных семантических признаков, ср. «*a mother gave birth...=a woman gave birth.../мать родила=женщина родила*», «*... gave birth to a son=gave birth to a boy/родила сына=родила мальчика*».

8.4.3. Атрибутивные сочетания имен связанных парно-конверсивных классов, при всей их избыточности, достаточно обычны в речи. Не говоря уже о нарочитом ис-

¹ Во избежания недоразумения надо заметить, что в русском языке выражения, вроде «*мать родила сына*» допускают два осмысления: 1) женщина родила мальчика, 2) (чья-то) мать родила мальчика. Во втором случае, семантически менее избыточном и поэтому более нормативном, имена «*мать*» и «*сын*» наделены парно-конверсивными, но не связанными семантическими признаками.

пользовании логического круга таких сочетаний ради комического эффекта (ср. «*my mother's daughter/муж моей жены*»), следует отметить два случая ординарного их употребления. В первом случае зависимое слово имеет ограничивающее определение, как в «*cruel master's servant/слуга жестокого хозяина*».

В силу корреляции между денотатами парно-конверсивных классов сочетание обозначает подкласс экспликандума, парный подклассу, называемому зависимым словом с определением. Во втором случае экспликандум, также как и экспликант, имеет денотативное значение, причем индивидуальные признаки денотата экспликандума выявляются через корреляцию с денотатом экспликанта (тип «*this master's servant/слуга (этого) хозяина*» и т. п.). Благодаря корреляции между денотатами двух классов возможно идентифицировать денотат одного из классов через парный ему денотат другого класса.

8.4.4. Возможны, наконец, и такие элизионные сочетания, в которых создаются условия для дизъюнкционного правила. Если для денотатов имен в их первичных значениях невозможно отношение, которое им приписывается в элизионном сочетании, то при семантизации такого сочетания надо переосмыслить какое-то имя так, чтобы получить концепты совместимых аргументов. Несовместимость аргументов семантически отражается в том, что в значениях имен содержатся несовместимые признаки. При осмыслении таких элизионных сочетаний в первичном значении имени, не соответствующего ономастиологической норме, погашается семантический признак, обуславливающий несовместимость аргументов. Тем самым несовместимость аргументов устраняется, а значение имени обобщается. Комбинаторно-семантический процесс следует формуле: $\left(\frac{c}{d}\right) R (\tilde{C}) > (D) R (\tilde{C})$, где R — символ элизионного отношения, c и \tilde{C} — несовместимые семантические признаки, запрещающие для аргументов $A\left(\frac{c}{d}\right)$ и $B(\tilde{C})$ отношение R . Ср. «*air (space) ship/воздушный (космический) корабль*»: «*ship/корабль*» — $\underbrace{\text{водное}}_c \underbrace{\text{транспортное средство}}_d$; $\frac{c}{d}$;
«*air (space)/воздушный (космический)*»: \tilde{C} ;

элизионное отношение $R \approx$ «intended for/предназначенный (для)»;
 «air (space) ship/воздушный (космический) корабль»:
 $(D)R(\tilde{C})$.

Значение «ship/корабль» обобщается, слово уже не означает «водное транспортное средство», а «транспортное средство» вообще, поскольку концепт «воздух (космос)» имеет в сочетании собственный десигнатор. Обобщенное значение может остаться окказиональным, а может, как в приведенных примерах, быть фиксировано в узусе наряду с первичным. В последнем случае новое значение отвлекается от сочетания, становится частью семантической структуры слова и само служит базой для новых сочетаний, ср. «spaceship/космический корабль».

В частном случае несовместимая сема не исчерпывает интенционал имени аргумента B , а составляет только часть его, например, $B = \frac{e}{\tilde{c}}$ Но комбинаторный процесс

существенно не меняется: $(A)R(B) > \left(\frac{c}{d}\right) R\left(\frac{e}{\tilde{c}}\right) > (D)R\left(\frac{e}{\tilde{c}}\right)$. Ср. «ship of the desert/корабль пустыни»:

«desert/пустыня» — песчаная суша: $\frac{e}{\tilde{c}}$

«ship of the desert/корабль пустыни»: $(D)R\left(\frac{e}{\tilde{c}}\right)$.

Таким образом, правило дизъюнкции несовместимых семантических признаков распространяется и на элизионные сочетания, но только в том специальном случае, когда несовместимые признаки запрещают именно то отношение, которое связывает аргументы элизионного сочетания. Во всех прочих случаях несовместимость семантических признаков иррелевантна для элизионных сочетаний, поскольку они (признаки) относятся к описанию разных вещей.

(лекция 15)**I**

1.1. Значение есть концепт, связанный знаком. Между знаками и значениями нет изоморфного отношения, а есть сложные перекрещивающиеся корреляции. Выражение одного и того же концепта-понятия может быть распределено между различными десигнаторами, в том числе десигнаторами разных уровней языковой структуры. С другой стороны, один десигнатор используется для выражения различных концептов, содержательно сходных (полисемия) или далеких (омонимия).

Гомоморфные системы корреляций между концептами и десигнаторами своеобразны в каждом языке, и только в этом смысле имеют утверждения о своеобразии семантических, в том числе и лексико-семантических, систем и структур разных языков. Языки не в состоянии творить значения сообразно специфике своих структур. Они не могут создавать концептуальные единицы, дискретизация и структуризация которых была бы обусловлена строем языка, его индивидуальным покровом, ибо нет никакой потребности в концептуальных единицах и структурах такого рода. Когда говорят, что значения каких-то корреспондирующих единиц, в том числе и лексические значения, своеобразны в каждом языке, это прежде всего имеет тот смысл, что на данных участках системы корреляций между концептами и формами выражения в двух языках своеобразны. Но это не должно быть понято в том смысле, что в каждом языке располагают и оперируют разными концептами и концептуальными системами.

Дискретизация и структуризация значений реально обусловлена дискретизацией и структурой действительности и человеческой деятельности (опыта). Планы содержания в двух языках настолько сходны и различны, насколько велика общность или различие в совокупной общественной практике и условиях жизни двух народов. Своеобразны не столько сами значения, сколько способы их выражения, системы корреляций между значениями и знаками.

1.2. Полисемия — конститутивное свойство первичных (естественных) языков, возникающее из необходимости выразить бесконечное через конечное. Многозначность — отражение в языке многообразия и единства мира и проявление способа, которым мы познаем мир, сводя многообразное к единому. Основания демаркации полисемии также коренятся в структуре человеческой деятельности, в релевантном для человеческого опыта квантовании действительности, фиксируемом сознанием в виде его дискретных единиц — концептов.

1.3. Трудности демаркации полисемии обусловлены рядом причин. Словесные (первичные) знаки связываются не только с дедуктивно-логическим аспектом понятия, но и понятием в его индуктивно-эмпирическом аспекте и в этом случае у них нет жестко определенного содержания с четкими границами. Импликационал понятия вовлекается в значение слова. Кроме того, соответствующие предметные области порой недостаточно разработаны и освоены в опыте, так что содержание и соотношения понятий сами оказываются нечеткими, расплывчатыми. Наконец, связи между десигнаторами и концептами варьируют в широком диапазоне от прочных общепринятых узуальных до слабых разовых окказиональных. Номинативные системы естественных языков имеют двуступенчатое строение и помимо корреляций между десигнаторами и первичными их значениями содержат также правила содержательного ассоциирования, позволяющие приписать десигнатору — при соблюдении определенных дополнительных условий — широкий диапазон вторичных значений.

Поэтому описание семантики слов, фиксирование свойственных им значений неизбежно связаны с известным огрублением, схематизацией, конструктивацией действительного положения вещей.

1.4. Возможны и используются два рода методов демаркации полисемии: содержательные и формальные. В первом случае задача сводится к тому, чтобы дать в той или иной форме определения значений и сравнить их содержание и структуру. Для этого обращаются к дедуктивно-логическому аспекту выражаемых словом понятий, т. е. определяют и сравнивают интенционалы значений.

Во втором случае используют формальные рефлексy содержательных различий: обращаются к различиям в дистрибуциях, валентностях, трансформациях, субсти-тутах (равнозначных или антонимических) и переводах и сообразно этим различиям демаркируют значения. С логической стороны формальные методы содержат круг. Для того, чтобы установить, какие различия в дистрибуциях, валентностных формулах и т. д. диагностируют разные значения, надо прежде знать эти значения, т. е. иметь в голове соответствующие концепты. Не различия в значениях проводятся соответственно различиям в дистрибуциях, валентностях и т. д., а наоборот.

1.5. Между тем результаты, получаемые формальными методами, имеют бесспорное большое значение для лингвистики и не только как средство корректировки практического членения многозначности. Если отказаться от ложной их интерпретации, не преувеличивать их возможности и правильно представлять их методологические основания, то мы увидим их в иной перспективе: они лежат на магистральном направлении лингвистики, так как непосредственно имеют дело с установлением корреляций между содержанием и формой, десигнаторами и значениями, структурами языка и структурами мысли.

2.1. Стабильность полисемии и содержательная определенность отдельных словозначений справедливы лишь в вероятностном смысле. На деле они являются лингвистическими конструктами, необходимыми для определенных целей (например, создание словарей, обучение лексике и т. п.). Описывая семантику словесных знаков, мало еще указать перечень обнаруживаемых в узусе значений, их содержательные связи и статутные признаки. Надо еще описать общие закономерности содержательного варьирования слов, которыми определяются окказиональные флактуации узуальных значений, диапазон их возможных ассоциативных переосмыслений.

2.2. Содержательное ядро виртуального словозначения составляет дедуктивно-логическое понятие с жестко детерминированным составом и структурой содержания, называемое интенционалом значения. Интенционалы позволяют соотносить и систематизировать значения, определять их семантический состав и структуру (производить их компонентный анализ).

Но характерной особенностью естественных языков является способность их знаков соотноситься с понятием в его индуктивно-эмпирическом аспекте. Понятие в этом аспекте не имеет жестких и четких границ, ему свойственна стохастическая структура содержания, оно иррадирует связи, охватывающие в конечном счете все знание. Благодаря этому к значению словесного знака подключаются семантические признаки из импликационала понятия. Импликационалом называем совокупность семантических признаков, совместимых с данным понятием (сверх его интенциональных признаков). Связи этих признаков с интенционалом понятия могут быть жестко детерминированными (жесткий, или обязательный импликационал значения), сильно-вероятностными (сильный импликационал) или свободными (слабый, или свободный импликационал). В последнем случае обязательна связь между понятием и основанием признака, вероятности же возможных признаков по данному основанию оцениваются как приблизительно одинаковые. К примеру, вода обязательно имеет некоторую температуру, чистоту, вкус и т. д., но будет ли она холодной, прохладной, теплой или горячей, прозрачной, мутной или грязной, вкусной или невкусной — все это дело случая. Основание признака обязательно, но значения (в математическом смысле), которые принимают признаки по этому основанию, оцениваются в общем как равновероятные.

Наконец, совокупность признаков, не совместимых с интенционалом значения, образует его отрицательный информационный потенциал, или негимпликационал значения.

2.3. Интенционал и импликационал значения составляют когнитивный или семантический (в иной терминологии также — денотативный) компонент содержания словесных знаков. На него дополнительно наслаивается прагматический, субъективно-оценочный компонент содержания, называемый коннотационалом (эмоционалом) значения, или просто прагматическим (коннотативным, эмотивным) значением.

2.4. Классификационные соотношения интенционалов значений позволяют выявить их состав и структуру. Значение при этом описывается по месту в некоторой иерархии понятий. Структура всякого понятия, кроме элемен-

тарных понятий предельных высшего и низшего уровней обобщения, содержит две части, связанные гипер-гипонимическим (категориально-спецификационным, родовым) отношением. Концепт как составную часть какого-то понятия именуют семей. Две части структуры понятия (=сигнификативного значения) названы «гиперсема» (родовой, категориальный семантический признак) и «гипосема» (видовой, спецификационный признак). Соответствующие имена называют по отношению друг к другу «гипероним» и «гипоним». Гипонимы одного ряда названы по отношению друг к другу эквонимами.

Выявление компонентных составов и структур удается осуществить с той мерой четкости, с какой в опыте и действительности структурирована та или иная предметная (денотатная) область.

3.1. Значения одного слова связаны общностью содержания и взаимодействуют в процессах порождения и понимания речи (выбора и осмысления слов). Кроме того, их связывают соотносительные статутные признаки. В совокупности они образуют семантическую структуру слова, в которой определенные (но не любые) значения связаны друг с другом по содержанию. Эти связи составляют схему, каркас семантической структуры слова и могут быть представлены графически. Помимо содержания и содержательных связей каждое словозначение характеризуется соотносительными статутными признаками как элемент системы номинативных средств языка.

В целом семантическую структуру слова можно определить как схему содержательных связей словозначений совокупно с их соотносительными статутными признаками.

3.2. Обнаруживаются два основных типа содержательных связей словозначений: импликационный и классификационный. Импликационные связи — это концептуальный аналог связей (взаимодействий, онтологических отношений) сущностей объективного мира. Особая их разновидность — конверсивная импликация словозначений, когда конверсивные значения представлены в семантической структуре одного слова.

Классификационные связи — когнитивный аналог распределения признаков у сущностей объективного ми-

ра. Существуют две их разновидности: гипо-гиперонимические и симилятивные. При гипо-гиперонимической связи значения соотносятся как концепты частного и общего. По понятным причинам языки избегают эквонимической связи словозначений, т. е. того положения, когда подклассы одного класса на одном уровне обобщения назывались бы одним именем.

Симиляция — простейший случай классификации, классификация *ad hoc*, без достаточно глубоких (существенных) оснований. В ее основе лежит скрытое, «освоенное» сравнение. Концепты сближаются по общему признаку, недостаточному, однако, чтобы объединить их гипо-гиперонимической или эквонимической связью. Вместе с тем концепты не связываются импликацией. Общность семантического признака может быть отражением предметно-логической общности денотатов (предметно-логическая симиляция), а может быть результатом сходного восприятия и не более (синэстетическая симиляция).

Метонимия и метафора — частные случаи *гесп.* импликационной и симилятивной связи, когда два словозначения статутно соотносятся как прямое и переносное.

3.3. Помимо состава и структуры содержания, словозначения отличаются еще статусом, т. е. взаимными соотносительными характеристиками их как элементов семантической структуры слова и системы номинативных средств языка (статутными признаками). Суммарная совокупность статутных признаков распределяет словозначения на шкале «права на десигнатор» и выявляет значения главные, второстепенные и равноценные.

II

1. Есть два уровня синтеза — анализа содержания языковых выражений: коммуникативный и предметно-логический. Оба уровня связаны иерархической зависимостью, причем второй подчинен первому. На предметно-логическом уровне содержание выражения определяется описываемым им «обстоянием дел» в отражаемом мире, выражение предстает как семиотический аналог факта и осмысливается в отвлечении от категорий и условий коммуникации. На коммуникативном уровне предметно-логическое содержание (=семантика в узком смыс-

ле) организуется сообразно категориям и условиям коммуникативного акта. Выражение становится сообщением в собственном смысле этого слова. При этом выражение вмещает в себя, помимо предметно-логического содержания, также информацию и о самой коммуникативной ситуации (в таких категориях, как вопрос — побуждение — констатация, тема — рема высказывания и т. п.).

На комплексном (высшем) коммуникативном уровне действует тенденция к содержательной единственности выражения, т. е. взаимно-однозначному отношению между содержанием и выражением. Здесь невозможны равнозначные трансформации выражений.

На предметно-логическом уровне релевантна лишь та часть совокупного содержания выражения, которая относится к описанию сообщаемого факта (референционной ситуации). Это позволяет рассматривать как равнозначные все выражения, описывающие факт как идентичную структуру идентичных элементов.

2. Семасиология изучает языковые единицы разных уровней с их содержательной, значимой стороны (со стороны их означаемых). Совокупное содержание сложных выражений составляет предмет синтаксической семасиологии. Что касается синтаксиса, то его областью является строение десигнаторов сложных выражений и корреляции между строением десигнаторов сложных выражений и их содержанием (значением).

Комбинаторная семасиология составляет раздел синтаксической семасиологии и занимается лишь одним аспектом совокупного содержания сложных выражений — взаимодействием лексических значений сочетающихся слов. При этом оказывается возможным отвлечься не только от категорий коммуникативного содержания сложных выражений и рассматривать только предметно-логический аспект их значения, но отвлечься и от всех грамматических значений — синтаксических и несинтаксических, конституирующих словоформу. Соответственно несущественными оказываются все показатели синтаксической ранжировки слов, равно как и вид формально-синтаксической связи между ними — атрибутивной или комплетивной. Приняв, что лексема — это абстракция общего от всех словоформ слова и ранговых частей речных различий, можно сказать так: для установления комбинаторно-семантических правил достаточно рас-

сма­три­вать соче­таю­щие­ся сло­ва на уровне лексем с учетом вектора экспликации.

3. Комбинаторно-семантические правила не распространяются на предикативные выражения — определения или изъяснения имен. Они, таким образом, не действуют в выражениях с мета-семантической функцией, когда язык используется для объяснения содержания своих терминов.

Комбинаторно-семантические правила есть правила взаимодействия лексических значений компонентов подчинительных сочетаний на уровне семантических структур этих значений.

4. С синтаксико-семасиологической точки зрения следует различать два рода бинарных подчинительных сочетаний: 1) сочетания, в которых имена связаны логико-синтаксическим отношением экспликации и 2) сочетания с лексической элизией имени отношения референтов.

5. Экспликация есть логико-синтаксическое содержательное отношение имен, связанных подчинительной связью и осмысляемых как вещь и ее признак (свойство или отношение). Таким образом, референционным коррелятом экспликации является мета-отношение «вещь — признак».

6. Семантическая комбинаторика экспликационных сочетаний описывается правилами конъюнкции тождественных семантических признаков и дизъюнкции несовместимых семантических признаков в семантической структуре сочетающихся лексических значений.

7. Конъюнкционное правило сводится к следующему: если в значениях экспликанта и экспликандума один и тот же семантический признак содержится дважды, то в семантике сочетания он представлен лишь один раз. Соответственно такое сочетание имен представляется семантически избыточным. Однако сочетания этого рода достаточно обычны в естественных языках и используются как способ решения некоторых конструктивно-синтаксических и содержательных задач.

Сущность конъюнкционного правила достаточно проста. Семантические признаки, описывающие какой-либо денотат в выражении, могут быть распределены между разными именами и могут содержаться в них как цельные значения или компоненты значений (семы) этих имен. При этом может оказаться, что какой-либо

признак, представляющий собой одну и ту же характеристику одного и того же денотата, неоднократно дублируется в разных именах, будучи выражен то эксплицитно (имеет свой десигнатор, значением которого он является), то имплицитно (содержится как компонент семантики какого-то десигнатора и выявляется при ее разложении). Понятно, что для описания денотата это ничего не дает сверх однократной характеристики, и при осмыслении таких выражений имеет место процесс, аналогичный операции перемножения (конъюнкции) множеств в булевой алгебре.

Вообще говоря, конъюнкция означаемых не замыкается рамками бинарных сочетаний, она распространяется на все имена более сложных выражений, если между ними — независимо от их поверхностно-синтаксических связей — устанавливается логико-синтаксическое отношение экспликации. Если, к примеру, имена имеют следующие значения: «*rider/всадник*» — человек верхом на лошади, «*прискакать*» — прибыть, приблизиться скачками, «*gallop/галоп*» — движение быстро скачущей лошади, то выражение «*the rider came galloping on horseback/всадник прискакал галопом верхом на лошади*» имеет не больше смысла, чем «*the rider came galloping (at a gallop)/всадник прибыл галопом*» или «*the man came riding a galloping horse/человек приехал верхом на галопирующей лошади*» и т. п. (Заметим, что избыточные выражения, вроде «*всадник прискакал галопом*» или «*всадник примчался галопом*» содержат косвенное изъяснение имени «*галоп*»).

Таким образом, конъюнкция означаемых — это логико-синтаксическое правило, действующее при «привязке» смысла десигнаторов сложных выражений к денотатам. Оно вступает в силу всякий раз, когда одно и то же многократно квалифицируется тождественным образом.

Если нетождественные семантические признаки квалифицируют один и тот же денотат, то в силу вступает логическое правило совместимости признаков. Его комбинаторно-семантическим выражением является правило дизъюнкции (погашения, элиминации) несовместимых семантических признаков в лексических значениях имен, связанных отношением экспликации. Из двух несовместимых признаков погашается один: или тот, что содержится в экспликандуме, или тот, что содержится в экс-

пликанте. Результатом погашения является переосмысление экспликандума или экспликанта: они приобретают — по крайней мере, в данном контексте — значение, отличное от словарного (основного, прямого, узуального).

Каковы избирательные условия этого правила? Они определяются соответствием первичных значений имен описываемому факту (референционно-семантической конгруэнтностью имен). Если экспликант употребляют в первичном значении, то погашается несовместимый семантический признак в первичном значении экспликандума и последний переосмысляется, ср. «living death, ship of the desert, black gold/живой труп, корабль пустыни, черное золото» и т. п. Если мыслят такой контекст, что в нем экспликандум имеет первичное значение, то погашается несовместимый семантический признак в первичном значении экспликанта и его переосмысливают, ср. «dead volcano, apologetic breeze, the river sweats (oil and tar)/мертвый вулкан, чуткий камыш, море смеялось» и т. п.

В предельном случае ни экспликант, ни экспликандум не могут быть осмыслены по условиям контекста в своих первичных значениях, и тогда погашаются несовместимые семантические признаки в первичных значениях обоих слов и оба они переосмысливаются, ср. «great lamps dive» = the sun sets in the sea every day)/«убивать белизну» = убирать снег).

Приняв для краткости, что $m_1^1(N_1)$ и $m_2^1(N_2)$ — первичные значения имен resp. N_1 и N_2 с негиппликационными (несовместимыми) семантическими признаками, можно сказать так: подчинительное сочетание имен N_1 и N_2 бессмысленно тогда, когда нельзя помыслить у этих имен таких вторичных значений $m_1^2(N_1)$ и/или $m_2^2(N_2)$, которые бы не содержали несовместимых признаков.

Но даже это широкое правило лишь приблизительно описывает реальные возможности семантической комбинаторики естественных языков. Приемы переподчинения и семантической контракции позволяют сочетать имена в значениях с несовместимыми признаками без погашения этих признаков. Образующиеся сочетания осмысляются путем логической реконструкции при переподчине-

нии, ср. «*green days in forest* → days in green forest/трехгранная откровенность штыка → откровенность трехгранного штыка», и путем ассоциативного домысливания неназванного среднего термина при семантической контракции, ср. «*while rush*—rush of the white bird, *whinnying stable*—stable of whinnying horses, *international fears*—fears on the account of tense international situation/зеленый шум—шум зеленеющих дубрав, честный пот—пот честного труда, соленая работа—работа до соленого пота» и т. п. Компрессия выражения и эффект коннотативного домысливания компенсируют алогичность и референционную неопределенность таких выражений. Кроме того, в структуре целого сообщения семантическая «недостаточность» таких выражений снимается, и они осмысливаются достаточно однозначно.

Также как и конъюнкция означаемых, погашение — это логическо-синтаксическое правило, действующее при «привязке» смысла десигнаторов к денотатам. Оно вступает в силу всякий раз, когда одному и тому же денотату имена приписывают несовместимые признаки. Вообще говоря, погашение означаемых не ограничивается рамками бинарного сочетания, а распространяется на все имена более сложных выражений. Достаточно, чтобы они — независимо от их связей в поверхностном синтаксисе — находились в логико-синтаксическом отношении экспликации.

9. Если семантические признаки, не совместимые in theoria, квалифицируют разные денотаты, они, естественно, не погашаются. Равным образом нет конъюнкции тождественных семантических признаков, когда они описывают разные денотаты.

10. Конъюнкционное и дизъюнкционное правила действуют в экспликационных сочетаниях с однопорядковыми семантическими признаками и не распространяются на сочетания с экспликацией разнопорядковых семантических признаков. Интенционально тождественные признаки P' и P'' и контрадикторные признаки P' и \bar{P}'' являются семантическими признаками разного порядка, если образуемые ими классы включены один в другой. Экспликационные сочетания имен таких признаков и образуемых ими классов образуют квазитавтологические и квазиантонимические (квазиоксюморонные) выражения: разнопорядковые признаки не подвергаются конъ-

юнкции и погашению. Ср. *dreams of dreams, imagine imagination, afraid of fear, to show off by not showing off, right left/привык привыкать, ниже низшего (предела), новые новые, отвык привыкать, выше низшего (предела), старые новые* и т. п.

11. Помимо экспликационных, возможны также бинарные подчинительные сочетания другого рода — сочетания с лексической элизией имени отношения референтов. Имена в таких сочетаниях называют вещи, находящиеся в каком-то отношении, однако в них нет полного имени этого отношения, равно как нет и эллипсиса. Отношение выражено иначе. Если денотаты — аргументы отношения поименованы вне отношения, то выражение последнего связывается с зависимым словом: отношение выражается падежными окончаниями субстантивных слов, предлогами (послелогоми) при них, ср. «*letter from father (father's letter), on father (father's letter), letter about father/письмо отца, письмо отцу, письмо у отца, письмо об отце*»; и т. п. Когда же денотаты именуются по объединяющему их отношению, то его выражение связывается с главным словом, а синтаксические показатели при зависимом слове, семантически пусты, ср. «*victor of Napoleon, contender for (a) title, angler's companion, founder of (a) theory, friend's brother, room-mate's sister/победитель Наполеона, соперник боксера, спутник рыболова, создатель теории, брат друга, сестра приятеля*» и т. д. Тем самым главное слово экономно совмещает именование одного из аргументов отношения с выражением самого отношения, позволяя называть второй аргумент вне данного отношения.

В этих двух случаях элизии имени отношения нет условий для действия комбинаторно-семантических правил. Имена в сочетаниях называют разные вещи и описывают их так, что или оба аргумента квалифицированы вне объединяющего их отношения или только один из аргументов квалифицируется по данному отношению. Поэтому если даже в лексических значениях имен окажутся повторяющиеся или несовместимые семы, основания для их *resp.* конъюнкции или погашения отсутствуют, ср. «*soldier's rifle, boxer's brother, friend's fiancée, steward's mother/винтовка солдата, брат боксера, невеста приятеля, мать партизана*».

Возможен, однако, и третий случай, когда оба аргу-

мента квалифицируются по объединяющему их отношению, ср. «seller of goods, author of composition, employer's employees, master's servant, mother's son/торговец товаром, автор сочинения, подчиненные начальника, слуга, господина, сын матери» и т. п. На сигнификативном уровне такие сочетания явно плеонастичны по той причине, что в интенционалах главного и зависимого слов содержатся парно-конверсивные связанные признаки, жестко имплицитующие один другой. Сочетания такого рода содержат непрямую тавтологию — тавтологию от обратного: избыточно именовать аргументы отношения в элизионных сочетаниях по связанным парно-конверсивным признакам, так как аргумент с P_+ предполагает с необходимостью аргумент с P_- . Поэтому на элизионные сочетания такого рода распространяется конъюнкционное правило амальгамации избыточно выраженного содержания.

Элизионные сочетания, в которых имена аргументов содержат несовместимые семантические признаки, запрещающие именно то отношение, которое связывает аргументы данного сочетания, попадают под действие дизъюнкционного правила погашения одной из несовместимых сем при параллельном обобщении значения соответствующего имени, ср. «air (space) ship/воздушный (космический) корабль», также «воздушное судно» (юридический термин).

12. В целом взаимодействие лексических значений слов в бинарных подчинительных сочетаниях описывается двумя правилами: конъюнкции и дизъюнкции. Суть первого правила состоит в амальгамации избыточно выраженного содержания, а второго — в выборе одного из несовместимых семантических признаков и погашении второго. Эти правила императивны для экспликационных сочетаний с однопорядковыми семантическими признаками. Что же касается элизионных сочетаний, то там их действие обнаруживается лишь в специальных случаях. Вообще же конъюнкция и дизъюнкция *resp.* тождественных и несовместимых семантических признаков иррелевантна для элизионных сочетаний, поскольку эти признаки относятся к описанию разных вещей.

Конъюнкция и дизъюнкция составляют непреложную логико-семантическую основу комбинаторики лексических значений. Нарушение их лишает выражение смысла.

Естественный язык, в особенности в его поэтической разновидности, широко использует эффект мнимого нарушения комбинаторно-семантических правил как метасемантический прием выражения концептов, не находящих адекватного обозначения в ономаσιологической норме (в номинативной системе первичных значений). В нормативном аспекте порождения речи они выступают как логико-семантические фильтры, отсеивающие избыточные и некорректные выражения.¹ Если же фильтры пропускают такие выражения, то это сигнализирует, что с ними связывают какое-то иное содержание, чем в норме, или же они нагружены какими-то иными функциями, помимо семантических.

Естественно полагать, что действие этих правил сохраняется и на более высоких уровнях взаимодействия лексических значений, т. е. между лексическими значениями синтаксических единиц последовательно более высоких порядков, чем бинарное подчинительное словосочетание. Различие будет состоять в том, что там конъюнкционное и дизъюнкционное правила применяются к понятийным разложениям (семантическим структурам, конфигурациям) лексических значений не отдельных слов, а целых словосочетаний. Ср. *the deadeſt thing alive, a private public affair, familiar things grown ſtrange*/маленький большой человек, плохой хороший человек, старый новый год, и зимой — надои летние, заморожен летний хоккей» и т. д.

В заключение следует еще раз подчеркнуть два обстоятельства.

1) Семантическая комбинаторика — это лишь один аспект семантики словосочетаний, а именно, взаимодействие по определенным правилам лексических значений входящих в подчинительное сочетание слов. Соответственно комбинаторная семасиология составляет лишь раздел общей теории семантики сложных выражений. Не следует ставить перед ней задачу описать и объяснить,

¹ Ср. «Надо допустить, что в процессе научающей коммуникации формируется специальный семантический фильтр, который на приемном конце не пропускает в интеллект бессмысленных сочетаний. Об этом свидетельствует хотя бы тот простой факт, что в норме придумать бессмысленные сочетания слов труднее, чем осмысленные». Н. И. Жинкин. Грамматика и смысл (разбор случая семантической афазии у ребенка) [30—78 и след.].

каким образом значение сложных выражений любого уровня выводится из значения единиц низшего уровня (в конечном счете — из значений минимальных значимых единиц), так как на каждом уровне к значению сложного выражения, образовавшемуся в результате синтеза значений компонентов, могут добавиться собственные значения данного высшего уровня. В процессе синтеза могут возникать семантические приращения, которые нельзя отнести на счет семантики сочетающихся единиц. Кроме того, можно ожидать своеобразия правил синтеза на каждом уровне.

Комбинаторная семасиология не может подменить собой разделы грамматической семасиологии, такие как исследование семантической стороны словообразования и формообразования. Каждый из них рассматривает свой аспект семантики сложных выражений. Комбинаторика лексических значений не исчерпывает всей семантики словосочетания. За ее пределами остаются значения синтаксических показателей при главном и зависимом слове. Иначе говоря, синтаксические значения, содержащиеся в сложном выражении дополнительно к лексическим значениям его компонентов, непосредственно не входят в предмет комбинаторной семасиологии. Ими занимаются в синтаксисе (как части грамматики).

2) Вместе с тем существует определенное вращение двух аспектов семантики словосочетаний — комбинаторно-семантического и синтаксико-семантического — друг в друга. Обнаруживается, что комбинаторно-семантические правила действуют в определенных синтаксических рамках, предполагают известные различия в синтаксическом типе сочетаний. Сфера их действия связывается, хотя бы и с элементарными, семантико-синтаксическими различиями в сочетаниях. Конъюнкция и дизъюнкция семантических признаков предполагают вполне определенный семантико-синтаксический тип сочетаний — экспликационные. За вычетом специфических случаев типа «(my) wife's husband/муж (моей) жены» и «air (space) ship/воздушный (космический) корабль» эти правила не действуют в элизионных сочетаниях.

ЛИТЕРАТУРА ПО СПЕЦКУРСУ

1. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. «Лексикографический сборник», вып. 5, М., 1962.
2. Апресян Ю. Д. О понятиях и методах структурной лексикологии. «Проблемы структурной лингвистики», сб., М., 1962.
3. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.
4. Апресян Ю. Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления), ВЯ, 5, 1965.
5. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966.
6. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967.
7. Апресян Ю. Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка, ВЯ, 1968, 5.
8. Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы, ВЯ, 1969, 4.
9. Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики, Известия АН СССР, ОЛЯ, 1969, 1.
10. Апресян Ю. Д. О языке для описания значений слов, Известия АН СССР, ОЛЯ, 1969, 5.
11. Апресян Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений. «Проблемы структурной лингвистики. 1971», М., 1972.
12. Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей. НТИ, серия 2, 1968, 11.
13. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного), Л., 1966.
14. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка, Л., 1973.
15. Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия, Л., 1966.
16. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957.
17. Ахманова О. С. и др. О принципах и методах лингвистического исследования (под ред. О. С. Ахмановой), МГУ, М., 1966.
18. Бархударов Л. С. О поверхностном и глубинном синтаксисе, ИЯШ, 1974, 1.
19. Блумфильд Л. Язык, русск. перевод, М., 1968.

20. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования, М., 1963.
21. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, 5.
22. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат, М., 1958.
23. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. «Семантическая структура слова», сб., М., 1971.
24. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. «Проблемы структурной лингвистики. 1971», сб., М., 1972.
25. Геллнер Э. Слова и вещи, перевод с англ., М., 1962.
26. Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. «Логико-грамматические очерки», сб., М., 1961.
27. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961.
28. Долгопольский А. Б. Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа плана содержания в языке. «Лексикографический сборник», вып. 5, М., 1962.
29. Есперсен О. Философия грамматики, русск. перевод под ред. Б. А. Ильиша, М., 1958.
30. Жинкин Н. И. Грамматика и смысл. «Язык и человек», сб., МГУ, 1970.
31. Жолковский А. К. Лексика целесообразной деятельности. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», сб., вып. 8, М., 1964.
32. Жолковский А. К. О правилах семантического анализа. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», сб., вып. 8, М., 1964.
33. Жолковский А. К., Иванов Вяч. В., Леонтьев Н. Н., Мартемьянов Ю. С., Розенцвейг В. Ю., Щеглов Ю. К. Дифференциально-семантические признаки слова. Тезисы докладов межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка», М., 1961.
34. Жолковский А. К., Леонтьева Н. Н., Мартемьянов Ю. С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе. «Машинный перевод», вып. 2, М., 1961.
35. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О возможном методе и инструментах семантического синтеза, II, НТИ, 1966, 12.
36. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19, М., 1967.
37. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О системе семантического синтеза. 1—2. НТИ, серия 2, 1966, 11; 1967, 2.
38. Жолковский А. К., Мельчук И. А. К построению действующей модели языка «смысл \rightleftharpoons текст». «Машинный перевод и прикладная лингвистика», М., 1969.
39. Задорожный М. И. О границах полисемии и омонимии, МГУ, М., 1971.
40. Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика, М., 1968.
41. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 13, М., 1970.

42. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение, М.-Л., 1965.

43. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, Л., 1972.

44. Козлова М. С. Философия и язык, М., 1972.

45. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии, Воронеж, 1972.

46. Курилович Е. Очерки по лингвистике, М., 1962.

47. Левицкий В. В. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова. «Семантическая структура слова», сб., 1971.

48. Литвин Ф. А. К обоснованию принципов типологии лексических значений слова. «Проблемы общей и романо-германской семасиологии», Владимир, 1973.

49. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания, М., 1974.

50. Мельчук И. А. К построению действующей модели языка. «Проблемы языкознания», сб. М., 1967.

51. Мельчук И. А. К вопросу о «внешних» различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости. «To Honor Roman Jakobson», сб., The Hague—Paris, 1967.

52. Мельчук И. А. Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров). «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума», Тула, 1968.

53. Мельчук И. А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними, Известия АН СССР, ОЛЯ, 1968, т. XXVII, вып. 5.

54. Мельчук И. А. К принципам описания означаемых (о лингвистической семантике). «Язык и человек», сб., М., 1970.

55. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл \rightleftharpoons текст», М., 1974.

56. Москович В. А. Статистика и семантика, М., 1969.

57. Москович В. А. Методика обнаружения лексико-семантических связей слов, ИЯШ, 1972, 6.

58. Никитин М. В. К определению знака и к типологии знаков и знаковых систем. Уч. зап. Владимирского педин-та, серия «Иностранные языки», вып. 3, Владимир, 1969.

59. Никитин М. В. К определению и типологии значений в естественном языке (статья первая), там же, вып. 4, Владимир, 1970.

60. Никитин М. В. К типологии значений в естественном языке: о денотативном и сигнификативном значениях и о репрезентативной и дефинитивной функциях имен (статья вторая), там же, вып. 4, Владимир, 1970.

61. Никитин М. В. О понятии «языковое значение», там же, вып. 6, Владимир, 1971.

61а. Никитин М. В. О содержательных связях словозначений, там же.

62. Никитин М. В. К таксономии языковых единиц. «Проблемы общей и романо-германской семасиологии», сб., Владимир, 1973.

63. Основы компонентного анализа, сб. под ред. Э. М. Медниковой, МГУ, М., 1969.

64. Панфилов В. З. Грамматика и логика, М., 1963.
65. Пауль Г. Принципы истории языка, перевод с немец., М., 1960.
66. Пелевина Н. Ф. Способы определения структуры значения. «Теория речевой деятельности», сб., М., 1968.
67. Пелевина Н. Ф. О семантической системе, ИЯВШ, вып. II, М., 1963.
68. Перебейнос В. С. К вопросу об использовании структурных методов в лексикологии. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.
69. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, I—II (Харьков, 1888), М., 1958.
70. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема отдельности слова). «Вопросы теории и истории языка», сб., М., 1952.
71. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема тождества слова). Труды ИЯ АН СССР, М., 1954, т. IV.
72. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматики», сб., М., 1955.
73. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка, М., 1956.
74. Степанов Ю. С. Основы языкознания, М., 1966.
75. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, ВЯ, 1963, I.
76. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, II, ВЯ, 1966, 5.
77. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения, М., 1963.
78. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы, М., 1962.
79. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968.
80. Уфимцева А. А. К разграничению лексического и лексико-семантического уровней языка, ИЯШ, 1968, 2.
81. Шведова Н. Ю. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы», ВЯ, 1970, 3.
82. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964.
83. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка), М., 1973.
84. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, Известия АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931.
85. Ярцева В. Н. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка. «Исследования по общей теории грамматики», сб., М., 1968.
86. Ярцева В. Н. Предложение и словосочетание. «Вопросы грамматического строя», сб., М., 1955.
87. Akhmanova O. Semantic features. «Cognition: a multiple view», ed. by Paul L. Garvin, N. Y. — Washington, Spartan Books, 1970.
88. Bendix E. Componential analysis of general vocabulary. «International Journal of American Linguistics», vol. 32, 1966, 21.
89. Chafe W. L. Meaning and the structure of language, The Univ. of Chicago Press, 1970.

90. Chomsky N. Studies on semantics in generative grammar. The Hague—Paris, 1972.
91. Fillmore Ch. J. Types of lexical information. In: «Studies in syntax and semantics», Ed. F. Kiefer. Dordrecht, 1970.
92. Galperin I. R. Stylistics, M., 1971.
93. Goodenough W. Componential analysis and the study of meaning. «Language», 1952, vol. 32, 1.
94. Greenberg J. The logical analysis of kinship. «Philosophy of Science», 1949, vol. 16, 1.
95. Greimas A.-I. Semantique structurale, Paris, 1966.
96. Karcevskij S. Du dualisme asymmetrique du signe linguistique. TCL de Prague (русс. перевод в: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1960).
97. Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory. «Language», 1963, vol. 39, 2.
98. Katz J. J., Postal P. M. An integrated theory of linguistic description. Cambridge (Mass). The M. T. J. Press.
99. Kiefer F. (Hrsg.) Semantik und generative Grammatik. I, II. Frankfurt/M., 1972.
100. Kurilowicz J. Metaphor and metonymy in linguistics. «Warsaw symposium on semiotics», 1966.
101. Lakoff G. On generative semantics. In: «Semantics: an interdisciplinary reader in psychology, philosophy and linguistics». Eds. D. Steinberg, L. Jakobovitz. Cambridge, 1971.
102. Lyons J. Structural semantics, Oxford, 1963.
103. Lyons J. Towards a «notional» theory of the parts of speech «Journal of Linguistics», 11, 1966.
104. McCawley J. D. The role of semantics in a grammar. In: «Universals in linguistic theory», N. Y., 1968.
105. McCawley J. D. Interpretive semantics meets Frankenstein. In: «Foundations of language», 1971, vol. 7, 2.
106. Studies in generative semantics, сб., 1970. 1.
107. Studies in linguistic semantics, сб. Eds. Ch. J. Fillmore, D. T. Langendoen, N. Y., 1971.
108. Ullmann St. Language and style, Oxford, 1964.
109. Weinreich U. On the semantic structure of language. «Language niversals», сб., Cambridge (Mass.). 1963. Русск. перевод в сб. «Новое в лингвистике», вп. 5, М., 1970.
110. Weinreich U. Explorations in semantic theory. «Current trends in linguistics», vol. 3. The Hague—Paris, 1966.
111. Zgusta L. Manual of lexicography, Prague, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть I

Лексическое значение в слове (лекции 1—6)

- Раздел 1. Определения исходных понятий и терминов (лекция 1)
- Раздел 2. Полисемия и разграничение полисемии (лекции 2 и 3)
- Раздел 3. Структура лексического значения (лекция 4)
- Раздел 4. Семантическая структура слова (лекции 5 и 6)

Часть II

Взаимодействие лексических значений в словосочетаниях (лекции 7—14)

- Раздел 1. Вводные замечания (начало лекции 7)
- Раздел 2. Синтаксические предпосылки комбинаторной семасиологии (лекции 7—9)
- Раздел 3. Комбинаторно-семантический анализ бинарных подчинительных словосочетаний (лекции 10—14)
- §§ 1—2. Предварительные разъяснения
- § 3. Экспликация интенционала
- § 4. Экспликация жесткого и сильно-вероятностного импликационала
- § 5. Экспликация свободно имплицуруемых признаков
- § 6. Экспликация неимпликационных признаков
- § 7. Экспликация разнопорядковых семантических признаков
- § 8. Семантическая комбинаторика элизионных сочетаний
- Заключение: обобщения и выводы (лекция 15)
- Литература по спецкурсу

Михаил Васильевич Никитин

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СЛОВЕ И СЛОВСОЧЕТАНИИ

Редактор *М. К. Тесленко*
Технический редактор *Л. Ф. Зайцева*
Корректор *Т. М. Суптеля*

Сдано в набор 24/X 1974 г. Подписано к печати 6/I 1975 г. Ж-00835
Бумага типограф. № 2. Формат 84×108¹/₃₂. Объем 11,76. Усл.-печ. л. 11,76
Тираж 1000 экз. Заказ 360. Цена 80 коп.

Владимирская типография Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Гор. Владимир, ул. Победы, д. 18-б.

Опечатки

Строка	Напечатано	Следует читать
19 сверху 13 снизу	создания слева) не исчер- пывает содержа- тельных связей слово-	сознания ного слова (2.3.4). 2.4. Классификаци- онные связи слово-
3—4 сверху 13 сверху	возникающие комплексив- ной	исчезающие комплексивной
3 сверху 18—20 сверху 10 снизу 18 сверху 2 снизу 11 сверху 6 снизу 8 снизу	комплексивная информативны $A \leftarrow A$ частный Du nested dryness left	атрибутивная неинформативны $A \leftarrow \bar{A}$ частый Du nested spray dryness left left